

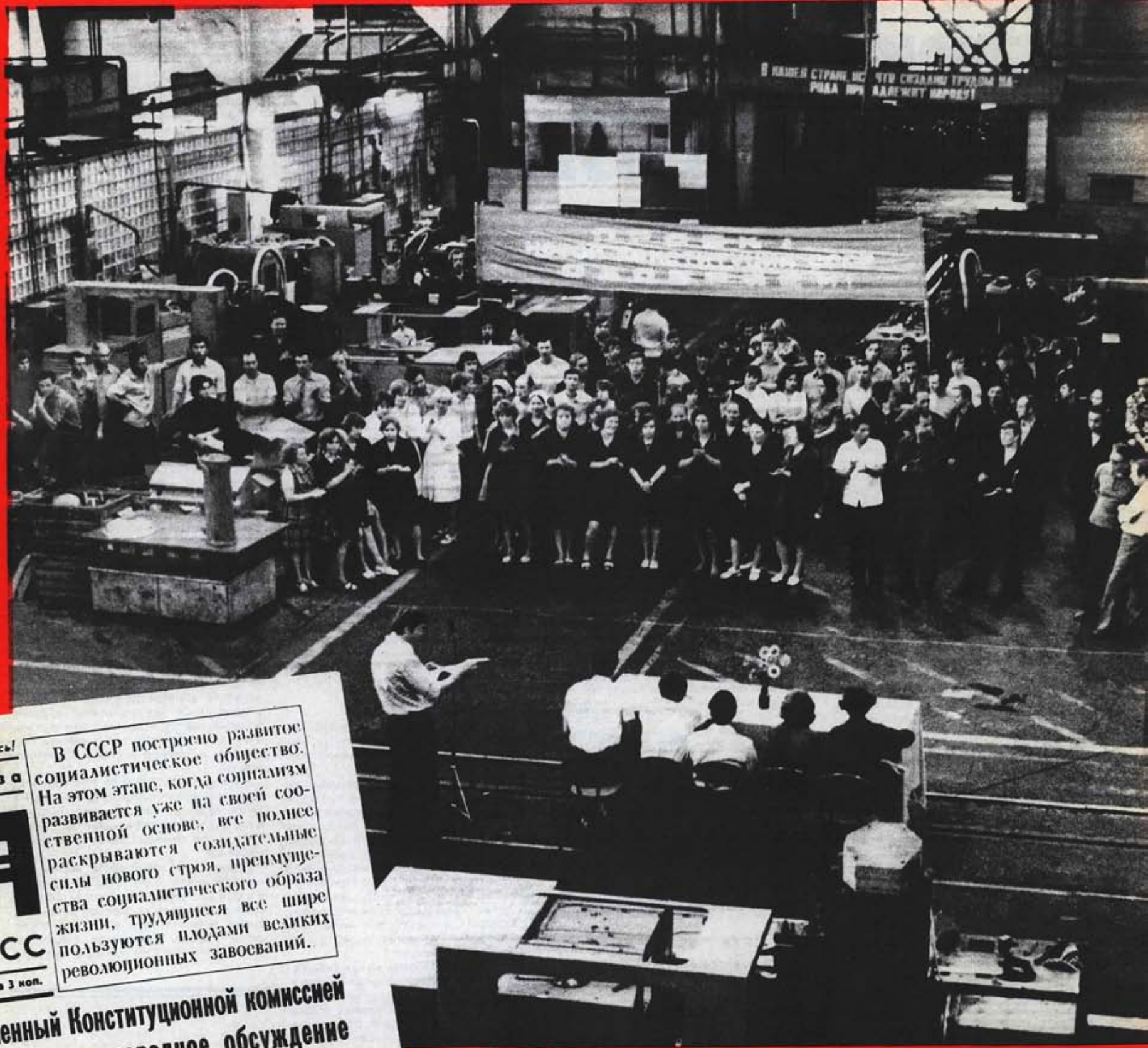
СМЕНА

№ 17 СЕНТЯБРЬ 1977

**ТРУД НАШ ЕСТЬ ДЕЛО ЧЕСТИ,
ЕСТЬ ДЕЛО ДОБЛЕСТИ И ПОДВИГ СЛАВЫ!**

...нийтесь!
...ою за
А
...ПСС
Цена 3 коп.

В СССР построено развитое социалистическое общество. На этом этапе, когда социализм развивается уже на своей социальной основе, все полнее раскрываются созидательные силы нового строя, преимущества социалистического образа жизни, трудящиеся все шире пользуются плодами великих революционных завоеваний.

...авленный Конституционной комиссией
...ения на всенародное обсуждение

У Ц И Я А К О Н ЧЕСКИХ РЕСПУБЛИК

Статья 20. В соответствии с коммунистическим идеалом: «Свободное развитие каждого есть условие свободного развития всех» Советское государство ставит своей целью расширение реальных возможностей для развития и применения гражданами своих творческих сил, способностей и дарований, для всестороннего развития личности.

Статья 21. Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении, а в дальнейшем и полном вытеснении тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства.

Статья 22. В СССР последовательно претворяется в жизнь программа преобразования сельскохозяйственного труда в разновидность индустриального, культуры в сельской местности сети укреплений народного образования, культуры, здравоохранения, бытового обслуживания, торговли и коммунального хозяйства, преобразования села и деревни в благоустроенные поселки.

Статья 23. Государство неуклонно осуществляет курс на повышение уровня оплаты труда, реальных доходов трудящихся в соответствии с ростом производительности труда.

В целях более полного удовлетворения потребностей членов общества создаются общественные фонды потребления. Государство при широком участии общественных организаций и трудовых коллективов обеспечивает рост и справедливое распределение этих фондов.

Статья 24. В СССР действуют и развиваются государственные системы здравоохранения, социального обеспечения, бытового обслуживания, общественного питания и коммунального хозяйства.

Государство поощряет деятельность кооперативных и других общественных организаций в области обслуживания населения.

Государство поощряет деятельность системы образования, которая служит в области обслуживания системы образования, которая служит развитию интеллектуальной, духовной и физической деятельности. Образование в СССР существует для развития личности.

...вания, которые сделаны нашей страной, нашим народом за шестьдесят лет. Каждая статья проекта открывает самые широкие возможности нашей молодежи. Как человек рабочий, и прежде всего отметил бы гарантированное право на труд и на выбор профессии.

Государство помогает человеку определиться в жизни, создает условия для работы. У каждого из нас — все возможности для профессионального роста. Тут и наставники помогают, и конкурсы различные, и школы передового опыта. Мне, конечно, по высокому разряду работать интересней. И заводу, думается, выгодно иметь больше квалифицированных кадров. Так тесно переплетаются личные и заводские интересы. Обратите внимание — и в обязательствах участников есть непременно пункт о повышении квалификации. А хочешь дальше учиться, со стороны завода полное понимание.

Когда я почувствовал, что не хватает знаний на сложной работе, поступил в станкостроительный техникум, получил специальное образование без отрыва от производства. Обычная, в общем, биография.

Вот еще о чем должен сказать. В выборе жизненного пути поначалу могут случаться и ошибки. Беда небольшая, если человек свою ошибку вовремя понял и исправил. Но бывает, что под правом на труд и на выбор профессии понимают право с легкостью необыкновенной менять специальность, место работы, порхать с завода на завод, со стройки на стройку. Нам гарантируется право на труд. Но оно также предполагает уважение к труду, к товарищам по работе.

Еще на один вопрос хочется обратить внимание. Мы выпускаем самые современные станки. Но посмотрите, подносят и ставят деталь, порой тяжелую, приходится вручную. Поэтому

ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР

му статью 21 проекта Конституции предлагаю дать в такой редакции: «Государство заботится об улучшении условий труда, о сокращении и постепенном вытеснении тяжелого ручного труда на основе комплексной механизации и автоматизации производства».

Комментарий «Смены»

Замечания, предложения, высказанные в ходе обсуждения проекта Конституции, уже находят практическое отражение в жизни рабочего коллектива. На заводе расширяются технологические возможности станков, создаются роботы, которые сами будут брать и устанавливать детали на станок. Проектируется первый, полностью автоматизированный участок, оснащенный электроникой. На таком участке будет 12 различных станков. Поступает заготовка, проходит полный цикл обработки — и получаем на выходе готовую деталь. Один подобный участок позволит высвободить до 90 станочников. Такова краткая иллюстрация к словам Валерия Фионова.

Каждый молодой рабочий — участник юбилейной ударной вахты. По инициативе электромонтажников цеха № 17 развернуто соревнование за право называться коллективом имени 60-летия Октября. Многие комсомольцы решили к 7 ноября выполнить по два годовых плана. Подсчитано, что юбилейная комсомольская вахта даст сверхплановой продукции на 400 тысяч рублей.

ВЛАСТЬ НАРОДНАЯ

Владимир ЗОТОВ,
электромонтажник,
член цехового
постоянно
действующего
производственного
совещания

Все мы помним, как в прошлом году во время выборов депутатов Верховного Совета СССР мы голосовали за нашего товарища слесаря-сборщика цеха № 10 Анатолия Бутримова. Теперь он депутат высшего органа власти. От нашего имени принимает участие в решении важных государственных вопросов. На предвыборных собраниях избиратели давали Анатолию свои наказы. В частности, ему было поручено решить вопросы о путевой развязке на пересечении улицы Циолковского и Куйбышевского шоссе, о переселении жителей неблагоустроенных домов в новые современные квартиры. Как мы знаем, по обоим наказам приняты практические решения: строительство путевой развязки вскоре будет завершено; все большее число рязанцев спрашивает новоселье в кварталах-новостройках.

Участие трудящихся, молодежи в

решении проблем управления осуществляется и через сеть массовых организаций — прежде всего таких, как профсоюзы и комсомол, народный контроль, и через постоянно действующие производственные совещания. В нашем цеховом ПДПС много молодежи. Нет нужды вам подробно рассказывать о его работе, многие из вас участники этого совещания.

Статья 7 проекта Конституции СССР закрепляет возрастание роли общественных организаций, в том числе и комсомола, в решении политических, хозяйственных и социально-культурных вопросов, в управлении государственными и общественными делами. Это закономерный процесс развития всей политической системы нашего государства. Я предлагаю дополнить статью 92 проекта Конституции следующими словами: «Государственные органы, должностные лица должны содействовать работе всех общественных и кооперативных организаций, активно привлекать членов этих организаций к управлению государственными делами».

Комментарий «Смены»

Во время недавних выборов в местные Советы депутатами избраны три молодых представителя цеха № 17. Электромонтажница Татьяна Авдоница — в городской Совет, слесарь-сборщик Юрий Быковский и секретарь комсомольской организации Юрий Цинкалов — в районный.

На заводе работает 12 постоянно действующих производственных совещаний. В их состав избрано 486 рабочих, инженеров, техников и служащих. По инициативе ПДПС осуществлено немало мероприятий, которые помогли улучшить условия труда, повысить производительность и качество.

«Я ВСЕМ ОБЯЗАН ЗАВОДУ»

Владимир ШИРЯЕВ,
бригадир
комсомольско-
молодежной
бригады
слесарей-
сборщиков

Человек быстро привыкает ко всему хорошему. Я иду на прием к врачу, совсем не задумываясь, что лечение будет полностью оплачено государством. Но вот когда читал в проекте Конституции слова о бесплатной медицинской помощи и здравоохранении, вспомнил недавний курьезный, на наш взгляд, случай.

Одну из моделей станка наши инженеры разрабатывали совместно с французской фирмой. Как-то заболел француз-механик. С трудом уговорили его пойти в нашу заводскую поликлинику.

Врач осмотрел его, дал лекарства. На следующий день механик снова пришел в поликлинику, чтобы узнать, во что обойдется его исцеление. Врач ничего не мог понять. Вызвали переводчика, кое-как объяснились. Тут уж француз ничего понять не мог. Разве его лечили бесплатно?

Еще трудней было бы объяснить, что у нас настоящая забота о здоровье рабочего человека начинается гораздо раньше, чем он обращается к врачу. Здесь и о производственной санитарии надо вспомнить, профилакториях, базах отдыха... Обо всем, что мы называем нормальными условиями труда и отдыха.

Вы, наверное, обратили внимание, что в проекте подчеркивается право на жилище. Завод строит, и строит немало: в прошлой пятилетке введено около тридцати трех тысяч квадратных метров жилой площади, на это пятилетие завод выделил на строительство жилья больше четырех миллионов рублей. У нас делается все возможное для улучшения жилищных условий трудящихся, и мы как-то привыкли к этому и не умеем порой ценить. Может быть, стоит в статью 44 проекта внести дополнение о том, что все граждане обязаны заботиться о сбережении и охране жилого фонда.

Комментарий «Смены»

Нынче все материальные, моральные и духовные потребности рабочего, все стороны его жизни так или иначе связаны с заводом.

Родился ребенок — и предприятие сразу же берет его под свою опеку, предоставляя место в детском саду. Восемь детских садов и комбинатов имеет сегодня завод. Знаете, во сколько обходится содержание ребенка в дошкольном учреждении? 480 рублей в год. Родители платят только треть этой суммы. Нужно организовать летний отдых детей — завод строит пионерлагерь, где каждый год живут более четырехсот детей. Столько же могут провести лето и в городском лагере.

Подходит время отпуска — и рабочий опять же обращается в заводской комитет профсоюза. К примеру, за прошлую пятилетку в санаториях и домах отдыха побывало около семи тысяч станкостроителей, причем почти тысяча рабочих получила путевки бесплатно.

СВЯЩЕННЫЙ ДОЛГ

Александр РЮМИН,
слесарь-сборщик

Недавно я вернулся в родной цех после службы в Советской Армии. О

товарищах по цеху, своем заводе — я помнил всегда, но с особой благодарностью вспоминал их в начале службы. Дело в том, что давалась мне воинская наука легче, чем многим моим однополчанам. А все потому, что я еще до службы окончил университет молодого бойца, который действует на нашем заводе почти десять лет.

На заводе созданы все условия для того, чтобы готовить молодежь для службы в армии.

Большинство наших комсомольцев и молодежи — члены ДОСААФ. Это общество располагает хорошей материальной базой. Наш комитет комсомола прилагает немало усилий для развития в цехе физкультуры и спорта. На спортивных соревнованиях наша команда не раз выходила победителем. И все же еще не все наши комсомольцы стали значкистами ГТО.

В проекте новой Конституции СССР записано, что «защита социалистического Отечества есть важнейшая функция государства, дело всего народа». Нам дорого все, что создано и завоевано нашими дедами и отцами. И мы, советская молодежь, в случае необходимости будем защищать эти завоевания так же мужественно, как наш народ отстаивал завоевания Великого Октября в годы Великой Отечественной войны.

Мне думается, что в характеристику развитого социалистического общества из вводной части проекта Конституции СССР следует добавить такой абзац: «Это — общество, в котором обеспечивается преемственность поколений, воспитание молодежи на революционных, боевых и трудовых традициях Коммунистической партии и советского народа».

Комментарий «Смены»

Кроме университета молодого бойца, на заводе работает учебный пункт начальной военной подготовки. Если в университете допризывники изучают, что называется, «теорию», то в учебном пункте они проходят практическую подготовку к службе в рядах Советской Армии.

Учебный пункт завода пять лет подряд завоевывал переходящий кубок Рязанского областного комитета ДОСААФ за подготовку допризывников. Сейчас этот кубок передан заводу на вечное хранение.

Недавно на живописном берегу Оки на заводской базе отдыха «Слемы» состоялся очередной, десятый слет участников походов по местам революционной, боевой и трудовой славы советского народа. Заводские следопыты посвятили этот слет юбилею Октября.

МЫ — МИРНЫЕ ЛЮДИ

Александр МИРОНОВ,
электромонтажник

Наше поколение родилось и живет в условиях мирного времени. Жить и трудиться без войны — это великое счастье.

Принципы международных отношений, записанные в проекте новой Кон-

ститутации, полностью отвечают интересам всего нашего народа, всех миролюбивых сил земного шара. Вот почему советские люди единодушно одобряют их и делают все, чтобы международные отношения нашего социалистического государства постоянно укреплялись. Есть в этом большом деле и доля коллектива нашего завода. Он — член обществ советско-вьетнамской, советско-польской и советско-германской дружбы.

С каждым годом развиваются экономические связи нашего завода с зарубежными странами. Вместе с поставками рязанских станков за границу все шире развивается международная кооперация при их производстве. Многие наши станки комплектуются программными устройствами французских, западногерманских и шведских фирм. Такая кооперация помогает нам. Выгодна она также рабочим французских, немецких и шведских предприятий, так как повышает занятость в их странах.

Комментарий «Смены»

Станки, изготовленные в Рязани, экспортируются, как уже говорилось, во многие страны. За все годы экспорта на рязанские станки не пришло ни одной рекламации. Вот свидетельства покупателей.

Объединение «Станитальяно»:

«Выражаем удовлетворение станками, выпущенными Рязанским станкозаводом, которые могут быть сравнимы с лучшими станками международных станкостроительных фирм».

Испанские фирмы «Воркан» и «Аспарекс»:

«Изготовление узлов станков, сборка и испытание оборудования убедили нас в высоком качестве Вашей продукции. Модель ИМ63 показала, что этот станок по праву является одним из лучших в мире».

Добиться такой высокой оценки на мировом рынке, где конкурентами выступают фирмы Соединенных Штатов Америки, Англии, Швеции, Швейцарии, — задача не из простых. Тем весомее признание клиентов.

МЫ В ОТВЕТЕ ЗА ВСЕ...

Александр
СОКОЛОВ,
наладчик-инженер

В своем докладе на майском Пленуме ЦК КПСС Леонид Ильич Брежнев сказал, что каждый гражданин должен чувствовать свою ответственность перед обществом, выполнять свой долг перед государством, перед народом.

Именно так и трудится большинство рабочих нашего коллектива. Однако есть еще среди нас люди, считающие необязательным для себя соблюдать трудовую и производственную дисциплину, правила социалистического общежития.

Все вы знаете слесаря-сборщика Алексея Власова. Недавно он побывал в медвытрезвителе. Могут сказать, что этот случай касается только его лично. Это не так. Мало того, что выпивохи и

нарушители трудовой дисциплины бросают пятно на коллектив, они еще отрицательно влияют на производство. По их вине чаще всего случается брак, идет насмарку труд целого коллектива. Мы не должны мириться с такими явлениями. Надо записать в проект Конституции, что наше общество не может мириться с теми, кто нарушает его законы, не работает на общее благо. В связи с этим хотелось бы дополнить статью 60 положением: «Гражданин, нарушающий трудовую и производственную дисциплину, несет ответственность перед своим рабочим коллективом и обществом в целом».

Проект новой Конституции закрепляет за трудящимися право быть хозяевами страны. Что такое поступать по-хозяйски? Это не только ответственно относиться к социалистической собственности, бороться с теми, кто портит и расхищает народное добро. Это не только беречь материалы, электроэнергию, воду. Быть хозяином — это еще и способствовать воплощению планов своего предприятия, выполнению его договорных обязательств перед заводами, куда идут наши станки, потому что экономика СССР, как сказано в проекте Конституции, представляет единый народнохозяйственный комплекс, охватывающий все звенья производства, распределения и обмена на территории страны, и каждое предприятие — в том числе и наше — важное звено в этом комплексе.

Комментарий «Смены»

О том, как комсомольцы цеха осознают свою ответственность за дела завода, говорит хотя бы такой факт. Одним из поставщиков РСЗ является Бакинский электромашиностроительный завод имени 50-летия комсомола Азербайджана. Свои поставки электромоторов он постоянно срывает. Те же моторы, которые приходят в Рязань, — в большинстве брак. Это лихорадило работу цеха № 17. Комсомольцы обратились за помощью в хозяйственные и общественные организации Азербайджана. Когда это не дало результата, направили коллективное письмо в центральную газету. Необходимые моторы удалось добыть у владимирцев и предприятий-соседей. В этом случае красноречиво проявилось беспокойство и чувство ответственности за дело своего цеха и завода, которое проявили молодые станкостроители.

КОМСОМОЛЬЦЫ РЕШИЛИ:

Принять к неуклонному руководству и исполнению решения майского (1977 г.) Пленума ЦК КПСС положения и выводы, изложенные на Пленуме в докладе Генерального секретаря ЦК КПСС товарища Л. И. Брежнева. Одобрить в целом проект Конституции Союза Советских Социалистических Республик.

Досрочно, к дню рождения Ленинского комсомола, выполнить социалистические обязательства в честь 60-летия Великого Октября. Каждый комсомолец, юноша и девушка считает своим долгом участвовать в соревнованиях за почетное право подписать Рапорт Ленинского комсомола ЦК КПСС в честь юбилея Октября.

Материалы собрания подготовили наши специальные корреспонденты: Владимир АНИСИМОВ, Анатолий БАРАНОВ, Леонид ПЛЕШАКОВ, Юрий УСТИНОВ (фото).

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

СМЕНА

ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ И ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ
ЖУРНАЛ ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

Основан в январе 1924 года. Выходит два раза в месяц

№ 17 (1207) СЕНТЯБРЬ 1977

МОСКВА, ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Наша обложка:
Александр САВИН—
модельщик
Ижорского
завода.

Фото Сергея ПЕТРУХИНА

- 1 ОБСУЖДАЕМ ПРОЕКТ КОНСТИТУЦИИ СССР. Комсомольское собрание на Рязанском станкоинструментальном заводе.
- 4 К 60-ЛЕТИЮ ВЕЛИКОГО ОКТЯБРЯ. Владимир ДЕСЯТЕРИК. «ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ». Хроника.
- 7 «НАША БИОГРАФИЯ». О видеофильмах для молодежи рассказывает Евгений ШИРОКОВ.
- 8 Рассказ Миколы ВИНГРАНОВСКОГО «НЕ СМОТРИ МНЕ В СПИНУ».
- 10 ЛИТЕРАТУРНЫЙ ГЛОБУС «СМЕНИ». Стихи монгольского поэта ЛОДОНГИЙНА ТУДЭВА.
- 12 Ирина БАБИЧ. «ПОГОНЯ ЗА АКУЛОЙ».
- 15 «МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ». Фотоконкурс «Смены», посвященный 60-летию Великого Октября.
- 16 ЭТЮДЫ О ХУДОЖНИКАХ. Григорий ОГАНОВ. «НА ЖИВОЙ, ТРЕПЕЩУЩЕЙ ЗЕМЛЕ...»
- 19 НОВОЕ ИМЯ. Стихи Владимира ВИНОГРАДСКОГО.
- 20 МОДЫ: ОСЕНЬ-77.
- 22 УРОКИ ЖИЗНИ. Диалог драматурга Виктора РОЗОВА с заслуженным учителем РСФСР Семеном ГУРЕВИЧЕМ.
- 24 АНТИГУМАНИЗМ БУРЖУАЗНОЙ КУЛЬТУРЫ. Борис ГАЛАНОВ. «ЧЕРНЫЕ ЛЕНТЫ НА БЕЛЫХ ЭКРАНАХ». Юрий ТЮРИН. «КАК УБЕЖАТЬ ИЗ «ПСИХУШКИ»?»
- 28 К 100-летию со дня рождения Ф. Э. ДЗЕРЖИНСКОГО. ЮЛИАН СЕМЕНОВ. «ОСОБО ОПАСНЫЙ ПРЕСТУПНИК». Повесть в эпизодах, письмах и документах (1902—1905 гг.).

Главный редактор А. А. ЛИХАНОВ

Редколлегия: В. С. АБАШИН, Б. Л. ДАНИШЕВСКИЙ, А. П. КУЛЕШОВ, В. В. ЛУЦКИЙ (заместитель главного редактора), Г. Л. НЕМЧЕНКО, В. Г. ПОВЕДОНОСЦЕВ (ответственный секретарь), Р. И. РОЖДЕСТВЕНСКИЙ, Е. И. РЯБЧИКОВ, В. А. САЮШЕВ, Г. В. СЕМЕНОВ, А. П. СЕРЕДА, Г. С. ТЕРЗИБАШЬЯНЦ (главный художник), Б. А. ФАИН, Д. Н. ФИЛИППОВ, О. Н. ШЕСТИНСКИЙ.

Художник В. В. Вантусов. Технический редактор Л. И. Курлыкова.

© Издательство «Правда», «Смена», 1977 г.

ЛЕНИН. ОКТЯБРЬ. МОЛОДЕЖЬ.

Владимир
ДЕСЯТЕРИК

ХРОНИКА.
Часть седьмая

Год 1920-й

19 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о реорганизации преподавания общественных наук в высших учебных заведениях РСФСР.

Не ранее 20 ноября Владимир Ильич вносит поправки в проект постановления Совнаркома «О московских высших государственных художественно-технических мастерских», подчеркивая необходимость усиления идейного воспитания будущих специалистов. В учебный курс училища В. И. Ленин рекомендует непременно ввести, во-первых, политграмоту и, во-вторых, коммунистическую пропаганду. Позже он заменяет в примечании к третьему параграфу проекта слова «на подготовительных курсах» на слова «на всех курсах». В окончательном варианте проект этого примечания формулируется следующим образом: «На всех курсах обязательно преподавание политической грамоты и основ коммунистического мировоззрения». Сохранилась записка А. В. Луначарского, в которой он сообщает В. И. Ленину, что отдел ИЗО Наркомпроса внес необходимое исправление в учебную программу училища. 18 декабря 1920 года Совнарком утвердил это постановление.

24 ноября Владимир Ильич ходатайствует перед руководителем хозяйственного аппарата Кремля и Домов советов А. П. Платоновым о переводе в более удобную комнату дочери А. А. Преображенского.

26 ноября Владимир Ильич среди нескольких тем, рекомендуемых для кинохроники, называет также следующие: «Материнские дома и охраны

детства», «Дворцы, превращенные в детские дома». Руководитель кинофотоотдела Наркомпроса в тот же день заверил В. И. Ленина, что все «немедленно будет исполнено».

26 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об уравнивании в правах и льготах преподавателей и учащихся партийно-советских школ с преподавателями и учащимися рабочих факультетов.

29 ноября Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об организации Московских высших государственных художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС), перед которыми ставилась задача готовить из молодежи художников высшей квалификации в области промышленной эстетики.

В ноябре под председательством Владимира Ильича состоялось совещание работников Наркомпроса и профессоров-коммунистов, где он выдвинул план незамедлительного изменения всей системы преподавания общественных наук в вузах. Было решено, в частности, начать ускоренную подготовку новой профессуры из среды партийной молодежи. Характерно, вспоминает М. Н. Покровский, что работу по созданию личного состава высшей школы Ленин поставил на очередь, как только кончилась гражданская война, осенью 1920 года. Без коммунистического студенчества приниматься за эту задачу было делом безнадежным, а коммунистическая молодежь была на фронтах... Но подготовка академического молодняка—это была только одна сторона предложений Ленина на том совещании... Со свойственной ему бережливостью хорошего хозяина Ленин отнюдь не собирался расставаться навеки со старым аппаратом российских университетов. «Свяжите их твердыми программами,—говорил он нам,—давайте им такие темы, которые объективно застав-

ляли бы их становиться на нашу точку зрения. Потребуйте, кроме того, от каждого из них основательного знания марксистской литературы... Уверю вас, что, если они не сделаются ортодоксальными марксистами, они все же будут излагать такие вещи, которые раньше совсем не входили в программу их курсов, а уж дело студентов, под нашим политическим руководством, использовать этот материал, как нужно».

В конце 1920 года Владимир Ильич просматривает и исправляет корректуру первого издания речи «Задачи союзов молодежи», которую в конце года выпускало Государственное издательство двухсоттысячным тиражом в библиотеке Главполитпросвета.

Если сравнить текст брошюры с текстом, который публиковался еще в дни работы съезда в «Правде» (5, 6 и 7 октября), нетрудно заметить в нем довольно существенные изменения. В брошюре текст речи разбит на восемнадцать небольших разделов, каждому из них предпослан свой заголовок.

Один из ветеранов комсомола рассказал в своих воспоминаниях краткую историю создания этой первой брошюры с текстом ленинской речи: «Вскоре после съезда Госиздату было предложено выпустить речь Ленина отдельной книжкой. Была взята стенограмма речи, наскоро исправлена и послана в набор. Прошло несколько дней—книжки все нет. Прошла неделя, и в отделе печати ЦК комсомола, где я тогда работал, началось естественное беспокойство: места теребят, шлют запросы, а книжки нет как нет. Наконец, Илья Бойцов, которому поручили следить за выпуском, явился и поразил нас новостью: Ленин затребовал корректуру и будет сам ее править.

Действительно, Ленин, вообще не очень доверявший точности стенографических записей, на этот раз решил сам просмотреть текст, прежде чем его печатать. Это показывает, какое боль-

шое значение придавал Ленин этой речи, отрываясь для нее от важнейших дел».

1 декабря Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о Государственном институте дефективного ребенка. Из письма А. М. Горького, отправленного 29 декабря 1925 года М. П. Павловичу, известно следующее: «Я слишком часто обременял его в те трудные годы различными «делами»—гидроторф, дефективные дети, аппарат для регулирования стрельбы по аэронавтам и т. д.—великолепнейший Ильич неукоснительно называл все мои проекты «беллетристкой и романтикой»... Но иногда, высмеивая, он уже знал, что это не «беллетристика». Изумительна была его способность конкретизировать, способность его «духовного зрения» видеть идеи воплощенными в жизнь».

2 декабря Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об изъятии опеки из ведения Народного комиссариата социального обеспечения. Находящиеся в этом наркомате детские учреждения были переданы Наркомпросу.

2 декабря Владимиру Ильичу направляет рекомендательное письмо Клара Цеткин. С письмом этим едет в Москву ее сын Максим. «Юноша внушил себе,—пишет Клара Цеткин,—что он хочет работать врачом в Советской России... Работать, бороться. Все мои чувства и желания воплощаются в одной мечте: я надеюсь, что мой сын будет верой и правдой служить Советской России, революции. Он говорит по-русски и, кроме немецкого, хорошо владеет английским, французским, итальянским, имеет основательную подготовку в ряде областей». Надежды Клары Цеткин оправдались. Ее сын возглавлял построенную на средства Межрабона в Краснопресненском районе столицы большую амбулаторию. Сотни рабочих ежедневно получали там квалифицированную медицинскую помощь.

5 декабря Владимир Ильич, поздравляя М. Н. Покровского с выходом его книги «Русская история в самом сжатом очерке», рекомендует: для того, чтобы превратить эту работу в учебник, нужно «...дополнить ее хронологическим указателем». И поясняет свою мысль: «1) столбец хронологии; 2) столбец оценки буржуазной (кратко); 3) столбец оценки Вашей, марксистской, с указанием страниц Вашей книги». И дальше В. И. Ленин добавляет: «Учащиеся должны знать и Вашу книгу и указатель, чтобы не было верхоглядства, чтобы знали факты, чтобы учились сравнивать старую науку и новую».

Между 21 и 29 декабря Владимир Ильич пишет проект резолюции VIII Всероссийского съезда Советов, где предлагает ввести изучение плана электрификации во всех без изъятия учебных заведениях республики. Н. К. Крупская свидетельствовала, что В. И. Ленин «...хотел, чтобы по-серьезному ставилось во всех учебных заведениях преподавание электрификации, и набросал даже целый план этой работы».

22 декабря Владимир Ильич в докладе о внешней и внутренней политике на VIII Всероссийском съезде Советов настойчиво призывает делегатов добиваться, чтобы каждая построенная электрическая станция «превращалась действительно в опору просвещения, чтобы она занималась, так сказать, электрическим образованием масс». Говоря о разработанном плане электрификации страны, он вновь подчеркивает: «Эта программа партии должна стать основной книжкой, которая должна пойти во все школы».

В конце декабря Владимир Ильич в письме Г. М. Кржижановскому предлагает разработать практический план кам-

лании по электрификации. Одним из пунктов этой кампании предлагалось создание на базе электрических станций центров обучения, лекций, демонстраций и пр. Владимир Ильич рекомендует провести через эти курсы все население и добавляет: начав с молодежи.

В 1920 году Владимир Ильич во время беседы с Г. Л. Шкловским делает несколько записей. В одной из них вновь забота о детях: «Поговорить еще с Енукидзе нельзя ли для детей Шкловского достать обеды (в виде продуктов) из столовой СНК»

Год 1921-й

12 января Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Оборона о предоставлении отсрочки от призыва до 1 июля 1921 года учащимся профессионально-технических учебных заведений всех типов.

18 января Владимир Ильич поручает управляющему делами Совнаркома Н. П. Горбунову связаться с секретарями ЦК партии и Наркоматом иностранных дел, обсудить с ними возможность оказания помощи семье Г. Л. Шкловского. За четыре дня до этого В. И. Ленин получил письмо жены Шкловского, которая сообщила, что после возвращения из эмиграции в Россию в октябре 1920 года она сама и особенно ее дети непрерывно болеют, и просила оказать содействие в посылке мужа на работу за границу. 18 января Владимир Ильич известил запиской жену Шкловского о том, что он уже высказал ходатайство перед соответствующими организациями о поддержке ее просьбы. Записка заканчивалась пожеланием: «Лучший привет всей семье и ребятам особенно».

Владимиру Ильичу пришлось еще несколько раз возвращаться к этому вопросу. Например, не ранее 21 февраля 1921 года он писал Г. В. Чичерину: «Я не ходатайствую о высоких постах для т. Шкловского. Вы его знаете по работе в НКидел».

Но я прошу ускорить его отъезд за границу, ибо его жена боится, что дети здесь не выживут. Я знаю семью всю по загранице и думаю, что опасения вески».

И еще в одной ленинской записке, касающейся этой проблемы, находим упоминание о семье Г. Л. Шкловского: «Много детей, больная жена...»

В июле Г. Л. Шкловскому была вручена виза для выезда в Германию на работу в торговом представительстве республики.

Не ранее 21 января Владимир Ильич встречается в здании 2-го Дома Советов (ныне гостиница «Метрополь») с руководителями делегаций съезда революционных организаций Дальнего Востока. Среди участников этой беседы был и молодой писатель, один из основателей молодежного революционного движения Монголии, С. Буян-Немэху. «Ленин беседовал с нашими делегатами, — вспоминал Буян-Немэху, — расспрашивая о политическом положении страны, о современном положении наших масс. Мы кратко отвечали: «Наш монгольский народ с помощью вашей великой страны вырвался из лап иностранных недругов, установил ограниченную монархию. В борьбе за суверенитет мы временно объединяемся с феодальными элементами». Мы спросили у Ленина его мнение на этот счет. Ленин ответил: «Это верно. Против захватчиков, феодалов и помещиков надо бороться, хотя в определенные моменты можно использовать феодальные элементы, но доверять им не следует». Затем мы сказали: «Наши Монгольская народная партия, Революционный

В. И. ЛЕНИН НА КРАСНОЙ ПЛОЩАДИ. 25 МАЯ 1919 г.

Фото Н. СМЕРНОВА

Союз молодежи стали крупной политической силой. Однако наша страна отсталая, с преобладанием кочевого животноводческого хозяйства. Поэтому у нас нет союза рабочего класса с крестьянством, значит и коммунистической партии — тоже». «Правильно, — ответил Ленин, — на данном этапе Народно-революционная партия и Союз молодежи отвечают именно вашим условиям и еще рано называть их коммунистическими». «Чем больше думаешь о советах Ленина, которые он давал делегатам

разных стран, все больше поражаешься — какой глубокий смысл содержался в этих сжатых советах», — заключает свои воспоминания молодой монгольский революционер.

25 января Владимир Ильич адресует молодым членам партии следующее замечание: «...Нельзя стать сознательным, настоящим коммунистом без того, чтобы изучать — именно изучать — все, написанное Плехановым по философии...» И добавляет: «...Это лучшее во

всей международной литературе марксизма». В. И. Лениным высказывается также пожелание, чтобы в издаваемом в тот период собрании сочинений Г. В. Плеханова его философские статьи были выделены в особое тома, с подробнейшим указателем. И объясняет причины: «...Это должно войти в серию обязательных учебников коммунизма». Государство, продолжает свою мысль Владимир Ильич, должно потребовать от профессоров философии, чтобы «они знали изложение марксистской философии».

фии Плехановым и умели передать учащимся это знание».

28 января Владимир Ильич, знакомясь с состоянием дела народного образования, просит М. Н. Покровского, Е. А. Литкенса и О. Ю. Шмидта прислать ему в тот же день к 8 часам вечера сведения о низших, средних и высших учебных заведениях, о числе действующих и закрытых или недействующих школ и учебных заведений разных ступеней и типов, о профессионально-технических школах и т. д.

4 февраля Владимир Ильич знакомится с запиской секретаря следующего содержания: «...Бывший Николаевский институт (речь идет о Николаевском сиротском институте.— Авт.) горит очень сильно—на пожаре управдел и почти весь президиум Московского Совета; детей перевели в другое помещение, которое стали сейчас топить. Московский Совет снабдил их продовольствием». Так как пожар начался после предложения Отдела охраны материнства начальнице института освободить занимаемые ею лично двадцать комнат, чтобы там можно было разместить Дворец материнства, возникло подозрение о преступном характере происшествия. В. И. Ленин поэтому на записке секретаря делает пометку: «Сообщено ли в ВЧК и МЧК? Сообщите по телефону».

5 февраля Владимир Ильич публикует в «Правде» «Директивы ЦК коммунистам—работникам Наркомпроса». Касаясь вопроса о связи профессионального образования пятнадцатилетних юношей и девушек с общим политехническим, он особый акцент делает и на постановке коммунистического воспитания. «...Содержание обучения, поскольку речь идет об общеобразовательных предметах, в особенности же о философии, общественных науках и коммунистическом воспитании,—подчеркивает В. И. Ленин,—должно определяться только коммунистами». Поэтому широкое привлечение специалистов к воспитательной работе с молодежью необходимо сочетать с обязательной разработкой и утверждением в Наркомпросе программы учебных заведений основных типов, а затем курсов, лекций, чтений, практических занятий.

8 февраля Владимир Ильич вносит поправки в проект декрета Совнаркома об обеспечении продовольствием и предметами широкого потребления лечебных учреждений, учреждений по охране материнства и младенчества, школ и детских учреждений. В тот же день декрет был подписан В. И. Лениным.

13 февраля Владимир Ильич вместе с Д. И. Ульяновым и Я. Э. Рудзутаком отправляется на автосанях на охоту в Баулинский лес. Это в тридцати километрах от Москвы. По пути они заезжают в дом к Ф. Рязанцеву, работавшему сторожем и истопником детского интерната в бывшем имении Баулино. В большой семье Ф. Рязанцева, который должен был сопровождать приехавших, болела в то время девочка. В. И. Ленин заметил это. И спустя несколько дней дочь Ф. Рязанцева была определена в специальный детский сад в Москве.

15 февраля Владимир Ильич направляет заместителю председателя Малого Совнаркома А. Г. Гойхбаргу выписку из протокола общего собрания коммунистической ячейки рабочего факультета Московского высшего технического училища, выписку из протокола объединенного заседания коммунистических ячеек Института инженеров путей сообщения, Петровско-Разумовской сельскохозяйственной академии и бюро коммунистической ячейки рабфака МВТУ, а также ряд других документов и предлагает Малому Совнаркому «специально заняться вопросом о рабочих факультетах, всесторонне его рассмотреть и до-

биться максимального улучшения положения рабочих факультетов». Один из рабфаковцев, Л. И. Фундатор, вспоминал позднее о своей беседе с В. И. Лениным:

— Где ваш рабфак находится?
— Лихов переулочек, дом 6.
— Сколько рабфаковцев?
— Четыреста.
— Что это за здание?
— Бывшая церковная школа.
Ленин громко расхохотался:
— Церковная школа для рабфака—это здорово!—Затем он стал интересоваться, как нас кормят, есть ли общежитие, учебники.

Ответив на вопросы, я стал объяснять нашу просьбу о переселении рабфаковцев в здание Высшего технического училища, чтобы мы могли влиять на остальное студенчество.

Ленин внимательно слушал меня, одобрительно кивая головой.

Желая подчеркнуть важность нашей просьбы, я сказал, что у нас в руках есть заявление студента, в котором он обращается к профессору со словами: «Ваше превосходительство». И такие заявления профессора принимают с удовольствием.

Глаза у Ленина заблестели. Он как-то вытянулся на стуле, раздался его раскатистый смех. Смеясь, он повторил: «Ваше превосходительство» в 1921 году!»

По предложению Владимира Ильича Совнарком постановил удовлетворить просьбу рабфаковцев.

17 февраля Владимир Ильич подписывает постановление Совнаркома об улучшении положения рабочих факультетов.

22 февраля Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о мерах по осуществлению коммунального питания детей, которым предлагалось Наркомпросу организовать во всех подведомственных ему школах и детских учреждениях столовые и раздаточные пункты. Народный комиссариат продовольствия должен «обеспечить полностью в пределах плана детского питания количество продуктов...».

23 февраля Владимир Ильич подписывает постановление Совета Труда и Обороне о порядке предоставления отсрочек слушателям рабочих факультетов и советских партийных школ, делегированным различными гражданскими учреждениями, производственными союзами и красноармейскими частями для получения образования.

25 февраля Владимир Ильич вместе с Н. К. Крупской и И. А. Арманд посещает общежитие студентов Всероссийских художественно-технических мастерских (ВХУТЕМАС). Беседует с молодыми художниками о проблемах современного искусства, об отношении к классическому наследию, о студенческой жизни.

«Был это голодный год,—вспоминала Н. К. Крупская,—но было много энтузиазма у молодежи. Спали они в коммуне чуть ли не на голых досках, хлеба у них не было, «зато у нас есть крупа», с сияющим лицом заявил дежурный член коммуны, вхутемасовец. Для Ильича сварили они из этой крупы важнецкую кашу, хоть и была она без соли. Ильич смотрел на молодежь, на сияющие лица обступивших его молодых художников и художниц—их радость отражалась и у него на лице». Об этом же писала и И. А. Арманд: «Ленину очень нравился их молодой задор, непосредственность, безусловное презрение к рутине и страстное стремление служить революции. Но из всего, что говорилось с таким жаром обступившими Ленина молодыми художниками, было ясно, что правильного понимания путей дальнейшего развития искусства у них нет».

Из журнала «Огонек» двадцатых годов узнаем подробнее о содержании бесед Владимира Ильича с учащимися ВХУТЕМАСА: «Заговорили об искусстве. Молодежь была передовая и ничего

правее конструктивизма в искусстве, как полагается, не признавала. В их среде был только один ненавистный художник, которого они с презрением называли маляром, но которому это не мешало писать отличные реалистические вещи. И его-то работами остался доволен Ленин. «Вот это,—говорит,—я понимаю. Это и мне понятно, и рабочему, и всякому другому понятно. А что, скажите, пожалуйста, в ваших новых работах? Там я на человеческих лицах ни глаз, ни носов не нахожу».

«Что вы читаете? Пушкина читаете?»—«О нет,—выпалит кто-то,—он был ведь буржуй. Мы—Маяковского». Ильич улыбнулся: «По-моему,—Пушкин лучше». После этого Ильич немного подобрел к Маяковскому...—свидетельствовала Н. К. Крупская.

Владимир Ильич расспрашивал студентов об их учебных занятиях, общественной работе. Они наперебой старались похвалиться, чего их студенческий коллектив достиг во ВХУТЕМАСе.

— Вот только сегодня, Владимир Ильич, мы на ячейке постановили, чтобы профессора перерабатывала программы при участии студентов, а то они только говорят, а дела никакого, теперь вот дело пойдет... Очень трудно и учиться и учить учителей, а они относятся ко всему спустя рукава. Пока их обломать, нужно много времени, а мы вот все же кое-чего добились. Организовали общежитие исключительно силами студентов, организовали ячейку комсомола.

— А вы-то, значит, постарше?—спрашивает Владимир Ильич.

С гордостью:
— О, мы уже в РКП. Мы и так, Владимир Ильич, идем по сравнению с другими вузами впереди, у нас теперь будет рабфак.

А. В. Луначарский, которому затем передавали содержание разговора В. И. Ленина с вхутемасовцами, говорил позднее, что Владимир Ильич самую молодежь «нашел очень хорошей и радовался ее коммунистическому настроению».

26 февраля Владимир Ильич в приветственном слове на Московской губернской конференции рабочих и крестьянок, где присутствовало свыше трех тысяч делегатов, говорит об их высоком гражданском долге—растить молодую смену достойной отцов.

— На вас, товарищи, лежит большая ответственность,—это воспитание детей, нашего молодого поколения. Я прошу вас, чтобы вы воспитали наших детей и нашу молодежь здоровыми, сильными, грамотными, мужественными, любящими свое отечество.

В начале 1921 года Владимир Ильич предлагает создать Чрезвычайную комиссию по улучшению жизни детей в республике. «Я вспоминаю,—писал А. А. Андреев,—одно заседание пленума ЦК в начале 1921 года, когда Ленин, доказывая необходимость серьезно заняться улучшением жизни детей, внес предложение создать при ВЦИК комиссию, которая бы занялась этим вопросом. Во главе комиссии Ленин предложил поставить Ф. Э. Дзержинского с тем, чтобы включить чекистские кадры в борьбу с детской беспризорностью. Потом он довольно часто при встречах перед заседаниями расспрашивал Ф. Э. Дзержинского, как идет работа в комиссии и что сделано для улучшения жизни детей».

Не ранее 4 марта Владимир Ильич пишет записку М. Н. Покровскому, в которой высказывает сомнение в целесообразности его предложения о привлечении к работе на факультете общественных наук МГУ отдельных меньшевиков.

4 марта Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома о плане организации факультетов общественных наук российских университетов.

5 марта Владимир Ильич пишет дополнение к проекту постановления Совнаркома об установлении научного минимума, обязательно для преподавания во всех высших школах РСФСР, предлагает включить в учебную программу вузов изучение плана электрификации России.

«Надо добавить,—пишет В. И. Ленин,—на основании резолюции Всероссийского съезда Советов, план электрификации, его экономические основы, экономическая география России, значение и условия осуществления плана».

Уместно подчеркнуть, что вопросы научной разработки системы знаний, которую должна давать молодому поколению советская высшая и средняя школа, занимала В. И. Ленина и ранее. Об этом он говорил и в речи перед комсомольцами на III съезде РКСМ и особенно подробно в заметках на тезисы Надежды Константиновны Крупской «О политическом образовании». «Задача школ 2-й ступени (вернее: высших классов 2-й ступени) (12—17): дать вполне знающего свое дело, вполне способного стать мастером и практически подготовленного к этому

столяра, плотника, слесаря и т. п.,

с тем, однако, чтобы этот «ремесленник» имел широкое общее образование (знал minimum основы таких-то и таких-то наук; указать точно, каких);

был коммунистом (точно указать, что должен знать);

имел политехнический кругозор и основы (начатки) политехнического образования.

именно:

(аа) основные понятия об электричестве (точно определить, какие),

(бб) о применении электричества к механической промышленности,

(вв) —"тоже к химической,

(гг) тоже о плане электрификации РСФСР,

(дд) посетил не менее 1—3 раз электрическую станцию, завод, совхоз,

(ее) знал такие-то основы агрономии и т. д.

Разработать детально minimum знаний».

10 марта Владимир Ильич подписывает декрет Совнаркома об организации питания в сельских школах.

5 апреля Владимир Ильич председательствует на заседании Совнаркома, где обсуждался вопрос о снабжении одеждой слушателей рабочих факультетов. В тот же день он подписывает постановление о выделении рабфаковцам 500 комплектов военного оборудования и трех тысяч пар обуви.

Между 9 и 21 апреля Владимир Ильич в письме к В. М. Молотову предлагает издать от имени ЦК РКП(б) циркуляр, призывающий при праздновании 1 Мая «избегать, безусловно, всякого оскорбления религии». Такое предложение появилось не случайно. В. И. Ленину было известно, что члены РКСМ в то время нередко борьбу с религией вели поистине кавалерийской атакой. Н. К. Крупская вспоминала: «Вначале у нас антирелигиозная пропаганда имела массу грубых извращений—насилственное снятие крестов с детей, стрельба в иконы и пр. Мне раз влетело от Владимира Ильича за то, что Главполитпросвет дал денег на «комсомольское рождество». Владимир Ильич требовал длительных, углубленных форм антирелигиозной пропаганды». 21 апреля 1921 года в «Правде» было опубликовано письмо ЦК РКП(б), о котором просил В. И. Ленин.

14 апреля Владимир Ильич предлагает в условиях новой экономической политики обдумать меры для организации покупки детям подарков.

Обычно в пятницу вечером я захожу на тренировки в бассейн «Чайка». Но в это время по телевидению идет передача «Наша биография». Из-за тренировок и уже пропустил три передачи, о чем очень жалею. А папа и мама мне говорят: «Ты лучше тренировки пропусти, потому что на экране показывают твою биографию». Но мне и занятия в бассейне пропускать жалко. И не только мне, но и многим ребятам из нашей секции. Вот и пришлось нам уговаривать тренера перенести занятия на другое время. Хотел и трудно это было сделать, но он согласился. Теперь мы по субботам собираемся в бассейне и обязательно обсуждаем просмотренный накануне фильм».

С письма девятиклассника из Черкасс Александра Стеблянка и началась наша беседа с главным редактором редакции телепрограмм для молодежи Центрального телевидения Евгением Петровичем Широковым.

— Пишем, подобных этому, и к нам и в другие редакции приходит немало. Они свидетельствуют об устойчивом интересе телезрителей к циклу фильмов «Наша биография». Кстати, правы родители Саши, сказав ему: «Это твоя биография». Мы вначале так и думали озаглавить цикл своих телефильмов — «Твоя биография». Ведь фильмы эти в первую очередь предназначены молодежи, хотя, судя по многочисленным письмам, они вызывают интерес всех советских людей, независимо от возраста. Достаточно сказать, что почта порой приносит нам готовые сюжеты — зрители присылают в редакцию свои воспоминания, исторические документы и фотографии. К сожалению, не все это богатство мы можем использовать в своих фильмах: вместить целый год в один час не просто.

— Многие из телезрителей еще хорошо помнят фильмы из серии «Летопись полувека». И, наверное, не случайно вспоминают их в своих письмах, сравнивают.

— Сравнить фильмы этих двух циклов трудно. «Летопись полувека» — это тщательно подобранная хроника. Мы же в фильмах «Наша биография» только отталкиваемся от какого-то исторического факта, чтобы связать его с современностью. Выходит, «Наша биография» — своеобразная переключка эпохи. Нам важно не только заглянуть в прошлое, но и помочь юношам и девушкам осмыслить связь истории с современностью, ощутить свою причастность к великой судьбе нашей страны. Цикл наших фильмов не строгий учебник истории, а скорее своеобразная телеповесть о Советском государстве, о славных революционных, боевых и трудовых традициях нашего народа.

У каждого года нашей истории есть свои неповторимые черты, свои примеры, свои герои, свои радости и трудности. Естественно, мы не можем, как я уже говорил, вместить в фильм всю историю года, но главного стараемся не пропускать.

— Хотя этим главным, судя по вышедшим фильмам, может быть и частное событие?

— Конечно. Но при условии, что это событие будет отражать дух тех лет, мысли, настроения и дела людей. Вот, например, совсем уж частный факт — деревенская свадьба. В 1926 году Альберт Рис Вильямс побывал в Поволжье, ездил по саратовским деревням. В его записях осталась такая строчка: «Был на деревенской свадьбе». И ни фамилий молодоженов, ни точного адреса. С трудом мы установили, что свадьба происходила в глухом тогда Хвалынском уезде, потом разыскали хроникальный сюжет о такой свадьбе — репортаж под «саратовку» на деревенской улице, окруженной покосившимися домишками с подслеповатыми окошками. И с этой старой свадьбы зритель попадает в современную саратовскую деревню Елшанка, где некогда бывал Альберт Рис Вильямс. И тоже на свадьбу, только золотую свадьбу. Празднуют ее молодожены двадцать шестого года. Они снова в юности, события молодости нахлынули на них, и они припоминают, как создавалось первое в деревне товарищество по обработке земли, как появился на их полях первый

трактор. И даже под неизменную «саратовку» спели частушки тех лет, в которых доставалось и богу, и черту, и пресловутому Керзону. Новелла о свадьбе, как у нас говорят, «получилась», привлекла внимание и зрителей и критиков.

Другой такой частный факт — выпуск почтовых марок в СССР — лег в основу всего фильма «Год 1932-й». Уже давно стали крылатыми слова: «Марка — визитная карточка страны». В 1932 году в Советском Союзе было выпущено всего 15 марок. Но каждая из них была посвящена главным событиям в жизни страны. Самым популярным лозунгом тех лет были слова «Догнать и перегнать». И не случайно именно они стали маркой станка. Станки — основа машиностроения. В том году и выпущен был первый «Дип», в том же году первый советский станок был продан за границу. Это очень важно подчеркнуть — станок, а не традиционные для экспорта меха, нефть, лес. Появился тогда же первый советский подшипник, первый ижевский мотоцикл, первый ковровский экскаватор, началось строительство Московского метрополитена, и в принципе закончилось строительство Магнитки.

Всего тридцать четыре месяца разделяли на Магнитке первую палатку и первую плавку. Такой короткий срок воз-

дцатых годов начал складываться советский образ жизни.

Среди марок, выпущенных в тридцать втором году, одна была посвящена сорокатию творческой деятельности великого пролетарского писателя Максима Горького. В те дни на сцене театра Вахтангова появилась его новая пьеса «Егор Булычов и другие».

Многие наши зрители назвали этот фильм «репортажем из тридцать второго года». Думаю, заслуга в этом успехе принадлежит главным образом автору и ведущему фильма Ярославу Голованову, который, кстати, сам родился в 1932 году.

— Первый фильм из этого цикла вышел в эфир 4 ноября 1976 года, последний, шестидесятый, мы увидим в дни празднования славного юбилея Октября. Зрители увидели уже почти половину этой удивительной телеэпопеи. Все ли в фильмах представляется им удачным?

— Надо признаться, что приходят к нам и письма, упрекающие сценаристов, редакторов и режиссеров в скороговорке, в желании «объять необъятное». Естественно, мы стараемся прислушаться к критическим замечаниям.

Беседа корреспондента «Смены» с главным редактором редакции телепрограмм для молодежи Центрального телевидения

НАША

БИОГРАФИЯ

ведения уникального металлургического комбината удивил весь мир. Сегодня мы строим много и строим быстро, но Магнитка по-прежнему остается символом рекордной работы, символом индустриализации Советской страны.

— На Магнитке были не только рекордные сроки строительства, но и рекордные сроки становления людей, созревания характеров.

— И мы вовсе не случайно наряду с первым станком отметили в фильме «Год 1932-й» выпуск первого фотоаппарата «ФЗД». Собрали его воспитанники колонии имени Ф. Э. Держинского, основанной замечательным советским педагогом Макаренко. Колонисты сначала делали простые табуретки и столы, а потом решились взяться за выпуск сложной аппаратуры, «которой до них еще никто не делал». Но прежде чем собрать первый фотоаппарат, воспитанники Антона Семеновича учились работать в коллективе, жить в коллективе, думая не только о себе.

На заводах и фабриках, на самых различных стройках — вся страна была в строительных лесах — в те годы засверкали новыми гранями слово «встречный». Во всех комсомольских организациях широко обсуждались встречные планы и обязательства. Но не только о промфинплане шла речь на собраниях. Молодые рабочие и колхозники говорили о Днепрогэсе и походе «Сибирякова» через арктические льды, о новой архитектуре и о городе юности на Амуре, куда пароход «Колумб» уже доставил первых строителей будущего Комсомольска, о БАМе и о новом романе Шолохова «Поднятая целина» — в стране полным ходом шла коллективизация.

Мне кажется, именно в начале три-

— Вы говорили о помощи телезрителей в создании ваших фильмов. Нельзя ли привести конкретный пример такой помощи?

— Сколько угодно! Группа телезрителей из Москвы напомнила нам о первом звуковом детском фильме «Рваные башмаки», вышедшем на экраны страны в 1933 году. В это время к власти в Германии пришел Гитлер, фашисты спровоцировали судебный процесс над Димитровым. Все прогрессивное человечество было на стороне подсудимого, ставшего обвинителем фашизма. И в фильме «Рваные башмаки» тоже обвиняется фашизм. Главную роль здесь сыграл десятилетний московский школьник Боря Федоров. Через девять лет он наденет солдатскую шинель и сойдется с фашизмом в рукопашной. Боря погибнет. И победит. О судьбе маленького артиста и большого воина и рассказала нам почта. А мы уже поведали об этом зрителям. И получили, в свою очередь, массу благодарственных писем от тех, кто и раньше знал Бориса, и от тех, кто познакомился с ним только в нашем фильме.

Другой пример. Пионеры из Винницы сообщили нам об одном из экспонатов областного музея — старом тракторе. На нем долгие годы работал замечательный механизатор Кирилл Шайдаюк. Перед приходом фашистов Кирилл Иванович закопал свой трактор, а вернувшись после победы, снова вывел его на колхозные поля. Проработал он на этом тракторе в общей сложности четверть века и, по собственному признанию, «еще бы работал, да запасных частей к нему не выпускают». По письму пионеров — наших красных следопытов — мы и сделали киноновеллу об удивительном человеке Кирилле Ивановиче Шайдаюке и его «железном коне».

Когда мы собирались рассказать о спасении челюскинцев, в редакцию позвонил первый Герой Советского Союза Анатолий Васильевич Ляпидевский и предложил слетать на то место, где в 1934 году располагался ледовый лагерь экспедиции О. Ю. Шмидта. И наша съемочная группа с обычными командировочными удостоверениями отправилась в те места, куда с немощным трудом сорок три года назад пробивались герои-летчики. Вместе с нашими сотрудниками вылетели А. Ляпидевский и командант ледового аэродрома челюскинцев А. Погосов. Они и помогли нам провести репортаж со льдины, под которой до сих пор лежит затонувший «Челюскин».

Экспедиция О. Ю. Шмидта должна была пройти Северным морским путем за одну навигацию. И хотя «Челюскин», затертый льдами, затонул, полярники все же доказали всему миру, что такой путь возможен. Арктика с тех пор не стала гостеприимнее, но мы сейчас больше знаем о ней, и у нас теперь другая техника. В этом году арктическую навигацию уже в феврале открыл атомолод «Арктика». Так рано полярные льды еще никого не впускали в свои владения.

— Вы, наверное, вспомнили о сегодняшнем арктическом эксперименте не случайно. Собираетесь рассказать о нем в будущем фильме?

— Возможно. Но говорю я сейчас о походе «Арктики» не как о сюжете для очередного фильма, а как о факте, доказывающем преемственность подвига советского народа. А вот еще одна характерная история.

«Я не знаю свою бабушку. Она умерла в тот день, когда я родилась» — эти трудные слова произносит в фильме «Год 1938-й» юная Паша Ангелина, внучка знаменитой трактористки, дважды Героя Социалистического Труда Прасковьи Никитичны Ангелиной. Паша тоже будет механизатором, сейчас она учится в сельском профтехучилище и мечтает работать в колхозе «Заветы Ильича» в прославленной тракторной бригаде имени Паши Ангелиной.

В том же 1938 году на экраны страны вышел фильм «Ленин в Октябре», и обер-мастер Макеевского металлургического комбината Иван Григорьевич Коробов написал актрисе, исполняющей роль Наташи: «В картине я увидел нашу мать. Она была именно такой, когда в предреволюционные годы к нам приходили товарищи, имена которых назвать было нельзя. Я поздравляю тебя и радуюсь». Роль Наташи исполнила актриса Клавдия Коробова, дочь прославленного металлурга. Иван Коробов пришел на Макеевский металлургический комбинат в конце прошлого века, и было ему тогда пятнадцать лет. Дважды поднимал он свой завод из руин — после гражданской и после Великой Отечественной. Трое его сыновей стали металлургами, старший, Павел Иванович, был директором легендарной Магнитки, о которой мы сегодня вспоминаем не впервые.

— Дни революции и первые послеоктябрьские годы, годы индустриализации и коллективизации уже прошли перед глазами телезрителей, многие из которых родились после войны. Рассказать о днях сегодняшних, о нынешних свершениях тоже, наверное, не просто?

— Быть может, даже сложнее. Потому что своими фильмами мы хотели бы показать через судьбы людей целую эпоху. Но эпохальность люди воспринимают скорее исторически и в общем-то не склонны соотносить ее со своей сегодняшней работой. И все же советские люди творят историю каждодневно. И рассказать о нынешних свершениях, пережитых нами и прочувствованных, думаю, лучше всего удастся, рассказывая о судьбах сегодняшних героев — рабочих, колхозников, ученых. Именно к этому стремится наш творческий коллектив, работающий над циклом фильмов «Наша биография».

Закончить этот разговор мне бы хотелось строчками из письма московского инженера Марии Владимировны Федотовой: «Каждый раз в пятницу в нашем доме возникает какое-то особое, я бы сказала, революционно приподнятое настроение, и мы с жадностью всматриваемся в прекрасные лица настоящих людей. Мои дети перестают, как раньше, считать, что 60 лет нашей страны — это биография их мам и пап, их бабушек и дедушек, и начинают осознавать, что это и их биография и что все, чем они владеют сегодня, шло к ним все эти годы и создавалось живущими на экране людьми».

НЕ СМОТРИ МНЕ

Микола ВИНГРАНОВСКИЙ

РАССКАЗ

Было уже холодно. Наступала зима, и в желтых, прибитых инеем, холодных лесах предстояло мне закончить съемки кинофильма; надо было свезти в дубовые леса артистов и еще тысячу человек на озябшие травы, на ветры, на древлянские берега каменистого Тетерева.

Лес опустел.

Пустые гнезда на фоне синего неба светили черными ребрами и тоже черно молчали.

Оператор с художником сидели на корточках и что-то чертили хворостинками. В валенках и шубах они походили на дедов-морозов.

Кажется, кто-то посмотрел мне в спину. Я оглянулся—лесного взгляда уже не было.

Желтые дубы твердо стояли в стеклянном воздухе. Листья не падали и не тревожили их желтого безмолвия.

Я подумал о своей жене. Куда ее девать, если, не дай бог, все начнется здесь, в лесу?

Художник сказал:

— Ты не представляешь, что нас ждет, если мы не выберем натуру именно здесь и поедем еще куда-то.

— Что ты предлагаешь?

— Предлагаю построить наши землянки на месте бывших партизанских землянок. Во-первых, нам не придется долбить мерзлую землю, и, во-вторых, ты посмотри, какое бесподобное место для обороны. Партизаны знали, где разбить лагерь...

— Сколько тебе нужно, чтобы реставрировать все, как было?

— Боюсь, что за неделю не управлюсь.

— Слушай, через день-два может выпасть снег. Как хочешь, даю тебе один день—кровь из носу...

Мы уже садились в машину, когда снова кто-то посмотрел на меня; неведомые существа стояли за дубами и следили за нами.

Я вышел из машины, накинул шубу на плечи и зашелестел меж дубов в сторону Тетерева, где, по моим предчувствиям, должен кто-то быть в этих давно покинутых лесах: зверь ли, человек ли...

Никого нигде не было. Что за черт!

На следующий день начался ад: с досками, лопатами, топорами и прочим строительным инструментом да пожитками то и дело подъезжали возы и машины. Из Житомира и окрестных сел прибывали автобусы с людьми, которых тут же передевали партизанами и немцами. Выдавали оружие.

...Наши партизаны-конники возились с лошадьми у реки.

Со стороны шляха тянулись пушки.

Землянки росли на глазах, и около них копали гнезда под пулеметы. В воздухе селась редкая крупа. Мелкая невинная крупа пахла катастрофой.

Со слезами на глазах ко мне подбежала костюмерша.

— Что такое?

— Не хотят одеваться...

— Кто?

— Да все!

Возле костюмерной и в самом деле стояло с сотню мужчин с немецкими мундирами в руках.

— Здравствуйте. Почему не одеваетесь?

Крепко сбитый человек с мундиром немецкого лейтенанта в красных от холода руках спросил:

— А кто у вас самый главный?

Узнав, что «самый главный» я, он сразу как-то сник, словно сожалел о своем откровенно воинственном вопросе.

— Вы извините, не знаем, как вас величать, но дело в том, что мы не хотим быть немцами... Мы все, сколько нас тут, воевали в этом же лесу партизанами... С какой же стати теперь мы должны быть немцами?

Я посмотрел на бывших партизан. Тихо и смиренно они стояли с мундирами в руках, беззащитные, как дети.

— Может, вы бы приказали отдать эти мундиры вон тем, из Житомира? Пусть они... Им же, и правда, все равно. Узнали мы, что будет сниматься кино про нас,—из колхоза прямо сюда... А я грешным делом всю ночь не спал... Всю ночь рана болела, как проклятая.

— А насчет всяких перебежек, засад или там, скажем, ползаний, или на дуб какой взобраться—можете не сомневаться,—поспешил заверить другой.—Мы тут каждый горбок проутюжили своими животами и на каждом дубе в дозоре сидели.

— А на лошадях умеете?

— И на лошадях и на чем хотите... Совершенно все умеем, можете не сомневаться, только не отдавайте нас «в немцы».

В эту минуту над нами, в вышине, меж золотых крон дубов, проплыла стрела операторского крана, и на конце ее, как аист в гнезде, сидел оператор. Крупа набилась в его волосы; окоченевшая рука спокойно лежала на ручке кинокамеры.

— Оденьте этих людей партизанами.

Не спеша, степенно и важно мужчины понесли сдавать немецкие мундиры.

Возле пушек остановилась «Волга», и из нее тяжело вышла жена. На ней были мой любимый украинский платок—шерстяной, черный в красных цветах и белая шуба до земли.

Восемь месяцев тому назад в эту шубу могли войти трое. Но сейчас даже издали было заметно, что шуба ей в самый раз—со дня на день мы ждали ребенка.

Я посадил ее под дубом, подальше от съемочной площадки, и уже собрал-

ся было идти, как вдруг снова почувствовал на себе вчерашний лесной взгляд. На этот раз он подстерегал где-то рядом, за дубами, и я пошел на него в глубь леса.

За вековечным поседевшим прадубом стоял седой конь и смотрел на меня своими серыми глазами. Он не испугался, не отпрянул, а лишь слегка поднял голову, уставившись на меня и насторожив уши. Рядышком стоял обгоревший и худой, тоже словно седой, аист с перебитым крылом.

Так они и сидели вдвоем передо мной меж дубов, словно призрачные духи леса. В конские веки—тоже седые—густо набилась крупа, и казалось, что конь был в очках. Аист же смотрел на меня черным большим глазом так, будто он, седой аист, и его седой товарищ поймали меня на каком-то коварстве и уж никуда от них мне теперь не уйти.

— Готово! Можно снимать!—От площадки бежал мой первый заместитель, правая рука, начальник штаба.

В легких ботиночках, в темном легком плаще он бежал счастливо и легко. Когда Василь отдышал, я не знаю. С утра до вечера он возился на съемочной площадке, а ночью вместе с директором фильма сидел над планами предстоящих съемок. Для него не существовало слова «нет». В кино он пришел из университета, где преподавал аспирантам французский язык.

— Готово! Можем снимать.—От него шел пар.—А это что?—Василь заметил коня.—Марш на съемку!

— Не трогай его, Василь. Этот конь не наш.

— Как не наш? А если и не наш, так что? У меня коней не хватает...

Василь схватил хворостинку и подбежал к коню. Конь не двигался. Ни удивления, ни страха не было в серых его глазах.

Василь остановился и, внимательно приглядевшись к коню, обернулся ко мне.

— Сумасшедший какой-то, ты гляди!

— Идем, Василь. Видишь—крупа. Если мы сегодня не снимем...

— Снимем.

— Значит, так: ты бери на себя главное командование. Распорядись, чтоб еще раз проверили взрывы. Не покалечило бы кого. Артисты в порядке?

— В полном.

Мы подошли к моей жене. Василь побежал на командный пункт.

Микрофоны работали нормально, динамики на дубах тоже.

Я поднялся к оператору на кран, откуда мы должны были начинать съемку.

Поле боя желтело внизу меж дубов до самого Тетерева. В землянках и за ними притаились наши партизанские отряды. Меж скал стояла конница. Тихо чернели пушки в зарослях дубняка. Пошевеливались, возились пулеметчики. У шоссе тускло чернели отряды «эсэсовцев».

Все было наготове. Можно приступать. Одно слово—и затишье перед боем примет иной образ. Один миг—и все разом заговорит и задвигается... И надо быть спокойным, чтобы все видеть.

— Можно?

— Можно,—шепотом отвечает оператор; на лбу и на щеках у него начинает таять крупа.

Я оглядываюсь на жену. Внизу, под раскидистым дубом, сливаясь с крупой и листвой, она смотрит на меня. Красные розы на платке горят для меня. Жена не одна: седой конь вышел из лесу и встал возле, будто в дозоре. Аист присел под полою шубы и довольно поглядывает своим большим глазом. Представляю, как дрожит его иззябшее тело от неожиданного шубного тепла.

— Съемка!—негромко кричу в микрофон.

Затряслась земля, заблестели языки пламени из пулеметов, испугались и тут же сорвались с места кони; откуда ни возьмись поднялся ветер да такой, что закрутил змеями дымы меж дубов, листву понес, посыпал с голов шапки и фуражки—все пришло в движение, в суматоху, в ярость.

Правый фланг «эсэсовцев» смял и стер в порошок наши форпосты и начал заворачивать к Тетереву, чтоб зайти с тыла.

Красная ракета. Сигнал нашей коннице. Я боялся, что артист, главный герой нашего фильма, командующий конницей, за дымовыми смерчами и взрывами не заметит ракеты.

— Еще одну!

Взлетела вторая ракета, и конница вырвалась из-за скал. Вдруг конь, на котором сидел герой фильма, увидев «немцев», понесся в противоположную сторону, где было тихо и пусто, где никакой битвы не было. Артист изо всех сил старался завернуть коня, ударил его нагайкой по морде. Выкормленный на сытых кинематографических харчах белокопый красавец на полном скаку на мгновение пригнул голову и тут же стал стоймя; артист, как птица, раскрыл руки, вылетел из седла и упал на землю.

— Сто-о-оп!

Ассистенты бросились к артисту... Слава богу, все обошлось.

— Давайте людям обед. После обеда начнем сначала.

— Ну что? Вышло?—подошли запыхавшиеся «партизаны», с недоверчивостью глядя на кинокамеру.—Вышло?

— Вышло. Но после обеда повторим еще раз.

— А я это поднялся с земли—у самого уха ка-ак ахнет, ну точно война, только тогда я двух ребер не досчитал, а сегодня—красота!—пригнулся и побежал дальше!

— Скажите, пожалуйста, ваш последний бой хоть чем-нибудь напоминал наш? — Нет, куда равнять с нашим! У вас одних пушек двадцать пять, а у нас было три да коней раз в пять меньше.

— Ну, в пять не в пять, Иван, не говори, а раза в два—это точно!

— Может, в два, я уже забыл, но пушек было только три, это я помню доподлинно. Две стояли вон там на горе—видите?—а третья вот тут, где едят ваши кони...

В СПИНУ

Наши кони добросовестно уминали сено, особенно старался испортивший съемку белокопытый красавец.

Обедал и седой конь: моя жена подбирала с земли дубовые листья и подавала коню. Конь не жевал — нечем было, — а просто глотал, не сводя серых глаз из-под очков с белокопытого красавца. Потом, будто что надумал, опустил голову к земле, покрытой листвой, и пошел к нашим дымившимся коням. Задняя нога его волочилась и оставляла на листве инистый след. Конь приковывал к белокопытому красавцу и долго рассматривал его печальными глазами. Удивленные кони оставили сено и, в свою очередь, устали на Сивку. Сивко и их окинул медленным взором.

Кажется, мне послышался такой разговор:

«Кто ты такой?»

Сивко молчал. Кони переглянулись; серый жеребец в яблоках будто бы проговорил:

«Ты что, забыл в лесу язык или, может, ты вообще никогда не говорил?» Некоторые кони заржали.

«Давай, Уран, с ним по-немецки!»

Уран имел, как говорили, высшее образование, правда, незаконченное: снимался во многих фильмах, главных ролей ему не поручали еще, но все же...

«Шпрехен зи дойч? — спросил Уран, махнув дважды хвостом. — Инглиш?»

Сивко молчал, хотя говорить умел, знал и немецкий, он сидел в его печенках, но его рот был беззуб, и он не хотел выглядеть смешным.

Он еще раз внимательно посмотрел на белокопытого красавца, оглянулся на мою жену и поволок ногу к ней — глотать листья.

«Чудак!» — сказала молодая кобыла, запуская жадные губы в сено.

Я спросил Ивана:

— Вы случайно не знаете, что это за конь?

— Какой? Седой? Был когда-то конь. Всю войну партизанил с нами, а теперь такой старый стал, что и волки не едят. Правда, несколько лет тому назад, когда круто было с хлебом и мясом, хотел председатель на колбасу его пустить. Пошел я к председателю и говорю: пустите на колбасу — не будет добра ни вам, ни вашим детям, потому как если бы не этот конь, кто знает, что б еще было. Знаете, сколько раз он нас выручал... Раненых спасал, привозил патроны... Ну, оставили его. С той поры он и перешел жить в лес. Еще аист-калека приболудился, вот и доживают вдвоем... На зиму, правда, я их забираю к себе — жалко как-никак...

Повторили съемку еще и еще. Дубы почернели от дыма, и изорванная взрывами земля стала походить на ту, какой она была много лет назад, в том партизанском бою. Так сказал Иван.

Все были утомлены и счастливы: битва снята.

И тут пошел снег. Пока грузили машины, пока все переодевались, снег прикрыл собой изорванную землю, будто здесь ничего и не было.

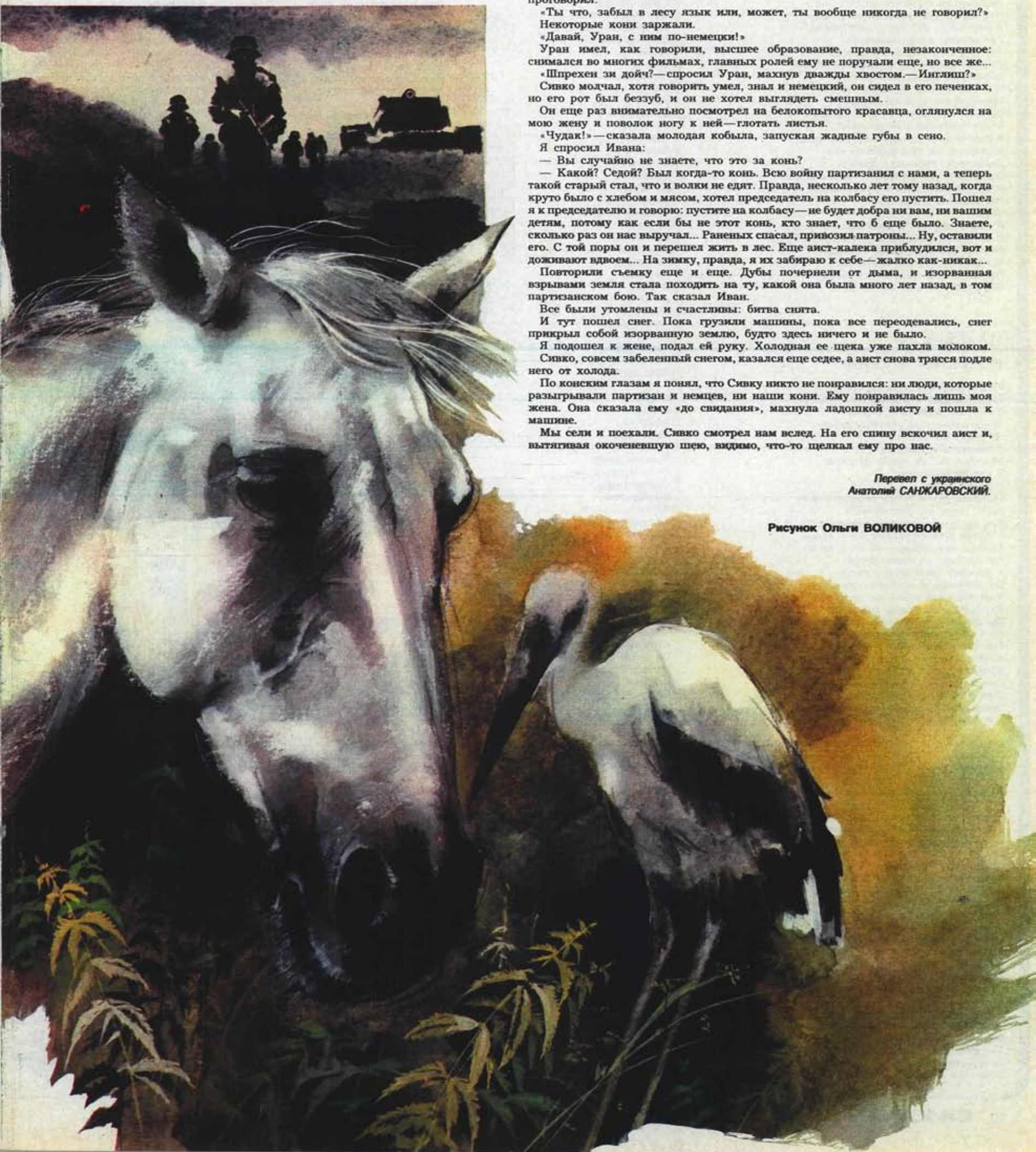
Я подошел к жене, подал ей руку. Холодная ее щека уже пахла молоком. Сивко, совсем забеленный снегом, казался еще седее, а аист снова трясся подле него от холода.

По конским глазам я понял, что Сивку никто не понравился: ни люди, которые разыгрывали партизан и немцев, ни наши кони. Ему понравилась лишь моя жена. Она сказала ему «до свидания», махнула ладошкой аисту и пошла к машине.

Мы сели и поехали. Сивко смотрел нам вслед. На его спину вскочил аист и, вытягивая окоченевшую шею, видимо, что-то щелкал ему про нас.

Перевел с украинского
Анатолий САНЖАРОВСКИЙ.

Рисунок Ольги ВОЛИКОВОЙ

"МЫ СЛУЖИМ НА ВЕЛИКИМ ДЕЛЕ"

Кузнецам счастья

Земля твоя под высью голубою
Раскинулась огромной мастерскою,
Под небом, где грозových нету швов...
И вся земля, как будто наковальня,
Где молоты куют необычайно,
Где трудятся миллионы кузнецов.
Те кузнецы дворец пресветлый строят,
Вот почему завидовать им стоит,
И партии проект принадлежит,
Принадлежит краса его народу.
Один в горах крутых бурит породу,
Второй добычей угля знаменит.
А третий шьет одежду в гулке цехе,
Четвертый же прокладывает вехи
Дорог через пустыни и хребты.
Мы служим на великой стройке счастья,
И нет на свете крепче нашей власти
Над грозною стихиею...
Чисты
И помыслы у нас и души наши.
И нет дворца того на свете краше...
Под небом не грозovým, молодым—
Вся родина моя как мастерская,
Где мы живем, трудясь и созидаю.
Она сияет солнцем нам вторым.

Человек, несущий кухню

Когда жена из странствия домой
Вернется вдруг—а дома нету чая,
Она ругает муженька, сердчая:
«Ведь кухню я не унесла с собой».
Но видел все ж
В ковровом я Дамаске
Мужчину. Нес он кухню на спине
И угощал всех чаем,
Полный ласки.
Он чашку дал с водой холодной мне.
Вкруг талии его висели чаши,
Как будто на широком патронташе.
В одной руке он чайник нес с водой.
Кувшин, как лебедь,—за его спиною,
Чай наливал он левою рукою,
А денежку брал правою рукой.
Он, кланяясь, благодарил прохожих,
Чтоб пили чай побольше, подороже.
Из горлышка кувшина лился чай.
Так целый день стоял он пред народом,
Шло чаепитие это мимоходом,
Так, как и нужно было,—невзначай.
На многолюдной улице ревушей
Мужчина, кухню на спине несущий,
Спешил налить всем чай погорячей,
Всем кланялся, всем кланялся чин чинном
Одновременно со своим кувшином,
Чье горло журавлиного звончей...

Пчела

Жужжит пчела, жужжит пчела, снует
вперед-назад.
Жужжит—и все-таки язык пчелиный не богат.
Весь день «жжу-жжу», весь день «жжу-жжу».
И в монотонном этом «жжу»
цветок услышит: «Жду».
Она беседует с собой,
Сама себе звенит,
И кажется порой—вот-вот влетит в зенит.
Работает весь день-деньской пчелиный перевоз.
И мед несет она домой,
В пропахший летом воск.
Не знает устали она, ничто ей даль и круть,
Упрямо открывает ей
В простор широкий путь.
И не понять и не постичь пчелиной маветы.
На том просторе для нее
Цветы что маяки.
И если одряхлеет вдруг от этой суеты,
То одряхлеет только так—
Обнявши все цветы,
То одряхлеет, в небо рвясь и в даль—в сиянье дня,
То одряхлеет только так—
Сама себе звеня.

Охота

Среди рек,
Среди тайги,
Среди долин
Шел один человек.
Осторожны шаги.
Настежь ворот,
Шитье
И ружье—
Черный ствол.
Молод,
Смел,
С песней шел
По степи.
Перевал
Одолеп,
Отдыхал
У горы,
До поры
Встал
И вновь зашагал.
Не легко,
Не легко,
И хотя он устал—
Не добыл
Ничего.
А река
Далеко,
Юрта
Тоже вдали.
Люто
Тропы легли,
Зеленеет вода,
Даль бежит
под уклон,

И туда
И сюда
Ходит он,
Ходит он.
Росы
В синем дыму...
Очень страшно ему,
Одиноко ему.
Солнце село.
Взошла
Над домами села
Одиноко луна,
Как цветок
«Сарана».
Темен бор—
Копит тьму.
И казалось ему,
Что пылает
Костер,
Что белой валуна—
Юрта тоже видна.
Он бежит прямо к ней,
Сердце бьется
Сильней.
Добежал,
Долетел,
Краснотал
Одолеп—
Сырь и талость,
Сырь и талость.
Оказалось,
Оказалось,
В листьях красных
От мороза,
В поздних красках
Свет-береза,
Вся, как снег,
Белый-бела,
Листья к небу подняла.
И устало
Прошептала,
Приготовившись
к отлету,
Стая красная листьев:
«На охоту,
На охоту
Не ходи один.
Увы,
Человеку человек,
Даже если он
С оружием,
Нужен, нужен,
Нужен.
Нужен
Человеку
человек!..»

Винтовки в гробе

ГАВАНСКАЯ БАЛЛАДА

Давило прекрасную Кубу
Тяжелое горе людское.
Кубинцы закованы в цепи,
Жили—пасынки счастья.
Было страшное время,
Было время такое
На стыке смутной эпохи,
Начала рабочей власти.

И жил-был старик Жерардо—
Что ему было надо?
Гроб изготовить прочный,

Продать—вот и вся награда.
После многих раздумий
Решил посвятить Жерардо
Свои преклонные годы
Изготовлению гроба,
Такого большого гроба—
Гробовщикам народа.
Так стал революционером.
Но что он умел, все годы
Свои посвятивший делу,
Мертвым людям в угоду?..
Что делать было Жерардо,
Хотя душа—в переплавке?..
Винтовки нужны Фиделю.
Нуждались они в доставке.
Винтовки нужны Фиделю—

КОИ СТРОЙКЕ СЧАСТЬЯ...

И нету серьезней ставки...
И старый, мудрый Жерардо,
В душе затаив тревогу,
В гробы положил

винтовки
И вывез их на дорогу,
Он пост за постом проехал—
Пасмурный вестник смерти.
Никто не подумал даже
Гробы потревожить эти,
Ибо мертвые люди—
Это мертвые люди!
И нету им воскресенья—
Зачем же мечтать о чуде?
Так ехал он без проверок,
Ехал он, глядя в оба.

Один постовой пытался
Открыть было крышку гроба.
Но стал призывать на помощь
Старик и черта и бога.
И в грудь лихача постового
Вдруг закралась тревога.
— А ну проваливай!—

крикнул,
В бога и черта веря.
Так вот привез винтовки
Старик
Солдатам Фиделя.
В сердце—радости гомон,
Сердце рвется на части.
Так сделался гробовщиком он
Реакционной власти.

Мексиканские рассказы

1. БАЛЛАДА О КОНЕ

В те давние, седые времена
Коней копыта не будили дали.
И жители спокойные не знали,
Как серебром пылают стремена.
И вот однажды, движимый конкистой,
С кинжалом острым,
В кожаных штанах
Испанец, то ль шпион, то ли монах,
Проникнул к инкам, злобен и неистов,
Стремился стать своим, родным у них.
И метким арбалетом вооруженный,
Он крадучись, пока смиренен, тих,
Ступил на землю Мексики зеленой
И сведеный спешил собрать все он,
Чтоб их отдать быстрее конкистадорам.
Не знали инки, отданы раздорам,
Что значит соглядатай и шпион,
И думали, и верили вполне,
Что это появились вдруг кентавры—
Неведом был им всадник на коне,
Неведомы и шлем его и латы...
Однажды, закусивши удила,
Конь мчал вперед, конь в прерии стремился.
Но вот споткнулся он—
И из седла
Вдруг вылетел седок,
Чуть не разбился.
Чтоб скрыть позор, чтоб не лежать пластом,
Вскочил с земли он тотчас...
И, хромя,
Пустился за испуганным конем,
Пустился,
Странной кличкой окликаая.
Доверчивые инки ничего
О седоке и о коне не знали.
Упасть с коня—
И вновь сесть на него,
И слиться с ним—и снова мчаться в дали.
Да это чудо—
Раздвоиться вдруг,
Разъединиться смело и умело
И слиться вновь—и мчаться во весь дух.
Одна живая плоть, живое тело.
Шпион спешил, в душе лелея,
Что заслужил награду он вполне,
Спешил домой,
Чтоб сообщить скорее
Начальству своему:
— Всего страшнее,
Всего—для инков всадник на коне...

2. БОЯЗНЬ ЛОШАДЕЙ

И от шпиона вести получив,
Двор королевский обсудил все это,
И конными войсками овладеть
Всей Мексикой решил он в тот же год.
И вот войска отправились в поход—
Убийцы, ловкачи, конкистадоры.
— Вернулись монстры, страшные кентавры,—
Среди инков весть прошла из края в край.—

Весна

На небе—стаи туч.
Они—во власти бега.
Покой долин и круч
Освобожден
От снега.
Мороз увял как раз—
Зима сбежала в забвенье,
Волнует степь мираж,
Камыш волнует заводь.
Спят блики на мели.
Пастух всех будит смехом,
И пастбище вдали
Горит зеленым мехом.
По лезвию луча,
Словно на нитке бусы,
Согласно гогоча,
Назад вернулись гуси.
И овцы наугад
Под синим небосводом
Выводят в степь ягнят,
На радость скотоводам.

Они легко двоятся,—прошумело,—
Две головы у них, четыре глаза.
Мечом раздвоишь их—соединятся.
Что делать нам? Чудовища идут.—
Так инки в страхе
Думали, угрюмы,
Услышав ржанье жаркое коней.
Герои, полководцы Монтезумы—
Все на защиту родины своей,
Все встали.
Но услышав храп, и ржанье,
И грозный цокот кованых копыт,
Все в страхе разбежались—
И сдались
Конкистадорам войны царя.
Так кони храбрых инков победили
И бороды испанцев,
А не ум,
Не храбрость, не великая отвага
И даже не тяжелые мечи!

3. БОРОДАТЫЕ БОГИ

Был у ацтеков царь.
Его народ
Кецалькоатлем звал.
Царь, научивший
Народ искусствам разным и ремеслам.
И перед тем, как сей покинуть мир,
Он обещал:
— Когда-нибудь возникну
Из волн морских я, грозен, бородат...
Когда ж испанцы с моря появились,
Увидели ацтеки, что пришли
Из океана с бородами люди,
Сверкающие латами литыми,
Высокие, и стройные, и злые.
Ацтеки же подростками казались
В сравнение с ними...
По стране прошла,
Промчалась весть:
— Из моря появились
Кецалькоатля воины!
Смиритесь!..
Вот так народ—
Умелец, воин, пахарь—
Испанцам сдался—стал слугою их.
Так стала биография ацтеков
Для правнуков—их горькою обидой
За страх отцов,
За суеверья их,
За то, что в чудо верили когда-то,
Пришла за это грозная расплата.
А ныне
Не представишь мексиканцев
Без быстрого и статного коня,
Что любит по степи широкой мчаться,
Чьи гривы—
Из пыланья, из огня.
Подковы у коней как будто сталь.
И впереди, вся из огня заката,
Вся первозданной синевой объята
Копытами разломанная даль...

Мы

Да,
Наши дети,
Подражая нам,
Нас делают и лучше и богаче
И, шествуя за нами по пятам,
Живут мечтой о будущей удаче.

С красивой мечтой людей, живущих
До нас,
Соединив в одно все дни,
Посланными нашими
В грядущий
Век—
Вместе с нами явятся они.

Перевел с монгольского
Владимир ЦЫБИН.

Рисунок Юрия КОСМЫНИНА

Ирина БАБИЧ
Фото Сергея ПЕТРУХИНА

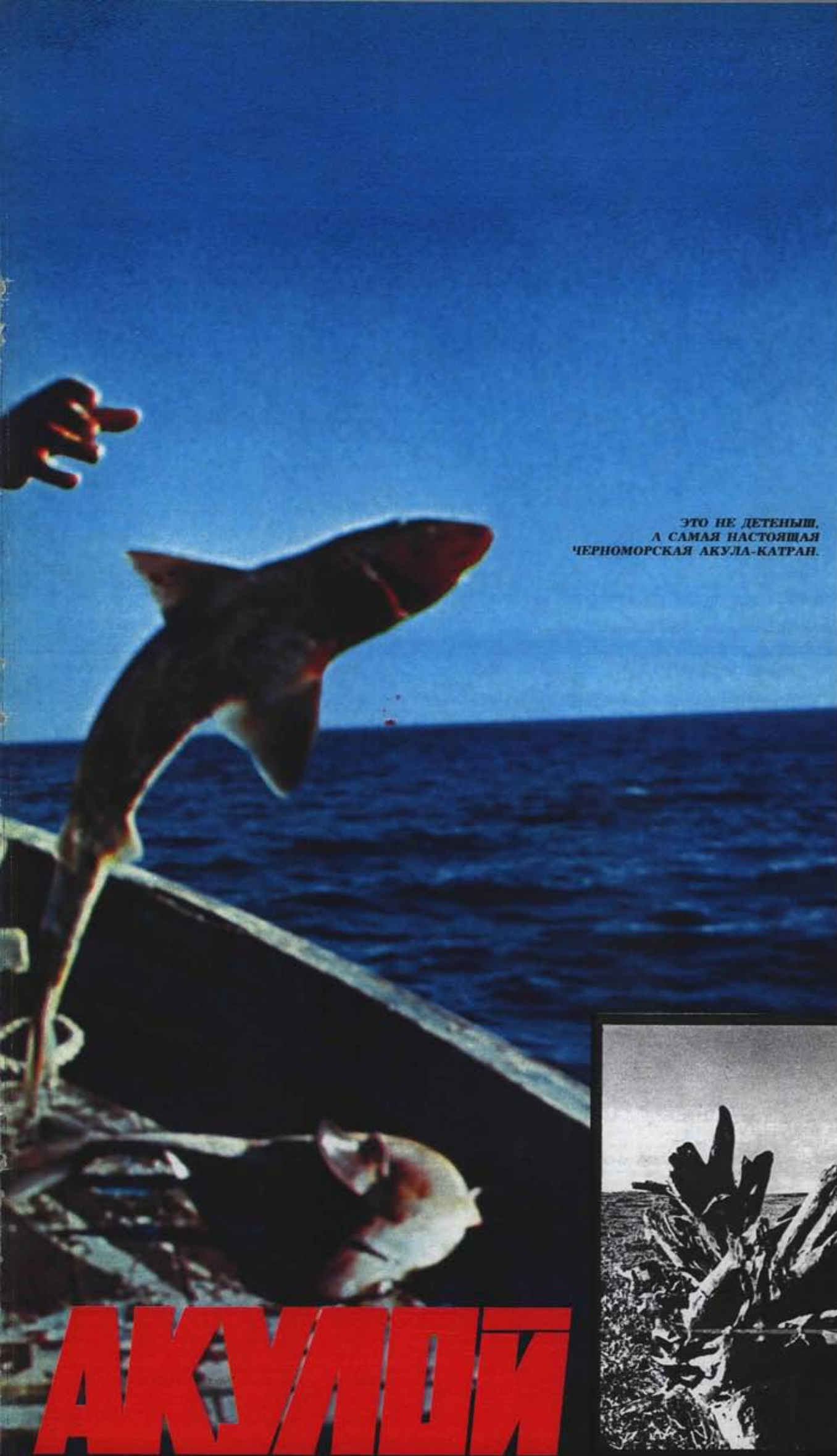
Мне сказали, что Алик— простите, Руал Георгиевич Гачечиладзе — собирается уходить с Острова. Что ему осточертели дурацкие обвинения в браконьерстве, в товарном разведении кур, в неподходящих знакомствах и он хочет сменить базу. Я просто локти себе кусала, что в последний его приезд в Киев была в командировке и не могла подключиться к тем, кто отговаривал его от этой безумной идеи. Но ведь он никогда не предупреждает о приезде — просто однажды, чаще всего ночью, раздается телефонный звонок и голос в трубке говорит с милым кавказским акцентом: «Привет, ребята! Хочу вас видеть». А мы в ответ кричим: «Это ты? Ну, здравствуй! Наконец-то! Приезжай к нам немедленно! Слышишь?..» Потом победно гремит дверной звонок, и на пороге вырастает знакомая фигура: широченные плечи еле втиснуты в курточку, на светлом (это у грузина-то!) ежике волос поблескивают капельки дождя, а от раскатистого «Пр-ривет!» слетает с дивана сонная кошка. И тогда начинается разговор долгий, до самого утра, в котором каждый факт служит отправной точкой для размышлений о категориях философских, тех, что принято называть «вечными», разговор, в котором нет места жалобам на «трудную жизнь» (хоть она у него ох как трудна!), но зато всегда есть рассказ о Прекрасной Даме, занимающей в его сердце главное место, имя которой — биофизика. Не могу объяснить почему, но всегда после такого разговора чувствую себя моложе и смотрю на жизнь другими глазами. И всегда разговор этот начинается словами:

— Ну, что там на Острове?

Что там на Острове, Алик? По-прежнему на желтом песке у воды ходят розовоклювые чайки, а по утрам из окон твоего домика звучат симфонии Бетховена и этюды Паганини? И, как всегда,

ПОГОНЯ ЗА

**ЭТО НЕ ДЕТЕНЫШ,
А САМАЯ НАСТОЯЩАЯ
ЧЕРНОМОРСКАЯ АКУЛА-КАТРАН.**

раз в неделю уходит в открытое море за черноморской акулой-катраном сейнер с вечно небритым боцманом Важиго? И бдитительно стерегут твои владения разномастные беспородные псы, кем-то подкинутые, подобранные тобой и спасенные из мутных вод Риони? И веселые девочки-лаборантки в обеденный перерыв едят купленные по дороге на работу огромные сочные хинкали? И ты хочешь всё это демонтировать, «переиграть», бросить? Слушай, ты с ума сошел, да?

Каждый год мы уходим в поход. Своей, давно уже сбившейся накрепко группой. По своему, защищенному в туристском клубе маршруту. И каждый поход имеет свое название. Был, например, поход «архитектурный» — это по Вологодщине, где каждая деревенька или городок внезапно открывали нам негромкие и неповторимые красоты старинного русского зодчества. Был «поход ошибок», был «веселый», «мокрый»... А поход по Кавказу через три перевала мы назвали «походом встреч». Встреч с удивительными людьми. С балкарцем Тенгизом Балиевым, водителем автобуса, который запросто отдал нам свое доброе имя («Если будут трудности в пути, так и скажете: мы друзья Тенгиза, — и вам обязательно помогут». И ведь помогли!). С осетинами дядей Максимом, дядей Алибеком и Гришей, чабанами дальнего коша за перевалом Штулу, что приютили нас на ночь и разрешили сварить пищу на их очаге, дрова для которого надо возить на лошадях за много десятков километров по трудным горным тропам. И с Руалом Гаччиладзе, старшим научным сотрудником Института кибернетики Академии наук Грузинской ССР, который заведует в Потии лабораторией биофизики, размещенной на острове в устье реки Риони. Там десять дней на песчаном берегу стояли наши выдавшие виды палатки. Но Руал подарил нам не только эти десять дней — он открыл нам свой остров, где синяя вода переходит в синее небо, где полно кустов ежевики, растущих недалеко от рощи, откуда каждое утро рождается солнце. Да, он открыл нам Остров! Остров надежд и свершений, Остров нерешенных проблем и споров до хрипоты, Остров работы без перерывов на еду и сон. Остров самых разнообразных увлечений — от классической музыки до ювелирных поделок. Остров, который вырвал из небытия (потому что там непригодная для жилья и пахоты земля), застроил доми-

**В РЕДКИЕ
ЧАСЫ ОТДЫХА.**

АКУЛОЙ

ками, заселил людьми и идеями этот бесконечно обаятельный и бесконечно трудный человек.

Мы еще вернемся к теме «трудных людей», но это потом, позже. А пока... Сядем в потийский автобус № 7, доедем до остановки «Маяк», сойдем по щепенчатому, поросшему мелкой травкой берегу Риони к самой воде и, сложив руки рупором, крикнем: «Эй, на Острове!» И тогда из зеленых зарослей на противоположном берегу на низкий дощатый причал сначала выбегут собаки — крупная, похожая на овчарку Гризли, тонконогоя, в белых и черных пятнах Риона, маленькая каплоухая Чебурашка... Потом мелькнет белый халатик Светланы или Марины — переправа находится в ведении мужчин. И сразу же в крутобедную лодку прыгнет сам Алик, или его брат Ираклий, или боцман Важа, или кто-то из сотрудников. Но лучше всего, если это будет Алик, потому что никто не умеет, стоя на носу, так быстро управлять лодкой, упираясь деревянным брусом в натянутый над рекою трос. А навстречу поплывут тонкие пирамидальные тополя, двухэтажный корпус лаборатории, белый приземистый виварий и... поднятый на бетонные опоры серебристый самолет. И Алик, насладившись нашим изумлением («О, самолет! Быть не может! Алик, что это значит?»), причалит лодку и, не оборачиваясь, уйдет в лабораторию, крикнув через плечо: «Разгружайтесь, вечером поговорим!» Значит, это правда: мы снова на Острове. Ну, здравствуй!

— Повтори! Повтори еще раз! Слушай, какая прелесть!

И он повторяет чуть нараспев: «Власть, как в ересь, в неслыханную простоту». И снова: «В неслыханную простоту. Как в ересь...» У него получается «ересь», так даже выразительней.

Мы говорили о сложностях XX века. Сложных конструкция. Сложных решениях. Сложных научных и нравственных построениях. И вдруг Руал рассвирепел: стал кричать, что не надо УСЛОЖНЯТЬ, обязательно искать лабиринт, чтобы через него найти выход. Что выход иногда возможен просто в дверь, да-да, в дверь. Но этого не хотят понять те, кто свою косность прикрывает сверхсовременностью. «Так просто?» — восклицают они и насмешливо пожимают плечами. «Весь мир, по-вашему, не смог увидеть такое простое решение? А вы смогли? Ну-ну...»

— В биологии, понимаешь, тоже некоторые гонятся за усложненностью. После открытия структуры нуклеиновых кислот кинулись в трудные и сверхтрудные схемы. Простые решения не устраивают. Мне так и говорят: не может быть, чтобы подход к исследованию «загадки века» был таким простым. А я прошу: давайте проверим! Нет, такое простое и проверять не будем: ересь!

— Ты о своем «акулине»? Ну, ладно, не сердись — о препарате из печени акулы, да? Ты обещал рассказать подробно.

— Потом когда-нибудь. А сейчас расскажу про самолет. Он списан, понимаешь? Случилась какая-то поломка, он остался лежать на берегу, никому не нужный, без «начинки», только остов. Я увидел, прикинул: да это же готовая кают-компания! Здесь можно собраться всем коллективом — поспорить, послушать музыку. Домики у нас маленькие, а народу приходит и приезжает много: и из института, и здешних, потийских, и из Москвы или вот, как вы, из Киева. Разрешение нам быстро дали, а вот как перевезти самолет на остров? Если бы не Ираклий...

Я уже знаю: если бы не Ираклий, Руал бы тут «совсем пропал». Идея создать на бросовом клочке земли в устье Риони

лабораторию была не менее неожиданной, чем сделать в списанном бескрылом самолете кают-компанию. Только воплощение ее в жизнь оказалось куда более сложным.

Было время, когда оно казалось просто нереальным. Выручил Ираклий. Младший брат Руала, он выглядел старше его — черная шевелюра в блесках ранней седины. С детства Ираклий опекал своего старшего брата, более приспособленного сидеть за книгами, чем дать сдачи тем, кто дразнил его книго-чеем. Когда старший брат, ставший научным работником, биофизиком, совершенно запутался в марках цемента, счетах, в общем, во всем том, что называется административно-хозяйственной деятельностью, на остров приехал младший — инженер с практическим опытом и хваткой. И так и остался здесь в должности инженера лаборатории. Руал получил наконец возможность заниматься наукой. Да, если бы не Ираклий...

Руал продолжал ходить по кабинету, повторяя: «В неслыханную простоту, в неслыханную простоту!»

— Пожалуйста, прочитай все стихотворение, — попросила я.

— Все не могу: это целый цикл стихотворений Бориса Пастернака. Называется «Волны» и посвящен, между прочим, Кавказу. Но две строфы я помню наизусть.

*В родстве со всем, что есть, уверясь
И зная с будущим в быту,
Нельзя не впасть к концу, как в ересь,
В неслыханную простоту.*

*Но мы пощажены не будем,
Когда ее не утаим.
Она всего нужнее людям,
Но сложное понятней им.*

— Вот! Видишь! «Сложное понятней им!»

Слова вырываются из него, как пар под давлением, — я сама не ожидала такого точного «попадания» стихов. Пользуюсь случаем и снова делаю «подзаход»:

— Может быть, ты все-таки расскажешь о своей работе?

— Может быть... — рассеянно говорит он. — Потом. «И мы пощажены не будем...» Знаешь, о чем я мечтаю? О тигре. Будет здесь ходить такая прекрасная полосатая кошка. Правда, красиво?

О научном пути Руала Гачечиладзе можно рассказывать по-разному. Ну, например, так: разбрасывается. Судите сами: сначала Институт физики. Затем Институт генеративной функции человека. Теперь Институт кибернетики. Сначала внутренние органы лягушки. Затем семенники крыс. Теперь печень акулы. Сначала ускорение процессов деления клеток, увлечение регенерацией. Теперь замедление процессов деления клеток, увлечение торможением. И ко всему попытка вмешаться в «чистую медицину», да не просто в медицину — в онкологию, в решение «загадки века». Поэтому и докторской диссертации нет до сих пор и тема, на которую сам просил четыре года, не выполнена. А ведь способностями бог не обидел! Причем способностями, так сказать, широкого профиля: увлекся чеканкой и сделал «на спор» несколько работ, которые Художественный фонд охотно принял на выставку. Сейчас бросил чеканку — занимается серебряными поделками, губит чайные ложечки. Впрочем, не губит — здорово получается, он любит дарить эти поделки друзьям. На что время убивает, а?

А можно увидеть этот путь иначе. В лабораторию биофизики он пришел еще студентом биологического факультета

Тбилисского педагогического института — здесь изучали процессы клеточного деления после повреждения тканей. Его заинтересовала прикладная сторона вопроса: можно ли добиться быстрой регенерации тканей? Работа велась, так сказать, в наблюдательном направлении, практических выводов из нее не делали — институт-то занимался физикой, здесь больше считали, чем искали пути регенерации... Поэтому молодой лаборант, уже убедившись не только в возможностях управления клеточными процессами, но и в практическом применении этих возможностей (в опыте, в пробирке, ткань лягушечьей печени восстанавливалась вытяжкой из куриной печени), охотно перешел лаборантом в новый, только что открывшийся Институт генеративной функции человека. И сам предложил тему — восстановление семенников (подопытными животными были крысы) после инфекционных или механических повреждений. До сих пор такие разрушения считались необратимыми. Через три года он ушел в Институт кибернетики: там были возможности перейти к более широкому исследованию по теме — к вопросам регуляции и управления процессами клеточного деления.

Трудные люди, ах, трудные люди, сейчас пришло время сказать о вас. Как часто ваше бескорыстие принимают за стяжательство («Ну, чего он так хлопочет? Небось, славы, денег и пр. добивается...»), вашу настойчивость — за нахальство («Прямо за горло берет»), вашу веру в дело — за самоуверенность, самовлюбленность («Думает: он самый умный»). Вы и впрямь неудобный народ — у вас, как правило, нет «нужных» знакомств, вы не умеете идти на компромиссы, вы, увы, плохо умеете слушать, а значит, не годитесь в собеседники и тем более в собутьельники... Часто, не выбирая дороги, идете напролом, забыв, что иной раз и в самом деле кропотливый обходной путь бывает вернее прямой дороги. И все же трудные люди — это всегда творцы, открыватели, таланты (о них так и говорят: талантливый, черт, но до чего ж трудный характер!). И потому они, как правило, не считаются с трудностями, которые им то и дело приходится преодолевать.

— Скажи, разве можно, чтобы осталась непройденной хоть одна тропинка, если есть надежда, что она ведет к цели? Пусть мы ошибаемся, значит, этой дорогой не пойдет никто другой, не будут тратить зря силы, станут искать в другом направлении. Надо ведь искать, искать, искать!

— Поймай, на что ты жалуешься? Тебя поддержал директор Института кибернетики, академик АН Грузинской ССР Чавчанидзе. У тебя есть лаборатория, тебя готовы поддержать и в Институте биофизики Министерства здравоохранения... Так что же...

— Что? — Руал вскакивает, снова начинает буйствовать руками. — Нужна холодная комната, понимаешь? Чтобы делать препарат, так как срок его годности лишь две недели. Нужен бассейн для катранов — ход исследований не должен зависеть от того, ловится сегодня акула или не ловится, удачно сходил в море Важино или у него голова болела. Вложенные средства не пропадут. Ну, допустим, полная неудача, так? Но все постройки, аппаратура — это же готовая база для студентов-биологов педагогического института и университета. Рыбы — стабильный организм, очень удобный для опытов, море — стабильная среда. На Риони, в семи километрах отсюда, плотина — можно изучать осолонение, опреснение, изменение в связи с этим флоры и фауны. Какая практика для будущих ученых!

— Но ведь это разные ведомства — министерства просвещения, высшего образования, Академия наук...

— Вот-вот, разные ведомства, разные хозяева... Слушай, я ничего себе не хочу, я биолог. Мне вот закрыли тему — за четыре года не справился, ну и закрыли, — я другую взял, тоже по акулам. Я не пропаду! Но я ведь не могу так все оставить, я все равно буду работать над темой!!!

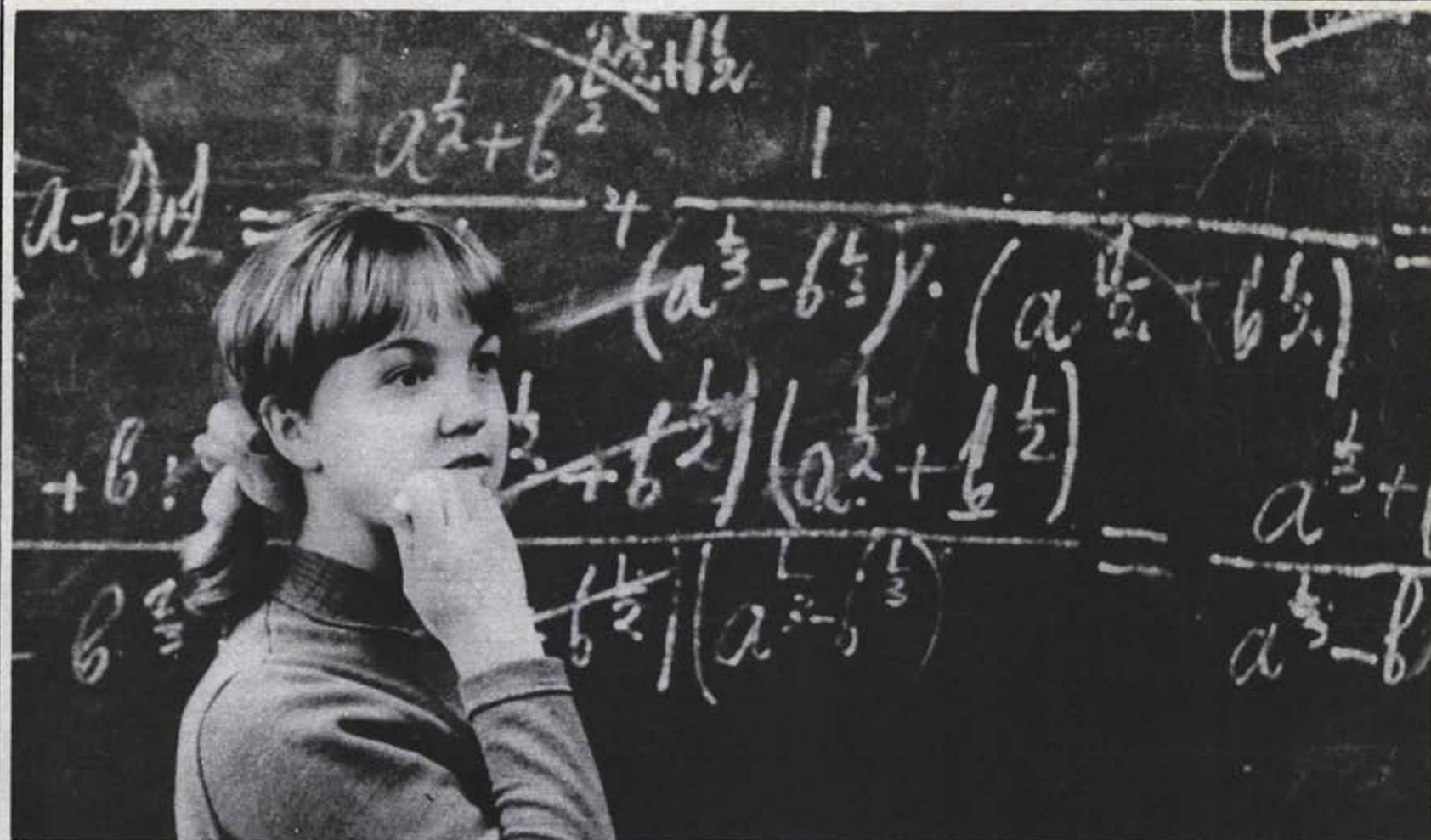
Над нами светят огромные потийские звезды — величиною с антоновку. Под домом — весной и осенью остров затопливает Риони, и здания стоят на сваях — посыпывают собаки. В кают-компаниях возится кто-то из приехавших — кипятят чай. Руал снова садится на ступеньку и говорит:

— Вот что, завтра поеду в Тбилиси, в институт, пойду к директору, он должен понять. А сейчас зови ребят и будем смотреть мои трубки. Я недавно сделал такую!..

Этот очерк написан вовсе не в защиту Руала Гачечиладзе: его нечего защищать, он сам за себя стоит, и дела у него сейчас идут совсем неплохо. Он работает, ставит опыты, ищет, и успех или неуспех этих исканий покажет только будущее. Я рассказала о биофизике с маленького острова, потому что хотелось привлечь внимание к непростой жизни этого человека. В Тбилиси у него семья, благоустроенная квартира и полная возможность работать над какой-нибудь более спокойной темой. А в Потии — остров, на котором приятно находиться лишь в хорошую погоду. Зимой здесь нет никого, только Руал, Ираклий, боцман Важино и еще один Важино, электрик, да два-три лаборанта. Ледяная вода растекается по острову тонкой пленкой, кусты стоят голые, колючие... И тогда особенно четко вспоминаются бесконечные хождения по кабинетам, разговоры, когда под прямым «А» кто-то подразумевает скрытое «Б», чьи-то анонимки, жалобы, сплетни. Да, трудным людям бывает очень трудно... Но никогда еще, даже в самые трудные моменты жизни, он не терял веры в то, что делает нужное людям дело, ради которого стоит расплачиваться самой дорогой ценой. Эта вера в «нужность» тоже характерная черта трудных людей.

...Знаешь, Алик, мне сказали, что ты хочешь уйти с Острова, потому что хуже стал ловиться катран и надо искать другое место. И я сразу поверила в то, во что раньше не могла поверить. Потому что, если нужно для дела, ты ничего не пожалеешь, даже свой каторжный труд по созданию Острова. Но я знаю: снова будет дом, откуда по утрам зазвучит музыка. И новые лаборанты, инженеры, мотористы и просто друзья поверят в тебя, в твоё дело, которое обязательно закончится удачей, даже если идея окажется несостоятельной («Значит, никто больше не пойдет этой дорогой»). И снова маленькая дочка будет кричать из Тбилиси в телефонную трубку: «Папа, я не хочу подарка, ты только приезжай!» И ты будешь смотреть на трубку потемневшими глазами, будто это головка дочери у тебя на руке, и говорить: «Ты уже большая, пойми — идет эксперимент. Я приеду... не плачь, моя маленькая, приеду, только попозже». И по-прежнему будут как магнитом тянуться к тебе, на твой Остров, люди — и друзья и недруги. У таких, как ты, обязательно есть свой Остров — надежд и свершений, нерешенных проблем и споров до хрипоты, Остров работы без перерывов на еду и сон и веры в то, что ты делаешь самое нужное людям дело. И, приходя на этот Остров, каждый будет окликать тебя по-старому: «Здравствуй! Я знал, что ты здесь!»

ТРУДНАЯ ЗАДАЧА. Фото В. УРВАНЦЕВА (Челябинск).

СОПЕРНИЦЫ. Фото Г. МАЛИНА (Житомирская область).

«МИР МОЛОДОСТИ СТРАНЫ СОВЕТОВ»

Фотоконкурс «Смены»,
посвященный 60-летию
Великого Октября

ВСТРЕЧА С ВЕТЕРАНОМ. Фото А. КРАСОВСКОГО (Запорожье).

БЛИЗКИЙ ГОРИЗОНТ. Фото С. АНТОНЮКА (Омск).

РЕДАКЦИЯ ЖДЕТ ОТ ЧИТАТЕЛЕЙ
НОВЫХ КОНКУРСНЫХ ФОТОРАБОТ,
КОТОРЫЕ ПРИНИМАЮТСЯ ДО 1 ОКТЯБРЯ С. Г.

НА ЖИВОИ, ТРЕПЕЩУЩИ

ФАНТАЗИЯ.

СМЕРТЬ КОМИССАРА.

Трудно мне сейчас описать мое состояние, но, конечно, я был в экстазе; может быть, словами «героическая торжественность» можно было бы назвать охватившее меня чувство на живой, трепещущей земле... И никакого страха, ни малейшего сознания опасности не чувствовал я. Мелки были всякие соображения и ощущения, кроме одного, захватившего: двинулся космос и треплет и мчит меня в его ритмах небывалых, незнакомых мне. И земля, которую я знал до той поры, оказалась иной... Впереди открывались необъятные просторы».

Это пишет Кузьма Петрович Водкин.

Пишет, спустя тридцать с лишним лет после пережитого. И, хотя эти строки прямо посвящены лишь эпизоду в его жизни—извержению Везувия, свидетелем которого довелось стать художнику во время его кратковременной поездки в Италию,—звучат они куда значительней простого воспоминания. Может быть, потому в первую очередь, что он, питавший особый, жадный интерес к стихиям, все детство мечтал увидеть Везувий, и вот добрался наконец до этой горы, да еще в пору, когда грозный великан пробудился, и закашлял, и расплевался кругом раскаленными камнями.

Но, пожалуй, наиболее примечательным, наиболее значительным в этих словах является их полная—взамен унылых монографических дефиниций—применимость (в этих же выражениях!) к характеристике самых важных особенностей творчества талантливейшего российского живописца.

«Героическая торжественность...». Всмотритесь еще раз в полотна Петрова-Водкина, в его девушек, пришедших к Волге, в его купальщиц, в его крестьянок, полных глубокого, естественного достоинства, живущих в поразительном гармоническом согласии с землей, с природой, друг с другом, ступающих по земной тверди и одновременно по своей жизненной стезе торжественно и легко, как это и пристало им, испокон веков живущим на этой земле, возделывающим ее, осознающим ее как нечто живое и священное, достойное любви, ласки, вечной верности.

«На живой, трепещущей земле...» Землю, ее просторы, ее глыбистость и нежность Петров-Водкин ощущал особенно сильно и старался охватить художническим, философским взором всю разом. Этим ощущением Земли—не пейзажа, не фона, на котором располагаются люди—персонажи, не сочиненной живописной декорации, милого, списан-

ного с натуры уголка окружающей нас природы, а Земли—обиталища людей, Земли—планеты, населенной человечеством,—этим ощущением веет почти со всех полотен художника.

Не самый хрестоматийный пример: «Утро. Купальщицы». На передний план полотна, к самому краю картины выдвинуты обнаженные фигуры женщины и ребенка. Молодая мать держит за руку своего первенца, она подвела его к воде, как к таинственной купели, как к реке жизни, которая определит что-то весьма значительное в его судьбе. Материнская нежность сочетается в ней с такой светлой отрешенностью, с таким самоуглублением, что это отзывается в ребенке, в его облике чем-то светозарно-печальным и торжественным одновременно. Возникает гордое и щемящее чувство великой ответственности за жизнь матери и за это дитя человеческое, вступающее в неведомый мир. И внимание наше приковано к этим обнаженным фигурам: столько тут чистоты, одухотворенности, трепетной глубины.

Обязательно обратите внимание на фон, не пренебрегите им; привычный водкинский ракурс—сверху чуть наклоненным лучом падает взор художника, серебрится зелено-голубая прибрежная трава... Но взгляните внимательней: это же целые хребты, горные цепи, перевалы уместились на крошечном пространстве близ воды. Планетарное, космическое видение мира стало специфиче-

НАТЮРМОРТ С ЗЕРКАЛОМ.

ским, неотъемлемым, сущностным для Петрова-Водкина.

«Двинулся космос и треплет и мчит меня...» Не в прозаично-прикладном и не в возвышенном «научно-фантастическом» смысле, а в постижении мира, жизни, человеческого предназначения, человеческой сути как величественного, космически огромного мироздания возникла и развивалась эта тема на протяжении всего творческого пути художника. Подобно тому, как мыслители-физики с первых десятилетий XX века во всеоружии новейших открытий науки день ото дня прибавляющей к океану накопленных знаний новые и новые драгоценные капли, ищут стройную и такую необходимую единую теорию поля, так всегда стремились к цельности, к масштабности, всеохватности художнического зрения самые большие, самые талантливые мастера.

Им на рубеже веков мало было уже конкретности типического, способной вместить в себя бесконечное. Им нужна была сама бесконечность с ее волнующей тайной пространства — времени, то великое общее, что объединяет человека с себе подобными и с природой, с голубой планетой Земля, с небесным сводом, где кружатся по неизведанным путям иные миры, с манящими глубинами космоса. Эти художники были людьми нового века, и им надлежало стать великими новаторами или уйти в небытие. Многие из них не удержались на грани, отделяющей подлинное от мнимого, и стали лже-пророками. Но это не были лучшие. Петров-Водкин, конечно же, принадлежит к числу подлинных новаторов; может быть, только он был особенно, истово последователен и целеустремлен в этом эстетическом поиске.

Достаточно взглянуть на небольшое полотно «Фантазия», чтобы проникнуться этим удивительным, вдохновляющим художника чувством причастности человека к жизни Земли-планеты, к движению исторического времени. Красный невиданный конь в рывке-полете возносит по крутому склону — и как бы над ним — молодого крестьянского парня. Есть определенное противоречие между диковато-простым обликом этого человека и торжественной, гордой статью коня. Вернее сказать, создается тем самым некое плодотворное напряжение, сопутствующее обыкновенно высказыванию глубокой, значительной мысли.

Эта картина и есть такое высказывание. Из нее, из любого возможного в данном случае сюжетного прочтения начисто исключена олеографическая привычка — водкинский всадник не производная от сказочного Иванушки, и конь его не волшебный Конек-Горбунок. Возьмем в расчет и время создания картины — год 1925-й. Нет, это не иллюстрация к прекрасной сказке, не легенда даже, это выражение общей, генеральной мысли, владевшей художником многие годы, это претворенная идея исторического Восхождения — к справедливости, к добру, к духовной высоте. Восхождения радостного, но и драматичного, ибо оно — переворот в жизни, предел привычному, шаг в неведомое.

Не прост он, этот взлет на коне-ракете, и языческая радость еще не завихрилась в крови всадника, лицо его обращено назад: хотя и оглядывает он с жадным интересом открывшиеся вдруг просторы, но память прошлого еще сильна, еще жаждется тугой узел противоречий, еще не минула пора тревог, еще грядут неизбежные потрясения.

Но вещей конь возносится выше, выше! «И земля, которую я знал до той поры, оказалась иной...»

А землю, родную, много выстрадавшую, добрую к заботливому человеку, взыскующую ласки, отогретую солнышком и исхлестанную непогодами, исконно российскую землю хорошо знал и горячо любил Кузьма Петров-Водкин, сын хвалынского сапожника, внук крепостных крестьян, проигранных в карты тульским помещиком и переселенных на Волгу.

Да, он прекрасно знал эту землю, с молоком матери впитал в себя ее прятные луговые запахи, ее неброские нежные краски, ее трогательные рассветы и торжественные закаты, беззаботное летнее пение птиц и тоскливый волчий вой суровыми зимними ночами, кристальную прозрачность веселой весенней капли и тихую благодать недолгого бабьего лета. Перед его взором проходили вереницы ярких, колоритных, типичных и неповторимых народных характеров, судеб, лиц. Это были родные ему люди, хорошо знакомые с детских лет. Но вопреки всему Петров-Водкин не стал бытописателем или историографом, дотошным свидетелем и пунктуальным летописцем, — он выбрал для себя иной масштаб постижения жизни. И задавал на ей совсем не простые вопросы.

Как, в какой заветный миг жизни избрал он себе этот масштаб, эту стезю? Всегда трудно ответить на такой вопрос, и хотя оставил нам художник велико-

ленные свои автобиографические повести — «Хлыновск», «Пространство Эвклида», «Самаркандию», полные пронзительных воспоминаний, метких и глубоких характеристик, оригинальнейших рассуждений, мы не сможем, не сумеем четко и ясно указать на некую веху, определившую весь дальнейший творческий путь замечательного русского живописца. Но многие из дорог ведут в детство, в пору наиболее острых чувствований, тех могучих первых впечатлений, которые на всю жизнь остаются с нами и, по сути дела, формируют нас.

Именно в эту прекрасную пору вызревает то волшебное зерно, что обязательно должно запасть в восприимчивую детскую душу, чтобы прорасти потом в чудо таланта, в диковинного красного коня, таинственного и прекрасного, в глубокую внутреннюю сосредоточенность и скромное величие крестьянских мадонн, в космическую округлость Земли, вершащей в бесконечном пространстве-времени свой вековой стремительный путь.

Все это будет, но будет потом, когда уже далеко позади останутся и милый провинциальный Хвалыньск — Хлыновск, и живописцы «древнего обычая», мастера-иконописцы, преподавшие юному Кузьме самые первые, самые необходимые уроки. Позади будет и Самара с классами живописи и рисования, и Петербургское художественно-промышленное училище Штиглица, и знаменитое Московское училище живописи, ваяния и зодчества, где в ту пору преподавал Валентин Александрович Серов, где товарищами Петрова-Водкина и его добрыми друзьями были юные Мартирос Сарьян и Павел Кузнецов. Позади будут и пестрые базары Константинополя, и прекрасные классические мраморы Греции, и художественные богатства Рима, и Милан, открывший ему гений бессмертного Леонардо. Уйдут в былое и работа в мюнхенской мастерской Ашбе, и великолепный Париж, обетованная земля художников, и встреча с Матиссом, так взволновавшая молодого Водкина, и поездки по городам Северной Африки.

В этих встречах, поездках, сменах впечатлений, в этом потоке жизни, жадно наблюдаемой художником, все жарче разгорался огонь под тиглем, где плавилась руда искусства, где предстояло выплавить чистое золото правды. Но священный огонь этот зажжен был куда раньше, в пору, когда «...я радовался, не ища и не умея еще искать разъяснений о действии искусства, о действии вещей, не природой, а человеком сделанных. И уже после... я стал замечать узоры на одеждах, на чашках, деревянные украшения на фасадах, цветные рисунки Андрея Кондратыча и тутинские иконы».

Там, в городке его детства, в заштатном Хвалыньске, он «на ощупь, вплотную научился понимать законы роста и цветения растений, прихоти развертывавшейся розы и готовую к лопанью почку... Здесь, любовью человека поощренный, распускался во всех нюансах солнечный спектр в лепестках, венчиках и в шапочках цветов и вспыхивал пурпуром, синевою и желтым на корпусном, сложном, зеленом цвете листьев».

Это естественное, как дыхание, не искаженное школярством приобщение к тайнам прекрасного не было, однако, лучезарно-бездумным. В сущности, еще ребенком впитывал он в себя долгими зимними вечерами бесконечные рассказы матери, которые «часто приобретали такой безысходный характер, так некуда, казалось, деваться от ужаса и горя жизни, что замирало сердце. Перед вами развертывались дикие, грубые взаимоотношения людей между собой. Безнаказанные мучители, беззащитные жертвы, четко разграниченные, зывали вас на мщение и на помощь страдающим...».

Постигая путь Петрова-Водкина в искусство, мы не можем пройти мимо этих предельно искренних свидетельств детских лет. Они помогают нам понять многое в творческой индивидуальности замечательного художника, так непохожего на кого-либо из своих современников, прошедшего сложный, своеобразный путь художественного развития, но ни в чем никогда не покривившего душой.

Взяв это во внимание, мы должны будем прибавить, что в силу самой своей природы, своей человеческой сущности, так мощно, так плодотворно отразившейся в его полотнах, Петров-Водкин был бесконечно далек от какого бы то ни было приспособленчества, что к жизни и делу относился с глубокой серьезностью и увлечением, с непреходящим интересом ко всему новому или только что им открытому. Именно эти качества помогли ему не потерять важных жизненных ориентиров на крутых поворотах века, пройти сквозь гнетущие времена политической реакции и гибельные для искусства декадентских поветрий, отвергнуть разлагающую моду пустого салонного эстетства и соблазны новых модернистских течений, пережить горькое сознание, что ты не понял, не принял, не оценил. И, одолев все это, все-таки прийти к Революции,

встретить новую жизнь, отдать ей свой талант и свое сердце.

Стремление к обретению собственного лица, к выработке своего художественного языка не было у Петрова-Водкина чем-то самодовлеющим, похожим на судорожную попытку стать оригинальным во что бы то ни стало. Он вовсе не был тем неистовым отрицателем традиций, который бездумно принимает все новое, что приносит время. А художественная практика начала века изобиловала экспериментами самого различного свойства. Но если многие из окружающих Водкина художников были захвачены живописно-формальными задачами, проблемой чисто внешнего воспроизведения формы и цвета, то он сам упорно, шаг за шагом шел к содержательной емкости образа, к той свободе выражения, которая понадобится ему впереди, в неясном еще, но предчувствуемом будущем.

Так случилось, что о Петрове-Водкине заговорили сразу же после открытия знаменитой художественной выставки 1912 года. Над входом организаторы выставки поместили только что законченную им картину «Купание красного коня». Огромный, не вмещающийся в пространство полотна величавый конь багряным знаменем полыхал над толпой собравшихся на вернисаж. Картина произвела ошеломляющее впечатление. Причины его было трудно высказать. Внешне, «по сюжету», все в картине было предельно просто. Юноши, почти подростки, купают коней в пруду. Краски полотна ясные, яркие, доминирует красный цвет. Все в глубокой чаше полотна спокойно, размеренно, даже статично. А зрителю передается состояние какой-то невысказанной тревоги. Почему?

По поводу этой картины и по сей день нет согласия. Зрители, захваченные и удивленные полотном, задают вопросы. Искусствоведы, противоречая друг другу, толкуют о глубокой символике, о том, что кроваво-красный конь предвещает бойню первой империалистической войны, или что он означает приближение очистительной революционной бури, или, совсем иначе, что это конь библейский, прискакавший сюда из древних русских икон. Но авторских комментариев к полотну нет, рассудить спорящих некому. Ясно одно: «Купание красного коня» действительно парадоксальная картина; все в ней — на контрастах, и именно их строгое взаимодействие создает ту внутреннюю напряженность, которая передается зрителю, возбуждая все новые и новые вопросы. Но ответов на прямые вопрошания нет. Можно даже сказать, что полотно не поддается убедительному словесному, литературному комментированию. И тем не менее, а может быть, отчасти и поэтому оно особенно волнует зрителей. Волнует ощущение многоплановости содержания, неясной до конца выразительностью, сдержанной страстью, той духовной эмоциональностью, которая всегда составляла тайну древнерусской живописи и которой очень дорожил Петров-Водкин.

События, происходившие в России, пристальное изучение предметного мира в его сложных взаимосвязях, загадки, задаваемые жизнью, претворились для неустанно ищущего живописца в выявление непостоянно соотношений и взаимодействий между пространством и временем — основными координатами бытия. Очень интересна в этом отношении картина-пейзаж «Полдень. Лето», написанная в 1917 году и посвященная памяти отца художника. На полотне типичный, кажется, русский деревенский пейзаж: горбатые зеленые холмы, золотое живнине и цветущие сады, перелески и деревеньки, разбросанные там и сям. Но необычен, смел, почти фантастичен взгляд на эту землю — сверху вниз. Она уступами, холмистыми массами наплывает на вас из глубины и, просуществовав какое-то время, миг или вечность, в кадре, уходит, отваливает за раму полотна. Это предугаданное, самолетное, кинематографичное видение: так разворачивалась земля в кадрах «Огненной дуги», снятых с реактивного самолета, так видел отчужденную потрясенный Крис Кельвин, возвращающийся из космоса в «Солярисе» Тарковского.

И опять «фон», земля определяют характер нашего восприятия: все обыденные сценки на такой земле выглядят метафорично. Прибавьте к этому, что фигурки людей, разбросанные группками и в одиночку на переднем плане и в глубине, равновелики, а сам пейзаж подчинен перспективе — эта «странность» превращает все увиденное в притчу, все происходящее — в действо. Перед нами спрессованная в единый миг, представленная мизансценами драматического спектакля проходит жизнь крестьянина — жизнь Человека. Его труд, редкие минуты отдыха, любовь, повседневные дела и заботы и уход из жизни — все это встает перед нами на полотне с силой эпического сказа. И три налитых желтых яблока на переднем плане у нижнего среза картины, будто три звонких колокола, наполняют

бескрайнее пространство жизни торжественным, теснящим душу гулом...

Октябрьскую революцию Петров-Водкин встретил радостно и с головой ушел в хлопоты на культурном фронте. Революция дала новый импульс поискам художника: понадобились новые усилия для постижения новой реальности, новые средства для ее выражения. Художник много размышляет, экспериментирует. Поле его исследования становятся замечательные натюрморты, созданные им в первые годы революции. В них он оттачивает то «оружие», которое ковал всю предыдущую жизнь: глубокое, философское понимание пространства как напряженного силового поля, связующего предметы; художника продолжает интересовать «вскрытие междупредметных отношений».

С этой точки зрения «Скрипка», «Розовый натюрморт», «Утренний натюрморт» и другие чрезвычайно интересны. Мало того, что это в собственно живописном отношении великолепные работы. Они вдобавок исполнены глубокой значительности и благородства; обыкновенные предметы: чайник, стакан с водой, яблоневая ветка, коробок спичек, пара селедок, вазочка с полевыми цветами вступают здесь в тонкие, деликатные, хочется сказать, музыкальные отношения друг с другом, воспринимаются остро, свежо, даже радостно. Удивительны здесь изящество каждого мазка, чистота и завершенность формы, звонкость, насыщенность цвета.

Но и это еще не все. В натюрмортах Петрова-Водкина живет само Время с его аскетическим бытом, с его скудными пайками, и в них же одновременно проявляется духовная высота человека, не ропщущего, не потерявшего среди бытовых неудобств, лишений и исторических катаклизмов. А главное — живущего не «в брюхо свое», а умеющего ценить красоту и правду, понять свое время, увидеть грядущее. Отсюда та высокая поэтизация обыкновенных прозаических предметов, так удивляющая нас в этих полотнах, и динамическая, отличающаяся необычностью избранных ракурсов и в то же время очень уравновешенная, устойчивая композиция. Светлый, мудрый и радостный мир натюрмортов 1918—1920 годов убеждает: Петров-Водкин прочно утверждается в своих светлых, оптимистичных мировоззренческих взглядах.

Взгляды, отношение к жизни, выбор главных социальных и эстетических ориентиров у Петрова-Водкина неслучайны и непреходящи. Вся жизнь, весь творческий путь художника тому доказательство, но более всего — советский период. Светлые лучи, преломившиеся в призмах-кристаллах знаменитых натюрмортов, заиграли радугой новых поисков, открытий, постижений в картинах «Петроград, 1918», «За самоваром», «Весна в деревне», «Фантазия». Кульминацией живописных и философских размышлений художника стала его классическая, вошедшая в золотой фонд советского искусства картина «Смерть комиссара».

На круглящуюся, выдвинутую на нас земную твердь тяжело опустилось тело смертельно раненого комиссара. Уже мертвенно бледный, он силится привстать, увидеть в последний раз уходящий отряд. На этой главной эмоционально-смысловой оси «комиссар — бойцы» разворачивается поразительное по своей многозначности философско-психологическое действо. Остро, почти утрированно подчеркнута в картине перспектива, глубина пространства, его космическая протяженность. Впечатление усиливается множеством других земных полусфер, возникающих за краем передней; они истаявают в дымке, оставляя нам светлый образ ослепительно прекрасной Земли, исчезают в той бесконечности, куда уходит отряд.

Бой, конкретный, локальный бой, в котором был сражен вражеской пулей комиссар, становится явлением Истории, эпическим, легендарным, — становится оптимистической трагедией огромной силы. Вот каков масштаб открывшейся художнику поэтико-философской значимости происходящего, его всемирный, общечеловеческий, планетарный характер. Не одни лишь пространственные построения обнимал своим взором Петров-Водкин, говоря, что он «видит землю, как планету».

Великий Джотто, основоположник реализма, глава флорентийской школы живописи, наставлял своих учеников уменю в малом увидеть большое, в части — целое. Он говорил: возьмите большой камень с дороги и напишите с него величественные горы. И это будет правда.

Всем своим творчеством Петров-Водкин продолжил это рассуждение. Он брал кусочек пространства и эпизод жизни и видел в нем мироздание и саму жизнь. И увиденное, написанное, воплощенное им, все, до последнего наброска, — это удивительная, покоряющая, возвышающая нас Правда. Правда нашего века, нашей Революции.

НОВОЕ ИМЯ

Стихи журналиста Владимира Виноградского могут быть интересны читателю как живое свидетельство современника — участника всех наших сегодняшних больших и малых дел. Лирический ключ автора располагает читателя к доверию. В центре его стихов образ сегодняшнего молодого человека, который сразу же становится перед вечной проблемой — конфликтом личного (родной город, друзья, любимая) и нестыившей тягой к дальним дорогам. Всем своим существом он рвется в дорогу и обретает ее. Поэт живет в романтическом мире. Вот он возвращается в Уфу, где прошли его первые послеуниверситетские годы. Возвращаясь к ее воздуху, он восклицает:

Неси, Уфа, светло и свято
Свой алып, гордый непокой,
Как эту саблю Салавата
Над нестареющей рекой!

Вот он в Ленинграде на празднике выпускников. Весь город в белых платьях и юношеских галстуках.

Сколько дум в молодой голове...
Возвращаясь из сказок хрустальных,
Бригантина идет по Неве,
На «Авроре» меняют дневальных.

Вот это сочетание романтики вчерашней и сегодняшней, чувство непокая и ощущение движения времени — суть поэзии Владимира Виноградского.

Лев ОШАНИН

Однолюбы

Мы во всем — однолюбы.
Мы в каскад наших дней влюблены,
В полыханье костров
На краю ледяных горизонтов,
В дробный говор колосьев
На гребне пшеничной волны,
В рыбы торсы ракет,
Обожженные зноем озона.
Мы во всем — однолюбы.
Мы партию любим одну,
Мы единую Родину
Сердцем сыновним лелеем,
У зеленой березы
В весеннем и вечном плену,
Мы равняем шаг
Возле мраморных стен Мавзолея.
Если в море холодном
Иль где-то в тавжной глуши
Подберется тоска,
Запечатает горечью горло,
Мы к знакомым зарницам
Родных городов не спешим —
Ждет любимая каждого
Преданно, грустно и гордо.
Мы во всем — однолюбы.
И в том широта наших душ.
Кто кричит, что такая любовь
Хоть когда-нибудь двинет на убыль?
Мы сердца поднимаем,
Как лучшую нашу звезду,
Всей планете света,
И сгорая для тех, кого любим.

Много песен мы еще споем,
Пусть тебе давно уже не двадцать.
Только бы стихами,

как костром,
Ты не разучилась согреться!
Только бы ты слушала весну,
Только бы ловила вздох березы,
Ельника густого тишину,
Майские отчаянные грозы...
Только бы кружилась голова,
Звездные разглядывая ситцы.
Если песня старая жива,
Значит, песня новая родится!

Владимир ВИНОГРАДСКИЙ

Белой ночью мосты взнесены.
В этот миг и седым не взгрустнулось.
В белых платьях — надежда страны,
Ленинградская алая юность.
Сколько дум в молодой голове!
Возвращаясь из сказок хрустальных,
Бригантина идет по Неве...
На «Авроре» меняют дневальных.

По этим камням ты ходила когда-то,
По этим волнам уплывала в рассвет...
Дурманит опять кипарис сладковатый,
И пыль серебрится, как тысячу лет.
И те же лагуны. И те же излучки.
И то же сиянье над синей водой.
И те же бессонные нежные руки.
И то же шептанье листьев молодой.
И те же зеленые зори надежды,
И парус все тот же навстречу весне.
И море смеется, такое, как прежде,
Лишь камни не эти. И мы уж не те...

Сердце Шопена

Говорили, что оно нетленно —
Сердце легендарного Шопена.
Много лет скитаясь по Европе,
Преграждает путь огню и злобе.
И в его бесхитростной печали
Люди свет высокий различают,
Родины глаза и слезы милой,
И героев тихие могилы,
Плеск знамен и отзвуки восстанья,
И души полет и трепетанье.
Сердце песни может петь и биться,
За себя умеет заступиться.
...Осквернили Волю Желязову
Толстые фашистские подковы.
В сигаретном дыме окна блекли,
Сел к роялю офицер с моноклем.
В пьяном реве захлебнулись стены
И рояль великого Шопена.
Надруганья сердце не стерпело —
Загремели клавиши расстрелом.
И монокль из глаз фашиста выпал,
Соскользнуло тело, словно рыба...
А над садом, в тучах рваных, узких...
Из-за Вислы били пушки русских...
Раскалялись грозные орудья,
Чтоб могли Шопена слушать люди.
...Талое апрельское Заволжье,
Киев листопадом заворочен...
Я играл и слушал его вальсы,
Гладил клавиш ледяные пальцы.
И душой мальчишеской волнуясь,
Красоту я понимал земную.
Снова листья жаркие кружатся.
Стынут звезды. Мне уже за двадцать.
Я иду сентябрьскою Варшавой,
Для которой жил он и дышал он.
Тонкие узорчатые дверцы.
Здесь, в костеле, урна с его сердцем.
Как же говорили, что нетленно
Сердце легендарного Шопена?
Но гудит орган минорным громом,
Словно ветер по степи огромной.
От огня и музыки могучей
Сердце вдруг становится певучим,
И звучат мелодии и тают,
Мир тоской и счастьем потрясая...

Короткая комбинированная куртка из искусственной кожи, воротник и манжеты — искусственный мех, односторонняя застежка на крупные пуговицы; клетчатая юбка из плотной ткани, складки — встречная и две односторонние, застроченные по бедрам, карманы типа мужских брючных.

Осеннее ненастье приходит во Львов не сразу. Долго дарит щедростью безоблачного неба бабье лето. Тепло по-летнему. Но и потом, когда на город с гор спускается гулкая осенняя прохлада, молодежь не спешит спрятаться в глухие доспехи теплых пальто.

Совсем недавно все было просто и понятно, все было так, как заведено: летом следовало носить летние платья, осенью — костюмы и демисезонные пальто, зимой — зимнее...

Сейчас все изменилось. В конце 60-х годов женские брюки были уравнены в правах с юбками, и это потребовало пересмотра объемов и пропорций многих видов одежды, и в том числе пальто.

С уходом длины мини в моду вошли плотные юбки умеренной длины из теплых пальтовых тканей. Эти, казалось бы, не связанные друг с другом перемены в мире моды постепенно привели к новому принципу в создании молодежного гардероба, основой которого стали юбки и брюки. С ними сочетаются блузки или рубашки мужского типа, короткие или длинные жилеты, джемперы, тонкие или толстые свитера, всевозможные трикотажные кофточки, рубашки навыпуск из плотных тканей, короткие платья-туники, жакеты, пончо, пелерины...

Так создавался современный молодежный гардероб, составленный из многих отдельных, комплектующихся в зависимости от личного вкуса и обстоятельств (погода, обстановка и т. п.) элементов. А пальто? Поскольку под пальто стали надевать все больше и больше «одежек», пальто распухало. Трещали по швам втачные рукава, лопались узкие проймы. Претензий к пальто было хоть отбавляй:

ОСЕНЬ

Ида МАЛИВАНОВА

тяжелое, дорогое, неповоротливое, рассчитанное на долгие годы. По образному выражению одного художника-модельера, «пальто катастрофически быстро старилось вместе с теми, кто продолжал его носить».

Проблема была решена двумя способами. Первый представлял собой компромисс. Пальто не упразднили, а лишь изменили его силуэт и объем. Особенно большие перемены произошли в той части, которую специалисты называют плечевым поясом, то есть в крае рукавов, плеч, пройм.

Второй, более радикальный и отвечающий требованиям молодых способ состоял в замене традиционного пальто всевозможными теплыми жакетами длиной $\frac{3}{4}$ и $\frac{1}{2}$ (полупальто) и куртками.

Отказ молодежи от пальто носил резкий и стихийный характер. И сегодня молодые требуют от промышленности как можно больше самых разнообразных жакетов и курток, ярких, удобных, практичных и, конечно, недорогих.

Как же решают этот злободневный вопрос художники Львовского Дома моделей?

Осенние жакеты и куртки художников Львова по-настоящему универсальны. Они легко сочетаются с юбками различного кроя, брюками, комбинезонами и другими видами одежды.

Прямой жакет без подкладки, длина $\frac{1}{2}$, спущенная линия плеча, глубокие проймы, кокетка, переходящая на плечо, боковые шлицы, застежка на деревянные пуговицы удлиненной формы, упрощенная технология отделки края — края обработаны зубцами; свитер; прямая юбка с боковыми разрезами.

Прямой жакет из ткани, имитирующей трикотаж, с трикотажной отделкой края; трикотажное платье с облегающим лифом и юбкой мягкой формы, большой воротник-стойка.

Фото Сергея СЕРГЕЕВА

В отличие от традиционных пальто крой и стилистическое оформление жакетов и курток отличаются большим разнообразием. Нередко импульс для их создания художникам-модельерам дает спорт. Вот почему повседневные куртки для молодежи иногда напоминают тренировочные костюмы спортсменов, штормовки, ветровки альпинистов. Характерные черты их оформления — прямой, наполненный крой, спущенные рукава, удобные проймы, напуск на талии или бедра.

Есть и другой тип курток, прообразом для создания которых послужили некоторые виды униформ, особенно морской униформы: бушлаты, форменки. Их силуэты более сдержанные и прилегающие, более традиционные.

Совсем иной эффект достигается, когда источником вдохновения для художников служит народный костюм. Куртки, выполненные по народным мотивам, отличаются большой женственностью, подчас романтичностью, что вовсе не мешает им уживаться в одном ансамбле со спортивного склада юбкой или комбинезоном.

Если куртки двух первых типов одинаково хороши как в женском, так и в мужском гардеробе, то куртки и жакеты в фольклорном стиле пока привилегия девушек.

Прямая куртка из искусственной кожи, притачной пояс, карманы в боковых швах, подкладка и воротник из искусственного меха; расширенная к низу юбка из пальтовой ткани.

Короткий жакет из искусственной кожи, рукава реглан, талия на кулиске, застежка на шнурки, воротник-стойка и опушка из искусственного меха; клетчатый сарафан с мягко прибороченной у талии юбкой.

Но мода ветрена и легко отказывается от того, что с такой категоричностью утверждала только вчера. Сегодня одежда в фольклорном стиле выглядит более оправданной у девушек, но завтра она может увлечь и юношей.

Незаменимыми для осени стали и комплекты, составленные из жакетов $\frac{3}{4}$ и $\frac{7}{8}$, при создании которых художники отталкиваются от современного пальто, сохраняя при этом все особенности его оформления: расширенную линию плеча, свободные, низко посаженные или цельнокроенные рукава, глубокие, удобные проймы, прямой свободный крой, боковые шлицы.

Отметим, что во многих видах осенних жакетов и курток роль утепляющей подкладки играет искусственный мех, который используется также для воротников и отделки. Если ткань достаточно толстая и теплая, то подкладки может вообще не быть.

Наиболее популярными деталями оформления осенней верхней одежды остаются капюшоны, большие накладные карманы, шлицы, застежки на деревянные продолговатые пуговицы и воздушные петли, на завязки-шнурки. При запашной застежке используются узкие, мягко завязанные пояса.

И, наконец, о дополнениях. Разнообразные вязаные шапочки, варежки, длинные, небрежно завязанные шарфы так великолепно ужились с молодежной одеждой, что, кажется, и не собираются с ней расставаться. Зато некоторые изменения происходят в обуви: рядом с высокими сапогами на высоких каблуках появились короткие (чуть выше щиколоток) сапожки на невысоком каблуке или плоской подошве.

Виктор РОЗОВ,
драматург

ДЕНЬ, КАК МАЛ

В. РОЗОВ. ...Давайте начнем нашу беседу с такого вопроса: «Лучшие общественные и личные качества человека — откуда они?» Думаю, что в немалой степени из ответственности человека перед самим собой. А что такое «ответственность перед собой»? Это желание молодого человека сделать самого себя наиболее совершенным.

С. ГУРЕВИЧ. Задача серьезная, бесконечная, и в одиночку с ней не справиться.

В. РОЗОВ. Конечно. Потому что нет чувства соревновательности, чувства взгляда на себя, «перепроверки», что ли. Это все равно, что играть в театре без единого зрителя, без его живого дыхания, присутствия.

С. ГУРЕВИЧ. Очень важен «состав» такого «зрительного зала» — друзья, коллектив, родители и, как говорится, старшие товарищи: учитель, мастер ПТУ, драматург, библиотекарь, просто сосед, в конце концов.

В. РОЗОВ. Молодежь не любит, когда ее «воспитывают», в 17—18 лет кажется, что ты уже все знаешь о жизни, причем гораздо полнее и лучше, нежели старшие. Исходя из этого, внимание к молодым должно быть самое заботливое, но без всякого давления...

С. ГУРЕВИЧ. Да, конечно. Как только ребенок выучивается более менее говорить, он начинает спрашивать. Основы личности закладываются с первых шагов по земле. «Дай» или «на», «мое» или «твое», «не желаю» и «я хочу»... Ребенок открывает мир, и ему необходимы посредники — взрослые. И от того, как они, то есть мы ответим на эти первые вопросы, зависит многое: научится ли ребенок радостно удивляться многообразию окружающей жизни, а впоследствии страстно участвовать в ее созидании или вырастет равнодушным свидетелем, которому «все ясно» и ничто не дорого.

В. РОЗОВ. А дальше? Жизненный путь ведь не гладкая дорожка без сучка и задоринки: в судьбу молодого человека начинают вплетаться сложные ситуации, порой испытания, которые могут привести в недоумение, а иногда и в отчаяние. Жизненные испытания могут быть и совсем неожиданным характера. Каждый юноша жаждет успеха, результативности в любом деле. А ведь есть еще испытания успехом, славой, высокой должностью.

В старину сложилась поговорка, к сожалению, еще не потерявшая смысла и сейчас: «Успех кружит голову». И вот здесь должен помочь жесткий самоотчет, именно с него начинается процесс самовоспитания.

С. ГУРЕВИЧ. Но толчок к этому поступает извне, из коллектива, от людей. Самокритике часто предшествует критика.

В. РОЗОВ. Иной молодой человек или девушка, едва выйдя на самостоятельную дорогу и впервые столкнувшись с жизненными трудностями, падают духом, делая из своего личного, почему-либо неудачного на первых порах опыта общие несправедливые выводы. Скоропалительные выводы делать нельзя, и если встретилась тебе какая-либо несправедливость, не охай, а сумей быть бойцом. Бойцом с ясным взглядом, твердыми принципами и сильной волей.

С. ГУРЕВИЧ. Очень точно и верно сказал Алексей Максимович Горький: «На день надо смотреть как на маленькую жизнь...» Ежедневно, не ленясь и не откладывая на завтра, нужно заниматься воспитанием своих личных качеств.

В. РОЗОВ. Тем более, что в молодости легче воспитать в себе бойцовские качества — мужество, непримиримость к плохому, силу воли. И никогда не надо забывать отдавать людям как можно больше силы своего ума и сердца.

С. ГУРЕВИЧ. Истинная человечность возникает тогда, когда есть желание сделать для другого то, что ты сделал бы для себя лично.

Формирование личности начинается очень рано. Многие ребята уже с 12—13 лет серьезно задумываются, с кого делать жизнь, кем и каким быть, что такое «хороший человек».

В. РОЗОВ. Кем быть... Какой великий, кардинально важный вопрос! Его понимают порой очень узко, а он определяет не только то, где человек будет работать, но и каким он будет, его гражданскую позицию. Счастлив тот, кто рано определяется, но ведь есть даже десятиклассники, которые лишь примерно представляют себе свою будущую профессию. Не нужно винить такого человека. Пусть он «побродит» по жизни, послужит в армии, поработает. Важно, чтобы этому молодому человеку мир открывался во всем его многообразии и чтобы все проявления жизни и явления мира стали для него интересны. Так же, как и дело, которым он занят. Вот, к примеру, поставили человека к несложному станку. Сказали, что на неделю. Так ты сумей за эти несколько дней взять от работы все, что она может дать. В человеке должна ежедневно жить жажда познания, если же ее нет, я считаю, что не все с ним, с этим молодым человеком, в порядке, отсутствует главный винтик, основная деталь.

Я начал свою трудовую жизнь весовщиком в прядильном цехе. Там мне открылся мир фабрики. Я входил в цех как в некое царство. Шум машин был шумом фантастическим, а слесарные инструменты — предметами волшебными, принадлежащими кудесникам. Я учился видеть, понимать... и меня учили.

С. ГУРЕВИЧ. Чтобы помочь самоформированию ученика, я, учитель, должен знать о нем все досконально: какой у него характер, почему он дружит именно с этим парнем, а не с тем, кому симпатизирует, заводила он или «подлевала». Причем он должен чувствовать, что я знаю его, что я вижу черты его личности. И еще что я в него верю. В ребят надо верить, ставить их в такое положение на уроке, в беседе, чтобы они сумели показать, что они знают и умеют, а не то, чего не знают и не умеют. Будет время — еще узнают!

В. РОЗОВ. А ведь есть еще такие горе-учителя, которые специально выискивают, чего человек не знает. Такой учитель просто рад незнанию — нашел! Это метод унижения. А унижать, особенно юного человека, просто подло.

С. ГУРЕВИЧ. Конечно. Представьте себе какою-нибудь подростка с хрупким душевным организмом. Ему необходима поддержка в самоутверждении, а его хлобысь по щекам: не знаешь, мол, глупец, бездельник. И девочки слышат, и та слышит, которая...

В. РОЗОВ. Да, да, очень это верно.

С. ГУРЕВИЧ. В каждом ученике надо уметь видеть человека, надо уметь подготовить его к жизни. Вот сверхзадача для каждого учителя. Надо, чтобы молодой человек как можно раньше находил свой угол зрения, ведь юность — это та решающая пора, когда возникают убеждения, складывается мировоззрение, формируется характер. Нам, взрослым, необходимо как можно раньше увидеть в подростке увлеченность чем-то, чтобы помочь занять свое место в жизни, а не чужое. И здесь роль писателя огромна. Ваша пьеса «В добрый час», кстати, сейчас очень злободневна, ибо пришло время ранней специализации, профессионализации. Собственно, после 8-го класса, после окончания базовой школы, 16-летний человек зачастую уходит в ПТУ, а туда надо приходиться уже вооруженным знанием о профессии, которую выбрал.

В 20-е годы ученик одной из московских школ летом, будучи в гостях у дяди, буквально запоём читал книги об изобретателях. Рядом с домом прокладывали железную дорогу, строили мост, и мальчик настолько увлекся техникой, что все дни напролет пропадал на строительстве. А потом и сам стал «создавать». Из тонких сосновых планок, обтянутых бумагой, построил модель планера, которая пролетела метров пятнадцать. Так вспоминал о своей молодости Александр Сергеевич Яковлев, выдающийся авиаконструктор.

В. РОЗОВ. Каждый человек должен запустить свой планер...

С. ГУРЕВИЧ. В нашем учительском деле жатва от посева отделена десятилетиями. Хорошо, если школа, ПТУ сумеют взрастить в человеке те качества, о которых вы говорили: волю, любознательность, идейную убежденность, — и они полнокровно взойдут. Призвание должно быть в любой профессии, но в профессии учителя оно особенно важно, ибо вред, наносимый равнодушным учителем, неизмерим. Кстати, часто в педагогический институт идут девочки (мальчиков очень мало), не прошедшие в театральную, на факультет журналистики, во ВГИК и т. д. Они ничего не знают о труде учителя — нелегком, увлекательном... Кто он, учитель? Организатор, психолог, публицист, критик, наставник. Вышла новая повесть, выпустили новый спектакль — и учитель должен не только знать или слышать об этом, он должен уже прочесть, увидеть и составить свое мнение еще до статей и рецензий. Задачи наших с вами профессий — учителя и писателя — быть посредниками между формирующимся человеком и миром.

В. РОЗОВ. Размышлять сегодня о жизни нашей молодежи необычайно интересно, хотя и очень нелегко, — разная она, да и мир, влияющий на ее формирование, сложен. Судьба моей было угодно, чтобы я писал пьесы и киносценарии о молодежи и для молодежи. И, естественно, я не только думаю о юношах и девушках нашего времени, я постоянно встречаюсь с ними (ну, и дома у меня двое студентов — дочь и сын...). Когда я писал пьесу о рабочей молодежи «Ситуация», я ходил на разные московские заводы и в труде, в его стихии наблюдал за современными молодыми рабочими. Им присущи и широта интересов, и индивидуальность мыслей, и открытые мнения. Все их интересует, начиная от психологии начальства и кончая условиями жизни на каком-нибудь островке Тихого океана. Причем мне очень нравится манера их разговора — раскованная, интеллигентная, свободная.

Вахтанговцы поставили мою «Ситуацию». На одной из премьер ко мне за кулисы пришла группа рабочей

Семен ГУРЕВИЧ,
заслуженный учитель РСФСР

УМНАЯ ЖИЗНЬ

молодежи. Впереди всех находился невысокий крепкий блондин в свитере. Спрашивает:

— Кто автор пьесы?

— Я,— отвечаю довольно робко.

Он улыбается мне широко, мы жмем друг другу руки, и он произносит:

— В первый раз вижу автора умней меня.

Вот так.

Писателю, драматургу необходимо помнить, что для зрителя нет ничего скучнее, чем выслушивать мысли, с которыми он заранее согласен. Зритель появился в театре новый, молодой, и с ним, как говорят, ухо остро нужно держать.

Кстати, меня восхищает черта современного молодого человека — готовность к сотворчеству. Я это как драматург чувствую. Мне мои зрители помогают, они мой компас. Я рад беседовать с ними — прислушиваться к их порой фантастически необычным суждениям, наводящим меня, как писателя, на новые мысли.

С. ГУРЕВИЧ. Замечу здесь, что самовоспитание требует не только усилия воли, но и усилия мысли. 17-летний Карл Маркс написал серьезное сочинение «Размышления юноши при выборе профессии». Александр Ульянов в 16 лет в школьном сочинении размышлял о том, какие личные качества необходимы человеку, чтобы быть полезным людям... Академик Шахматов начал заниматься наукой в 12 лет, Циолковский, Яковлев, Королев в отрочестве размышляли о таких материях, которые впоследствии стали их профессией. Наше поколение начало рано трудиться, оно утверждало себя в мирное время и на фронтах, и это, мне кажется, послужило основой всего того хорошего, что есть в нас.

В. РОЗОВ. К сожалению, иным молодым становиться человеком мешают мамы и папы. Носясь со своим «ребенком» до вполне зрелого возраста, они возвращают инфантилизм, нерешительность, неумение применить себя в жизни. И вырастает такая инертная личность. Пустой цветок без завязи и плода. А начинать перевоспитывать себя в 30 лет трудно, почти невозможно.

С. ГУРЕВИЧ. 30 лет — это то время, когда нужно не начинать, а продолжать процесс самовоспитания. Человеку нельзя останавливаться в своем развитии и образовании. Я считаю, что термин «законченное образование» не совсем верен, нет «законченного» образования, оно продолжается всю жизнь, ибо самообразование — это одна из важных частей самовоспитания.

В. РОЗОВ. Истинная образованность — это когда человек остро и тонко понимает прекрасное, самые прогрессивные движения своего времени в тех или иных областях жизни и прилагает все усилия, чтобы своей работой способствовать их развитию. Хотя иной раз за образованность принимают обыкновенные знания школьной либо вузовской программы и начитанность.

С. ГУРЕВИЧ. Вот о начитанности... Ранняя начитанность иногда вредна, например, не вовремя прочитанные «Анна Каренина», «Мертвые души» или «Преступление и наказание» могут навсегда остаться в памяти скучными, однобокими, непонятными произведениями... Однако поздно начинать читать тоже плохо, малая начитанность ужасает. Значит, свободное время было использовано непродуктивно.

В. РОЗОВ. Кстати, проблема свободного времени, умения пользоваться им — острая и трудная проблема сегодняшней молодежи. И притом это проблема самовоспитания.

С. ГУРЕВИЧ. Молодому человеку необходимо время, когда он может остаться наедине с другом, с книгой, с самим собой, наконец, когда он может поразмыслить о том, что его волнует и увлекает. В такие часы пишутся стихи, конструируются модели, возникают мысли, будущее которых трудно предвидеть.

В. РОЗОВ. Мне думается, что умению ценить свободное время и пользоваться им надо учиться с самых ранних лет, со школьной скамьи.

С. ГУРЕВИЧ. Очень важно самому уметь подбирать себе библиотеку. Какие библиотеки появились у молодежи! Чудо. Я люблю смотреть в домах своих учеников книжные шкафы — сразу видно, чем человек живет. Смысл внутренней жизни хозяина книг виден. Книжки-то во всех домах сейчас имеются. Но есть библиотеки-обстановка, знаете?

В. РОЗОВ. Знаю, знаю такие нетронутые хранилища книг. Не дай бог кто-нибудь снимет книгу со стеллажа, перелистает, страницу «попачкает». Но гораздо больше рабочих библиотек, где нет этой леденящей стерильности.

С. ГУРЕВИЧ. Да, все хорошее закладывают в человека умная книга, внимательный старший товарищ, доброе слово учителя... Недавно мне, словеснику, позвонили мои ученики военного выпуска, теперь ракетчики — полковники, генералы, влюбленные в свои профессии, люди технического профиля. Мы сидели целый вечер вместе, вспоминали школу, годы учения...

В 1941 году я преподавал литературу в специальной артиллерийской школе. И что интересно: тогда, в годы войны, литература не оказалась второстепенным предметом. Мы, я и мои ребята, следили абсолютно за всем, что появлялось в газетах, журналах, таблицы делали в классе: кто из писателей какое произведение и на каком фронте написал. Литература воевала, и ребята знали все детали этой битвы.

Учились эти ребята талантливо, по-настоящему, и я горжусь ими. Они не стали литераторами, но я знаю, что в их идейном и политическом созревании, гражданском становлении литература сыграла не последнюю роль.

В. РОЗОВ. Молодой современный человек имеет широкий круг интересов: математик читает сонеты Петрарки, а литератор пытается разобраться в теории относительности. И физики и лирики найдут много удивительного в несмежных с их основным занятием областях человеческой культуры.

С. ГУРЕВИЧ. «Удивительное рядом» — хорошо сказано, точно. Я, например, даю задание своим ученикам описать маршрут от дома до школы. И они по-новому, широкими глазами начинают смотреть на мир. И любовь к Родине, то есть основа гражданственности, может начинаться с узнавания достопримечательностей ближайших окрестностей. Мои ребята составили картотеку «вокруг школы», и оказалось, что на наших Миуссах по крайней мере 120 адресов связаны с тем или иным выдающимся человеком. Здесь учился Сергей Есенин, жил Чехов, у него в

гостях бывали Л. Толстой, М. Горький, К. С. Станиславский, Суриков жил рядом, на Каляевской, Маяковский...

Словом, оказалась «полным-полна коробочка»; и история тут и современность.

Как-то я предложил классу написать сочинение «Дом, в котором я живу». Ребята засомневались:

— А что в этом особенного? О чем писать?

Объяснил им, что история дома — это летопись жизни его жильцов. Володя Ануфриев записал воспоминания бабушки о том, как в 1904 году она, молодая революционерка с партийной кличкой «Наташа», начинала революционную деятельность; одна из девочек принесла увлекательный рассказ о судьбе трех поколений рабочей семьи — своих соседей по квартире; многие ребята впервые разобрались в том, как складывалась нелегкая, неповторимая и увлекательная жизнь отца, матери, соседа. Потом один мальчик узнал, что в его дворе жил Аркадий Гайдар; другой рассказал об археологических находках во время прокладки линии метро. Оказалось, что у каждого дома есть своя история. Есть она и у каждой школы, улицы... Я считаю, незачем мчаться за границу, пока ты хорошенько не знаешь хотя бы своего района. Пушкин за границей не был, а в творчестве его вместился весь земной шар.

В. РОЗОВ. Ну, что ж, давайте подведем итог? Выявились основные черты, которые человек может и должен в себе взращивать: бойцовское, гражданское мужество...

С. ГУРЕВИЧ. И человечность.

В. РОЗОВ. Стойкость перед трудностями.

С. ГУРЕВИЧ. Любознательность, а не любопытство.

В. РОЗОВ. Умение себя и свое время «систематизировать».

С. ГУРЕВИЧ. И многое другое, о чем мы с вами сегодня говорили. Лев Николаевич Толстой прекрасно сказал: «Люди, как реки: вода во всех одинакая и везде одна и та же, но каждая река бывает то узкая, то быстрая, то широкая, то чистая, то холодная, то мутная, то теплая. Так и люди. Каждый человек носит в себе зачатки всех свойств людских и иногда проявляет одни, иногда другие и бывает часто совсем не похож на себя, оставаясь все между тем одним и самим собою».

В. РОЗОВ. Помню, в одной из статей Норберта Винера, отца кибернетики, я прочел о том, что каждая профессия накладывает на человека определенную обязанность. Если случается пожар, писал Винер, люди бегут из горящего дома, а пожарный бежит в горящий дом. Если он испугался пожара и бежит от него, он теряет звание пожарного.

С. ГУРЕВИЧ. А если юноша бежит от трудностей, равнодушен и холоден ко всему? Не теряет ли он звание человека?

В. РОЗОВ. Короче говоря, никому нельзя «бегать от пожара»...

С. ГУРЕВИЧ. Конечно. А как же возможно жить иначе?

Диалог записала
Ксения ВАСИЛЬЕВА.

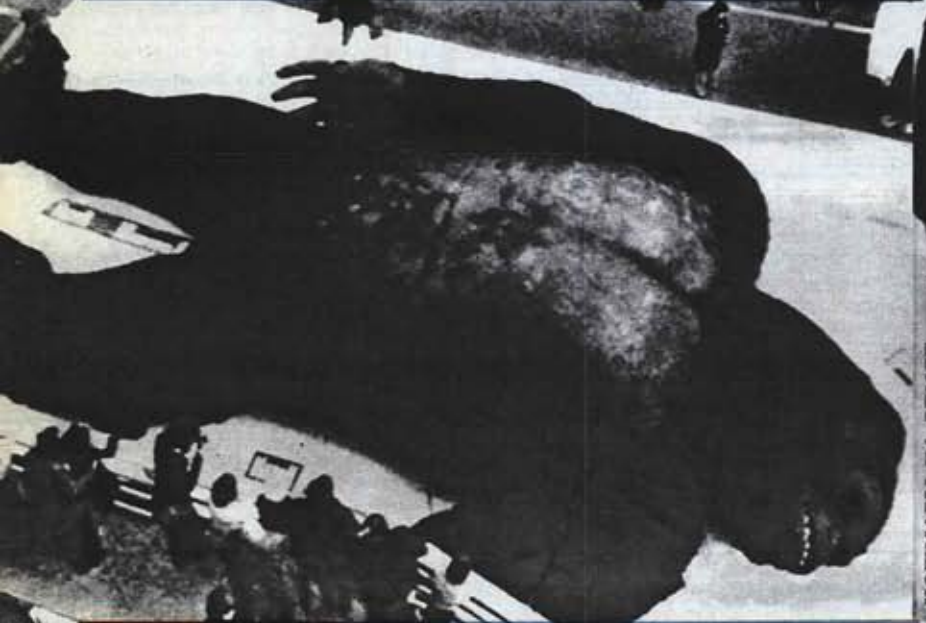
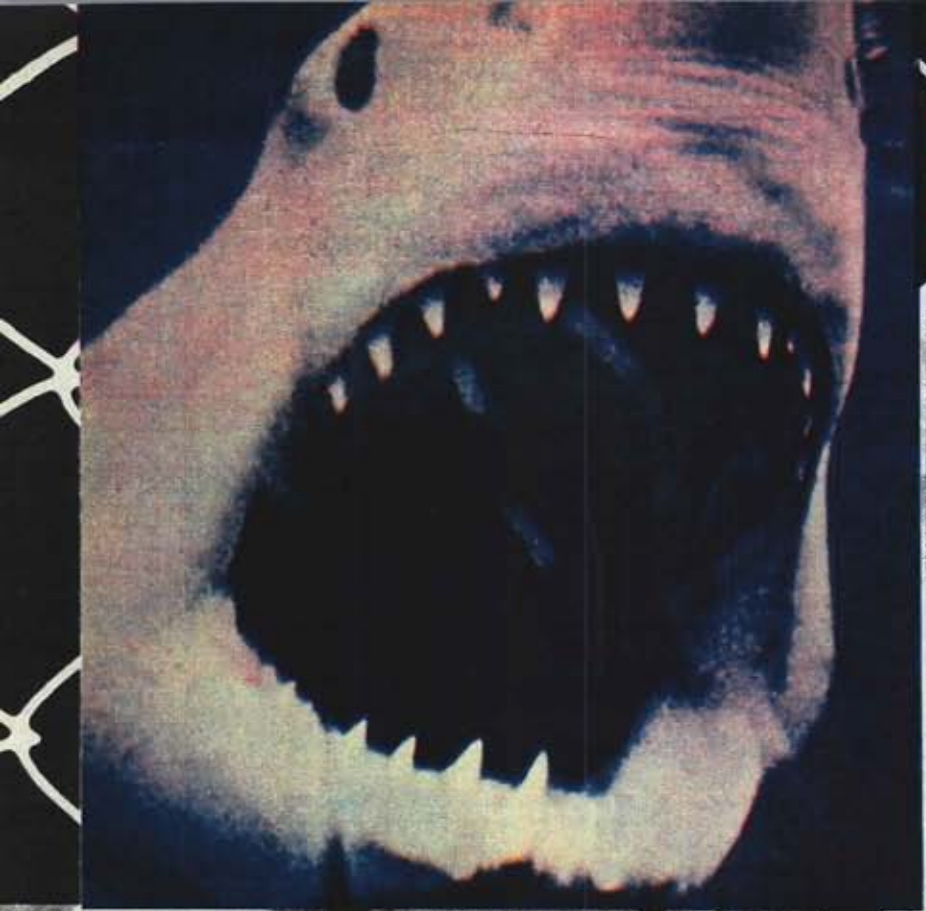
ЗА РЕШЕ

КОШМАРЫ В ОКЕАНЕ.

КОШМАРЫ НА ЗЕМЛЕ.

КОШМАРЫ В ВОЗДУХЕ.

СТРА

ТЖОИ

ЖДА

ЧЕРНЫЕ ЛЕНТЫ НА БЕЛЫХ ЭКРАНАХ

Борис ГАЛАНОВ,
писатель

В курортном городе Канны на Средиземноморском побережье Франции, где ежегодно проходит самый крупный в западном мире международный кинофестиваль, у кинотеатра «Олимпия» какой-то лохматый бородач сунул мне в руку программку. Это был билет-приглашение в «Олимпию» на ночной просмотр нового кинофильма «Мехико». В тексте говорилось, что в фильме «Мехико» зрители увидят черные души тех, кто носит белоснежные рубашки и слышит в обществе за людей с безукоризненной репутацией. Признаться, посмотрев в течение дня три-четыре, а то и пять фильмов — конкурсных и внеконкурсных, — чувствуешь себя пресыщенным кино сверх меры. Однако соблазн узнать имена людей совсем еще новых в кино и возможность познакомиться с острым социальным фильмом (на что намекала программа) в конце концов берет верх над всеми прочими соображениями.

И вот в первом часу ночи в душном, до отказа набитом зале «Олимпии» начинается просмотр моего четвертого или пятого за эти сутки фильма.

Первые кадры: несколько негодяев под гогот и улюлюканье веселящейся толпы раздевали догола какую-то женщину, посыпали ее мукой, мазали кровью только что зарезанной у нас на глазах свиньи. Уличный карнавал. Развлекайтесь, как умеете! Потом нам показали серию подобных же свинств, целую коллекцию всевозможных гнусностей. Невидимый за кадром голос называл их порождением современной цивилизации, а экран изображал бесстыдно, беззастенчиво, с откровенным смакованием.

Короче говоря, я попал на один из тех фильмов, которые сегодня снимают на Западе экстремистски настроенные левые бунтари под предлогом обличения буржуазной морали и буржуазного общества и пачками «выстреливают» уже без всяких предлогов и оговорок всевозможные бессовестные ремесленники, готовые угождать самым низменным вкусам. Принцип чем откровеннее, чем бесстыднее, тем заманчивей, а чем заманчивей, тем доходней, — остается тут главным мерилом.

Но, смешивая секс пополам с политикой и оглушая зрителей крикливыми, ультралевыми фразами или же афишируя аполитичность лент о всякого рода

Сказка о добром волшебнике — о музыканте, который увел за город полчища крыс.
Сказка о злом волшебнике — играя на флейте, он завораживает и уводит из города всех детей.

Это — о силе искусства.

Кинозал в Вене: кровь, насилие, ужасы, секс — экран кричит об антигуманизме современного буржуазного искусства.

Книжный магазин в Стокгольме: секс, секс, секс — книжные полки измучены, задавлены антигуманизмом псевдоискусства.

Вернисаж в Мюнхене: античеловечность, насмешка над здравым смыслом.

Концерт популярной музыки в Лондоне...

Злые волшебники поставлены на поток.

Индустрия злых волшебников.

Целомудренность слова и чувства, уважение к зрителю, слушателю, читателю изжиты, отброшены, уничтожены совместным натиском цинизма, лжи, насилия, примитивных животных инстинктов.

Об этом, об антигуманизме современной буржуазной культуры, — наша новая рубрика.

И о тех художниках, которые сражаются — порой в одиночку — за искусство. За подлинное, проникнутое идеалами высокого гуманизма искусство. За человека.

КАК УБЕЖАТЬ ИЗ «ПСИХУШКИ»?

Юрий ТЮРИН

Психушка — это свойское обозначение обычной психиатрической больницы, в которую попадает некто Макмэрфи — необузданный, взрывчатый герой недавнего американского фильма с весьма примечательным названием: «Как убежать из «психушки»? Роль эту с блеском исполнил знакомый нашим зрителям Джек Николсон, чье творчество как бы аккумулировало дух беспокойства и протеста, характерный для радикальных кругов американской молодежи рубежа 60—70-х годов.

Новый герой Николсона, неподатливый и своенравный, принадлежит к той извечной категории бунтарей, кто никогда не признает над собой насилие навязанной власти, предпочтет физическую гибель духовному разрушению, духовному гнету. Макмэрфи абсолютно здоров, а попадает в больницу (как пишет американский критик Джек Кролл, в ней «угадывается слепок реальности»), прикинувшись умалишенным, дабы избежать принудитель-

ных работ за участие в случайной драке. Только «психушка» оказалась похлеще тюрьмы, ибо здесь методически, с леденящей душу холодностью подавляется последнее, что может спасти узников, — тяга к жизни, порыв к духовной свободе. Репрессивная структура лечебницы, куда попадает Макмэрфи, персонифицируется в образе толстой, тупой Медсестры, обладающей гипнотической, безграничной властью над несчастными обитателями «психушки». Кульминация фильма — упрямая, отчаянно-озорная непокорность Макмэрфи, когда он, после того как ему запретили смотреть по телевизору бейсбольный матч, вдруг начинает вести импровизированный репортаж, сидя перед слепым экраном. Выходка героя, безумная со стороны, захватывает больных. Они окружают Макмэрфи, с восторгом следя за его игрой. Еще вчера подавленные страхом перед деспотическим могуществом персонала больницы, люди эти благодаря поступку Макмэрфи, его освобождающему хохоту, его самоотверженности получают столь необходимый импульс к

монстрах и девицах легкого поведения, авторы тех и других фильмов воспитывают зрителей, и в особенности зрителей молодых, по образу и подобию своих героев — в духе жестокости, грубости, извращенности, циничного отрицания духовных ценностей человечества. Одним — фильм ужасов, другим — секс. А чаще всего то и другое вместе.

Разумеется, секс, жестокость, насилие не сегодня появились на экранах. В Каннах среди экспонатов юбилейной выставки, посвященной изобретению кинематографа братьями Люмьер, находился праотец современного кино — ярмарочный кинескоп. Опустив в ящик один франк и заглянув в стеклянный глазок, можно было увидеть мутное, с крупным зерном изображение свирепых вампиров, высасывающих кровь у несчастной жертвы, и раздваивающихся красок — наивных предшественниц нынешних порнофильмов и фильмов ужасов.

В современном буржуазном обществе производство такого рода фильмов стало своего рода индустрией, хлебом насущным кассового, коммерческого кинематографа. И не случайно известный французский кинокритик и теоретик кино Андрэ Базен, еще в начале 50-х годов проанализировав подряд несколько фильмов, авторы которых терроризировали зрителей изображением пыток, насилия, убийств, издевательств над человеком, пришел к неутешительному выводу, что в кино воцаряется «комплекс Нерона».

В последующие годы «комплекс Нерона» приобрел на экране еще более изощренные и извращенные формы. Не говорю уже о том, что прогресс кинотехники — цвет, звук, стереофония, широкий экран и широкий формат — удвоил, утроил жестокую, циничную силу воздействия такого рода зрелища.

Если фильм «Мехико», с которого я начал рассказ, до экранов больших парижских кинотеатров не добрался, то совсем не потому, что кого-то оскорбила или шокировала грубая его жестокость. По сравнению с секс-боевиками он оказался издеишем достаточно кустарным и осел где-то в маленьких, окраинных кинотеатрах. Ему явно не хватало размаха скандально-эротической «Бонзессы», которая шла на Елисейских полях, в фешенебельном кинотеатре Парижа «Георг V», смущая своей хлесткой рекламой даже видавших виды парижан, или столь же скандальной «Эмманюэли», ставшей едва ли не самой кассовой французской картиной за последние годы. Наверное, ее делали не бесталанные люди, но тягостное чувство, которое в «кинематографическом» романе американского писателя Ирвина Шоу «Вечер в Византии» (недавно переведенном на русский язык) не раз испытывает в темном кинозале его герой, не могут не испытывать многие: не бесталанные люди делали такие фильмы, но искалеченные, изломанные своими антрепренерами, но в погоне за деньгами бессовестно спекулирующие на сексе.

В одном из распространенных сейчас за рубежом фильмов-исследований, фильмов-анкет молоденькая девушка на вопросы журналиста, спрашивающего, есть ли у нее убеждения, имеет ли она понятие о том,

что такое социализм, что она думает о президенте Форде и т. д., только улыбалась и отрицательно трясла головой: «Нет, не знаю», «Не думала», «Не слыхала». Правда, собеседник не задавал ей вопросов ни о «Бонзессе», ни об «Эмманюэли». Но почти наверняка можно предположить, что коммерческий кинематограф достаточно потрудились над тем, чтобы засорить, заморочить эту хорошенькую головку всевозможной ерундой, и что о личной жизни и туалетах Сильвии Кристель, ставшей после «Эмманюэли» новой кинозвездой, она могла бы судить с большим знанием дела. Разумеется, не только коммерческий экран потрудились над формированием определенного типа молодых людей, не слишком-то отягощенных духовными интересами, у которых общественное начало не развито или убито начисто. В равной мере в этом участвовали и радио, и телевидение, и дешевые вульгарные комиксы, предлагающие своим зрителям, читателям, слушателям определенным образом смоделированное зрелище.

В сущности говоря, одним из таких хорошо смоделированных зрелищ, заранее учитывающих запросы не слишком-то притязательного зрителя, стали и завоевавшие в последнее время широкую популярность «фильмы-катастрофы». Содержание этих фильмов — неисчислимы страдания и бедствия, причиненные землетрясениями, наводнениями, пожарами, нашествиями разных чудовищ. Все устрашающие подробности переданы в фильмах-катастрофах с такой достоверностью («зффект реальности»), которая должна рассеять всякие наши сомнения, исключить возможные вопросы. Могло ли подобное слу-

читься? Могло! Случалось! Даже когда мы сталкиваемся с самой настоящей мистикой и чертовщиной, как в нашумевшем американском фильме «Изгоняющий дьявола». Но в том-то и состоит секрет, чтобы зрители безусловно поверили в происходящее.

Не социальная действительность, утверждают авторы этих фильмов, угрожает человеку всевозможными бедами. Страшно не столько гнетущие условия человеческого существования, как эта вот неуправляемая игра стихийных сил природы, незащищенность от них человека. Именно природа его опасный и всепильный враг. И вот уже толпы подавленных, деморализованных людей мечутся по этажам горящего небоскреба, по коридорам и салонам тонущего океанского лайнера, среди разрушенных землетрясением зданий, в каком-то жутком оцепенении сидят, точно прикованные к креслам терпящего бедствие пассажирского «боинга». Переступая порог кинотеатра, забудьте об одолеваящих вас повседневных житейских заботах. Чего они стоят по сравнению с трагедией людей, заживо сгорающих в пламени или медленно погружающихся в пучину океана?

В западной кинопрессе порой пишут и говорят, что потоки крови, обильно проливающиеся на экране, тотальные катастрофы, обрекающие на гибель сразу десятки и сотни людей, — это косвенное отражение социальной действительности, нравов и представлений, царящих в капиталистическом обществе. Пусть так! Подобные объяснения не изменяют оценку серьезной, прогрессивной мыслиющей критикой порнофильмов, фильмов-ужасов или фильмов-катастроф, которые, лишая кинематограф социального смысла, отвлекают зрителя от актуальных проблем современности, от подлинных конфликтов во имя ложных и надуманных.

Справедливости ради надо сказать, что сами эти конфликты, искусно маскирующиеся под подлинные и выдаваемые за таковые, разрабатываются весьма хитроумно, чтобы ни один стул не скрипнул во время сеанса под уходящим из зала зрителем. Смотрите, затаив дыхание, как некий маньяк запирает в подвелье и терзает там случайно оказавшуюся в его доме компанию симпатичных молодых людей, смотрите, как обольщая на экране киногероя дамы более чем легкого поведения.

А вот энергичный, предприимчивый, фанатически верующий священник вступает в единоборство с бесом, вселившимся в душу маленькой девочки («Изгоняющий дьявола») и опять-таки забота о зрелищной стороне фильма, о захватывающем сюжете становится для кассового, коммерческого кинематографа одним из средств завоевания зрителя, усиления эмоционального на него воздействия.

Ультралево теоретики и практики кино третируют сегодня занимательность в общепринятом смысле, всякую, без различия, зрелищность, в том числе и в произведениях прогрессивного киноискусства, с отчужденным социальным и политическим звучанием. Все это, по их мнению, в равной мере отдает «буржуазностью». К черту тесный ошейник сюжета!

Антигуманизм буржуазной культуры

осознанию самих себя, своего, казалось, окончательно вытравленного человеческого достоинства.

Картина «Как убежать из «психушки»?» поставлена Милошем Форманом по мотивам одноименного романа Кена Кейси, пользовавшегося шумным успехом у молодежи. В книге все события были профильтрованы через воспаленное сознание рассказчика, одного из пациентов «психушки», паранойка. Режиссер выбрал более доходчивый стиль комического реализма. По мнению упоминавшегося выше Джека Кролла, такая переацентировка избила фильм от бредового течения романа, где перед читателем разворачивалась аллегория «все возрастающего безумия реальности». Но критик напрасно упрекает режиссера в нарочитом упрощении первоисточника (отметим, что роман был напечатан лет пятнадцать назад). Время внесло свои коррективы в новое прочтение книги: ведь западная культура, в том числе кинематограф, пережила за эти бурные годы полосу очевидной политизации, явившейся неизбежным откликом на самый ход исторического процесса. Социальный анализ, резкая критика буржуазных порядков, привычных ценностей «истэблшмента» сделали нормой в практике многих деятелей западного кино. Отсюда открытое стремление к публицистичности, более конкретной, социально-нравственной мотивации бесчисленных бед буржуазной реальности. Именно этим следует объяснять специфику подхода к экранизации популярного романа, выбранную режиссером картины «Как убежать из «психушки»?» (вто-

рое, более принятое в нашей критике название фильма — «Полет кукушки»).

Вопрос не риторичен: убежать действительно маловероятно. Не только «из», но и «от». Ведь сажая в психиатрическую лечебницу непокорных, объявляя их сумасшедшими, изолируют от общественно-творческой деятельности, стало печальным правилом нынешней буржуазной цивилизации. Это позорное явление на свой лад зафиксировал кинематограф — чуткий сейсмограф времени.

Кинематограф рубежа 60—70-х годов увидел в «психушке» вовсе не больницу, а замаскированный институт подавления, дьявольски придуманную западню, микродеятельность тотальной структуры буржуазной власти. Теперь мастеров кино волновали не аномалии психики, а прежде всего социальная природа общества, отправляющего вполне здоровых душевно, зато инакомыслящих людей за мрачные ограды психиатрических клиник.

Другой фильм на эту же тему, «Сделка», принадлежит маститому американскому режиссеру Элиа Казану. Ветеран Голливуда некогда произнес знаменательные слова: «В Америке сейчас больше лицемерия, чем когда-либо раньше. Мы существуем лишь благодаря сделке никогда не говорить друг другу правду».

«Сделка» во многом исповедальная картина. Это призыв не идти на компромиссы, как двадцать пять лет назад, в период маккартизма, поступил сам Казан, вызванный в Комиссию по расследованию антиамериканской деятельности. Сорокатрехлетний мастер, автор восьми фильмов, известный

театральный режиссер и педагог, он смалодушничал, признав подлинными сфабрикованные обвинения: этот шаг-сделка позволил ему удержаться в Голливуде. Казан не простил себе отступничества от правды. Отваживаясь от сделки — в любом ее варианте — и своих нынешних зрителей.

В основу фильма лег роман, созданный самим Казаном: это поучительная история обретения человеком самого себя, своего нормального, сущностного «я». Мы застаем героя картины, преуспевающего служащего одной из рекламных фирм Эдди Андерсона, за утренняя туалетом. Обычное начало очередного рабочего дня, ничего примечательного. Заученные, сотни раз повторяемые движения — почистить зубы, принять душ, последний раз поправить ладный, с иголки костью, выкатить из гаража машину. Бизнес идет отлично, чего в самом деле бранить судьбу: Эдди живет в собственном уютном коттедже в парковой части Лос-Анджелеса, есть у него голубой бассейн, два холста Пикассо (в книге Казан прибавил к его богатствам атомное бомбоубежище с месячным запасом продуктов), своего самого расторопного, изборожденного служащего высоко ценит шеф.

Режиссер откровенно ироничен к герою, да и сам он, Эдди Андерсон, бизнесмен-стереотип, не воспринимает себя всерьез, он устал от суеты, разочарован в идеалах, в работе, в жене. Ему не хватает вкуса подлинной жизни, на все наплевать — и вот тогда-то, в это, казалось, обычное, солнечное утро, он вдруг подставляет свою ладную, изысканную машину под огромные колеса грузовика.

Только «прямое», «полурепортажное» кино показывает людям жизнь без прикрас. А кино «художественное» всегда, дескать, имеет возможность скрыть правду, обмануть зрителя, увлечь в дебри вымысла. Но ведь «прямая», «полурепортажная» лента, вроде «Мехико», так же, как «непрямая», «художественная» «Бонзесса», каждая на свой лад, своими средствами унижают, оскорбляют и зрителя и искусство.

Все дело в том, в чьих руках находится кинокамера. Каким целям она служит? Служение высоким целям сделало кино самым важным, самым массовым из искусств, из ярмарочного аттракциона, на заре его развития, превратило в могучее средство воспитания человека, воздействия на сердца и умы. «Не будем забывать,—говорил один известный французский режиссер,—что кино—это еще и способ для людей объясниться друг с другом». Пусть кино будет и зрелищем и развлечением. Оно не может и не должно отказываться от задачи увлечь зрителя. Скука всегда была плохим помощником в любом деле. Однако, захватывая наше воображение, пусть кино еще лучше помогает людям в познании действительности, в борьбе за ее преобразование и не отнимает у них счастливую возможность объясниться друг с другом.

В пестром, сложном и противоречивом киноискусстве Запада прогрессивно мыслящим художникам приходится отстаивать свои позиции в борьбе с коммерческими фильмами, которые, насаждая секс и садизм, отвлекают зрителей от насущных проблем современной действительности, решая, таким образом, свои идеологические и политические задачи. Прогрессивным деятелям кино приходится бороться и с теми фильмами, которые свою идеологическую задачу видят в том, чтобы прямо и открыто вмешаться в политику, служить интересам реакционной, буржуазной пропаганды, участвовать в битве идей на ее стороне.

В последнее время протесты прогрессивной печати за рубежом вызвал западногерманский фильм «Гитлер—история карьеры». О нем писала и наша пресса. Фильм этот является еще одной попыткой буржуазного кино (в серии многих других) представить в фальсифицированном виде биографию Гитлера, историю второй мировой войны, обелить вермахт. Я называю здесь лишь одну из многих «горячих точек» идеологической борьбы, поскольку фильм «Гитлер—история карьеры» сегодня вновь и вновь заставляет говорить об опасности националистической и реваншистской пропаганды.

В свое время на Западе делались попытки вообще «закрыть» тему второй мировой войны в кинематографе в связи с падением к ней якобы зрительского интереса. Однако средства буржуазной пропаганды «закрывали», замалчивали, как правило, правдивые антифашистские и антивоенные ленты. Попытки воскресить зловещие фигуры нацистских преступников и подыскать для них всякого рода сомнительные алиби никогда не прекращались. Скандальный успех имел, например, фильм «Ночной портье», в котором отно-

Рисунки Сергея Тюнина

шения палачей и жертв в нацистском концентрационном лагере изображались так, чтобы вызывать сочувствие к палачам и к жертвам, к убитым и убийцам.

В Западном Берлине я видел недавно фильм «Из жизни одного немца», о жизни человека, которая унесла жизнь миллионов людей. Герой фильма Рудольф Гесс—с 1941 по 1944 год комендант Освенцима, крупнейшего немецкого лагеря уничтожения. В рецензиях западноберлинских газет, посвященных этому фильму, говорилось, что его автор пошел «новым путем». И свой фильм рассматривал как попытку обратить взгляд не столько к жертвам и признать вину перед убитыми, сколько к убийце. Какой же это «новый путь»? Сколько уже раз предпринимались попытки психологически объяснить и даже обелить злодеяния нацистов. Поборникам реванша и холодной войны такие фильмы на руку.

Прогрессивный кинематограф Запада находит своего героя не среди нацистских палачей, «зеленых беретов», американских парашютистов, совершавших свои преступления во Вьетнаме, не среди ревностных охранителей и защитников устоев буржуазного общества. Назову, к примеру, одну лишь группу фильмов прогрессивных художников Запада. Некоторые из них демонстрировались на советских экранах и знакомы нашим зрителям. Это фильмы итальянцев Джулиано Монтальядо, Франческо Роззи, Этторе Скола «Сакко и Ванцетти», «Люди против», «Тревиго-Турин», шведа Бу Видерберга «Одален-31», «Джо Хилл» (хотя этим перечнем далеко не исчерпывается), фильмы, героями которых стали выходцы из рабочего класса, профсоюзные вожаки, забастовщики, солдаты, охва-

ченные революционным брожением. Еще недавно появление фильмов с такими героями трудно было предугадать. А сегодня в этой среде режиссер отыскивает своих главных действующих лиц, сознательных борцов с социальной несправедливостью.

Но дело даже не в том, пойдет ли речь о вожаках или рядовых участниках борьбы, коллективе людей или одиночках. Какой духовный заряд несет герой фильма—вот что важно. Каковы его взгляды, убеждения, жизненная позиция? И, наконец, не отнимает ли экран у людей счастливую возможность общаться друг с другом?

Прошедший недавно в Москве X Международный кинофестиваль вновь подтвердил ту истину, что произведения прогрессивного киноискусства создаются сегодня во многих странах мира. Сильные, талантливые художники, при всем различии взглядов, убеждений, творческих своих позиций, служат идеям мира и прогресса. Это можно сказать о таких западных фильмах (я не касаюсь здесь фильмов социалистических стран), показанных в дни фестиваля на конкурсном и внеконкурсном экране, как, например, «Конец недели» испанца Хуана-Антонио Бардема, «Тень замков» французца Даниэля Дювала, «Площадь Сан-Бабила. 20 часов» итальянца Карло Лидзани, «Подставное лицо» американца Мартина Ритта и т. д.

Одним из самых приметных явлений социально-политического кинематографа стал большой, эпический фильм итальянского режиссера Бернардо Бертолуччи «XX век».

Этот фильм вызывает дискуссии, споры, но бесспорно, что картины народной жизни, народных страданий, борьбы итальянского народа почти на протяжении полувека показаны в «XX веке» с размахом и в лучших сценах фильма проникнуты настоящим революционным пафосом. Извечный антагонизм крестьян и помещиков передан у Бертолуччи с большой силой. Запоминаются коллективный портрет крестьян провинции Эмилия и индивидуальные—главных героев фильма: сына помещика Альфредо и сына крестьянина Ольмо, ровесников бурного, богатого событиями XX века.

Противоборство разных взглядов, разных идей и тенденций на экранах Запада не ослабевает. С каждым годом оно разгорается все сильнее. По-прежнему кинорынок заполняют фильмы, пропагандирующие секс, насилие, патологию. По-прежнему продолжается бессовестная спекуляция на самых низменных чувствах. По хорошо наезженной дорожке сплошной массой продолжают катить извечные кормильцы коммерческого кино—грабители банков, насильники, бонзессы, маньяки, вампиры, змманозлы, всякие монстры и чудовища вроде гигантской гориллы или гигантской акулы. А в то же время набирает силы и множит число приверженцев кинематографа, вдохновленный идеями социального прогресса и человечности, кинематограф, сохраняющий верность гражданскому долгу.

Клиника, визиты шефа, заботы жены... Но сейчас ничто не трогает Эдди, он нем—и на людях и даже внутренне. Он напрочь выходит из игры. Но этот его шаг наталкивается на глухую стену непонимания, а затем и осуждения: respectable общество выкидывает из своих рядов чужака—он оказывается все в той же «психушке». С точки зрения буржуазной обыденности странное поведение Эдди объяснимо единственно безумием.

Правая пресса отрицательно оценила «Сделку». Редактор ежемесячника «Филмз ин ревью» Генри Харт увещевал режиссера: «Пора бы уж Элиа Казану прекратить кусать ту руку, что его кормит (вполне досыта!), и посвятить свой режиссерский талант созданию таких фильмов и спектаклей, которые бы воспедали американскую действительность, вместо того чтобы клеветать на нее».

Клеветать? Нет, Казан не согласен с выводом благонамеренного критика. Он сам сказал о фильме: «При всех своих недостатках «Сделка»—картина во многом необычная. В ней критическому рассмотрению—как в социальном, так и в психоаналитическом аспекте—подвергнуты прошлое Америки, само ее значение, сама ее сущность» (разрядка моя.—Ю. Т.).

Итак, одна из ипостасей этой самой пресловутой сущности—сверхающий фальшиво-бодрой безликой изолятор «психушки». На экране крупным планом—лицо героя, застывшее, отрешенное, но в глазах таится лукавинка: такая несвобода для Эдди стократ лучше той, бывшей свободой, купленной ценой нравственной сделки.

Еще один фильм, на сей раз французский—«Умереть от любви» режиссера Андре Кайятта. Произведение иной кинематографической стилистики, иной авторской интонации, но с включением все той же интересующей нас темы «психушки». Случай, взятый для сценария фильма, подлинный: в Руане покончила жизнь самоубийством преподавательница лицея мадам Русье, покончила из-за невозможности быть вместе со своим юным учеником, затравленным обывателями. Героиню картины играет талантливая Ани Жирардо, играет искренне, увлеченно, правдиво. Она передает на экране трагедию последней, запретной любви сорокалетней одинокой женщины, матери двух детей, посмеявшейся перешагнуть через рубеж пуристанской морали, подчинившись лишь сжигающей силе чувств.

Кайятт поднимает в фильме и другую проблему—разобщенность поколений, отчетливо проявившуюся в период памятных событий 1968 года. Герой фильма юн, ему 17 лет, он выбирает свой путь в этой жизни. Выбирает бунт, и дерзновенной выглядит не только его любовь к взрослой женщине, своей учительнице, дерзновенно и необратимо его отрицание лживой благопристойности взрослых—отрицание общепринятых в «среднем» круге норм, взглядов. Картина «Умереть от любви» наполнена грозным возмущением молодежных движений, она ратует за духовное раскрепощение, пересмотр буржуазной морали.

Так как же «излечить» от любви «несчастливого» юношу-ученика? Ни уговоры, ни угрозы на него не

действуют, и тогда пускается в ход козырная туз, знакомый нам институт подавления—«психушка». Внешне это красивая загородная усадьба, обсаженная деревьями, внутри же—ничего от безмятежной ясности фасада. Изнуряющие, чудовищно болезненные уловки, тирания персонала, заведенный автоматизм процедур.

Один курс обработки герой-таки выдержал, но коль скоро он проявил, едва оказавшись на воле, прежнее свое упорство, снова взбунтовался, ему уготовано было вернуться в клинику... Так подавлялось своеволие «спятившего» любовника, так общество ограждает себя от бунтарей, ничемных фантазеров, опасных демагогов, ограждает надежно и, главное, театрально заботясь о благе ближнего, проявляя «гуманность» к бедному «большому», милостиво «спасая» его «свихнувшуюся» душу.

В психиатрической лечебнице очутился и герой недавнего итальянского фильма «О, Серафина!», с нескрываемыми сатирическими ирониями снятого режиссером-ветераном Альберто Латтуада. Бедный молодой человек, получивший в наследство небольшую фабрику, вообразил, что сможет вволю отдаться своей маленькой страсти—он любит птиц. Но не учел «морали ближнего»: умножать капитал, которая не могла принять чудачество героя, его «анормальность».

Несколько фильмов, сделанных в разных странах...

Несколько героев, неоднозначных по характеру, социальному положению, возрасту...

И у всех героев одинаково печальная судьба...

ОСОБО ОПАСНЫМ ПРЕСТУПНИК

Юлиан СЕМЕНОВ

ПОВЕСТЬ В ЭПИЗОДАХ, ПИСЬМАХ И ДОКУМЕНТАХ (1902—1905 гг.)

1

Полковник Шевяков, из варшавской охранки, диктовал секретарю по тюремному делопроизводству бесстрастно:

— Дворянин Феликс Эдмундов Дзержинский. Клички—«Переплетчик», «Астроном», «Юзеф». Возраст—25 лет. Вероисповедания—римско-католического. Рост—один метр семьдесят восемь сантиметров. Глаза—зеленые, пронзительные; взгляд—наглый. Мочка левого уха—три с половиной сантиметра, безмятный палец в диаметре—один сантиметр восемь миллиметров. Особых примет на теле нет, не считая родинки на правом плече, формой похожей на звезду... После побега из первой ссылки организовал вместе с его ближайшей соучастницей государственной преступницей Розалией Эдуардовной Люксембург, скрывавшейся от суда в Германии и находящейся там до сих пор, под покровительством депутатов рейхстага Августа Бебеля и Либкнехта, социал-демократическую партию Королевства Польского и Литвы, сокращенно именуемую СДКП и Л, которая тяготеет к объединению с русскими революционерами. Благодаря искусной работе варшавской охраны Дзержинский был вновь заарестован и после годичного заключения в крепости отправлен в Вилюйскую губернию, где, можно предположить, он и останется навечно, ибо якутский климат для чахоточных непереносим.

2

— Слышишь?—шепнул Дзержинский, чуть коснувшись тонкими, ледяными пальцами острого колена Сладкопечевца.

— Ветер задувает.
— Урядник залел,—сказал Дзержинский.—Сначала он поет про бродяг, а когда заведет частушки, надо бегать—значит, пьян.

Сладкопечевец подошел к окну.
— Теперь слышу,—сказал он.—Действительно поет про бродяг.

— Пойдем,—сказал Дзержинский.
— Присядем на дорожку, Феликс?
— Ты веришь в это?
— Верю. Две тысячи верст плыть, как-никак...
Присели. Поднялись разом.

Дзержинский придержал дверь ногой, осторожно стронул ее, чтобы не запели петли, проскользнул быстрой тенью, сломавшейся на какой-то миг в лунном проеме, потом сломалась такая же быстрая тень Сладкопечевца, и беглецы крадучись двинулись к реке. Спустились по косогору к лодке.

Дзержинский шепнул:
— Садись на корму.
Потом навалился грудью на острый нос лодки, оттолкнул ее и впрыгнул на борт.

...Лодка беглецов попала в тот рукав Лены, что вел к водопадам, и нарастал гул и рев, и беглецы чудом остановили лодку в десяти метрах от первого порога и вытащили свою ладью на островок, сорвав до крови кожу на ладонях, а потом, задыхаясь и падая, протаскивали длинную, тяжелую «сибирячку» по гранитным скалам, и ужасом отдавался визг дерева, казалось—порвет днище, пробьет острым куском могильного гранита, тогда конец, отсюда пути нет, здесь людей не бывает—только во время лесного пожара, когда зверь заплывает...

— Ну,—тихо сказал Дзержинский,—пробуем?
— Страшно.
— Мне тоже.
— Посидим?—предложил Сладкопечевец.

Дзержинский присел на острый, загнутый по-ермаковски нос лодки, а потом, ступив высокими сапогами в быструю черно-бархатную воду, потащил лодку на себя изо всех сил, и лицо его на какое-то мгновение стало маской.

— Прыгай!—крикнул Дзержинский, переваливаясь в лодку, ожидая всем своим существом, как сейчас ударит с днища тугой фонтанчик воды, но нет—осела лодка, пошла по быстрине, и Дзержинский со Сладкопечевцем одновременно поглядели друг на друга, ощутили мгновенное чувство безопасности и только здесь услышали свое дыхание: хриплое, со стоном, арестантское, а потом лишь гулкий и монотонный звук скорости: вода приняла лодку в свое лоно, сделала ее частью самого себя, сообщив ей свою скорость и направление.

— Ты ничего не видишь, Феликс?
— Нет.
— И не слышно ничего.
— Почему? Скорость слышу,—тихо сказал Дзержинский.
— Устал грести? Давай подменю.
— Нет, ничего.
— Я даже лицо твое как сквозь сплуду вижу.
— А ты подвинься ближе.
— Дерево впереди какое-то...

Сладкопечевец хотел было передвинуться ближе к Дзержинскому, но в это мгновение ватную тишину тумана разорвало грохотом, треском, леденящим холодом—лодка налетела на сук, торчавший из воды.

Дзержинский оказался в быстрине, пальто стало вмиг тяжелым, как саван, он ухватился за ветку, но она хрустко сломалась, оставшись в зажатом кулаке, и Дзержинский, собрав последние силы, выпрыгнул из быстрины и ухватил второй сук, и все это происходило в считанные доли секунды, и тумана уже не было, он оказался неким рубежом смерти и жизни, и вторая ветка хрустнула в его мокрой руке, и сила, сообщившая его телу движение вверх, так же закономерно потребовала падения вниз. Он ощутил сначала прелесть летней чистой воды, а потом понял, что вода эта, поначалу казавшаяся прозрачной, и есть мрак, могила, погильба.

Сладкопечевец, каким-то чудом выброшенный на камни, ухватил Дзержинского за воротник пальто, когда тот, взмахнув руками, исчез в дымной темноте воды, потащил к себе, оскользнулся, но удержался все же, не упал и, застонав от напряжения, поднял товарища к дереву, торчавшему страшно, как чудовище на врубелевской иллюстрации; Дзержинский обхватил мокрый ствол руками, сделал два быстрых рывка, как в гимназическом далеком детстве, ощутил под ногами не пустоту, а камень, упал на берег рядом со Сладкопечевцем и зашелся кашлем, а потом ощутил теплоту во рту: тоненько, из самой далекой его глубины пошла кровь, ярко-красная, чахоточная.

3

— Среди срочных сообщений, ваше высокопревосходительство, остановлю ваше внимание на депеше о побеге из вилюйской ссылки дворянина Феликса Эдмундова Дзержинского, причисленного к разряду особо опасных преступников империи...

— Дзержинский?—Министр внутренних дел Плева наморщил лоб.—Не слышал. Слишком много «особо опасных» расплодилось, государя зазря пугаете... Вроде Плеханова, что ли?

— Приверженец Ленина, ваше высокопревосходительство, это страшнее.

— Пусть варшавская охрана предпримет шаги, коли приверженец... Кто у нас в Варшаве зубастый, тому и поручите...

— Зубастый—полковник Шевяков,—почтительно ответил чиновник,—а головастый—Глазов, его заместитель.

— Значит, поручите Глазову.

— Шевяков и так его ревнует, ваше высокопревосходительство.

— Ревнуют жены,—усмехнулся Плева.—С кем поддерживает варшавская охрана деловые взаимоотношения за границей? С нашим парижским отделением?

— Нет, ваше высокопревосходительство. С заведующим заграничной агентурой в Берлине Аркадием Михайловичем Гартингом.

— Подключите Гартинга,—сказал Плева.—В Берлин ваш Дзержинский побежит—больше некуда. Пусть Гартинг свяжется с коллегами из тамошнего сыска, свою агентуру пошевелит...

4

...Лес внезапно кончился мелкою порубкою, и сразу же увиделось впереди село, а на тракте коленопреклонно стояли мужики: впереди, упершись руками в пыльную, мягкую землю,—староста, за ним—старик в белых, длинных посконных рубахах. Чуть поодаль стояли бабы с детишками на руках и ребяты. Молодые мужики курили и смотрели не на старосту—на бричку, в которой ехали Дзержинский со Сладкопечевцем.

— Гаврилыч,—крикнули из толпы,—то же не пристав! Староста вскинул голову, медленно поднялся, его шатнуло. Возница остановил лошадь. Староста подошел к беглецам и спросил, приблизив сивушное, дремучее лицо к морде лошадей:

— Кто такие?
— Пшел!—крикнул Сладкопечевец.
Староста сноровисто схватил коня за узду, сплюнул длинно и сказал, не оборачиваясь:

— Мужики, а ну, сядой!
Бричка, в которой ехали Дзержинский и Сладкопечевец, оказалась в мгновение окруженной тесной и душной, в пьяном перегаре толпой.

— Документы покажите,—трево попросил староста.—Покажите документ, господа хорошие...

— Я сын купца Новожилова, болван!—сказал Сладкопечевец.—Я за мамонтовой костью еду! Пшел прочь!

— А может, ты беглый?—спросил староста и еще больше обвис на конской морде.—Может, политик? Покажь документ.

Дзержинский заметил, как Сладкопечевец потянулся к кнуту, прижал его руку к сему, больно сжал и негромко обратился к старосте:

— Сейчас я составлю письмо к генерал-губернатору, моему другу Льву Николаевичу, про то, как вы обижаете господина Новожилова. Мужики, вас в свидетели беру, каждый подпишется... Давайте бумагу, ваше высокоблагородие,—обратился Дзержинский к Сладкопечевцу,—и карандаш.

И, не обращая внимания на старосту, который снова лицом запянул и морду лошади чуть отпустил, он начал быстро писать что-то, сам не понимая что: главное, казалось ему, писать надо быстро и чтоб строки были ровные.

Мужики задвигались, начали тихо переговариваться между собой, переводя взгляды со старосты на барина, который писал жалобу куда как быстрее, чем писарь в волюстах.

— Так вот,—начал Дзержинский, подняв глаза на Сладкопечевца,—я прочитаю, ваше высокоблагородие. Милостивый государь, генерал-губернатор! Июня пятого дня года 1902 мужики на Вилюйском тракте, на 478-й версте, посмели остановить меня, как беглого арестанта, и, будучи пьяными, подвергли ошельмованию...

...Мужики побежали сразу—нельзя было понять, кто первым. Бабы с детишками так же безмолвно, застыв, не в силах, видно, двинуться, стояли: страх в них был с материнским молоком впитан.

— Ваш благородь,—обвалился староста на колени,—не губите!

— Пшел!—Сладкопечевец тронул плечо возницы.—Гони! Отъехали с версту, Сладкопечевец тихо сказал Дзержинскому:

— Мы б скорей ушли, если бы ты не высокоблагородием меня величал, а высокопревосходительством.

Дзержинский покачал головой:

— Наоборот. Если бы величал тебя так, нас бы задержали. Превосходительство для них неизвестно и неведомо, оно бы тебя просто благородием—тогда бы скорей действовало... Высокоблагородие сразу дерется, а я кнут не позволю взять—не гоже это, особенно тебе.

— Почему «особенно тебе»?
Дзержинский приблизился к уху Сладкопечевца:

— Товарищ эсер, ты же делаешь ставку на крестьянство, как же «ставку» можно кнутом бить?!

5

В огромном кабинете начальника варшавской охраны полковника Шевякова шло совещание. Здесь собрались высшие чиновники политического сыска Королевства Польского и Литвы.

Докладовал поручик Турчанинов:

— Фотографические портреты Дзержинского разосланы всем чинам, несущим патрульную службу по железным дорогам Сибири, особенно выделен Иркутск. Если допустить невозможное, если он уйдет из Иркутска—ему так или иначе предстоит менять поезд в Москве. В белокаменной все отработано.

Шевяков закурил.

— Ну что ж, господа, по-моему, все ладно выходит. Благодарю вас.

Офицеры вышли.

Глазов вытянулся на стуле, лениво глянул на Шевякова:

— А коли Дзержинский проскочит и Москву, Владимир Иванович?

— Ваши предложения?

— Предложений нет. Размышления вслух... Через кого из его друзей мы сможем к нему подойти? Он ведь сюда не в трик-трак играть приедет, он ведь приедет, чтобы работать...

— Вы нервы на кулак не мотайте, вы предложения вносите.—Шевяков достал из стола фотографии, стал их перебирать, отбрасывая просмотренные Глазову.—Иван Прохоров, Елена Гуровская, Винченцы Матушевский, Юлия Гемборек—кто?

Глазов достал из кипы фотографий портрет Елены Гуровской и небрежно подтолкнул Шевякову.

...Через сутки это фото оказалось в Берлине, у Гартинга. Он, не заглядывая даже в досье, заметил помощнику:

— Гуровская Елена Казимировна, двадцати двух лет, курсистка. Нервна, экспансивна, тяготеет к авантюрам, жаждет революционного действия. В средствах сугубо ограничена. Во имя своего любовника литератора Владимира Ноттена готова на все. Доверчива, впечатлительна, честолюбива... Дополнительные сведения перепишите из формуляра и не сочтите за труд пригласить ко мне Житомирского.

— Он в отъезде, господин Гартинг.—ответил шифровальщик.

— Найдите и возвратите в Берлин немедленно.

6

— Не узнала, Ласточка, старика,—смеялся Житомирский, расплачиваясь за двоих в берлинской студенческой столовой.—Не узнала, Птаха! На реферате Плеханова, небось, выспрашивала о народнических терминах, а сейчас, извольте ли видеть, и не замечает!

— Ох, извините,—ответила Гуровская,—право, извините... Я запамтовала ваше имя...

— Захар Павлович, Птаха. Кузин Захар Павлович.

— Да, да... Здравствуйте, Захар Павлович. Я не чаяла вас здесь увидеть.

После долгой дружеской прогулки по саду Житомирский пригласил Елену Гуровскую в маленькое кафе, усадил за столик и, вздохнувши, заключил:

— Все, Птаха, суета сует и всяческая суета. На моей памяти была трагедия—то да. Ваших лет девушка, имени ее называть не стану, оно сейчас по всей Европе гремит, революционное движение ею гордится, в вашем положении оказалась. И было это—не соврать бы—лет десять назад. Именно десять—не ошибаюсь. Так вот, находясь в положении стесненном, с движением тесно не связанная—к ней, как к вам, относились, слишком еще молодой считали,—она решила на свой страх и риск войти в охранку, с помощью охранки стать известной нам, борцам с самодержавием, а потом нам же открыться, что она служит полковнику... Нет, фамилии называть не стану, не надо этого. Словом, охранка ей и денег давала и в нашу среду ввела, а потом с помощью замечательной женщины этой мы знали, что замышляет против нас полиция в Петербурге, да еще деньги получали, даровые деньги. Я сейчас задумываюсь, а ну, та Птаха пришла бы к нам с такой идеей? Не поверили б. Я первый.

— Ну, а потом что?—заинтересованно спросила Гуровская.—Что дальше?

— Дальше что? Памятники ей поставят—вот что. И главное, как все умно с жандармами обставила: денег потребовала—чуть не семьдесят пять рублей в месяц. И те пошли, куда им деться, голубчикам.

— Вы говорили—трагедия с ней была?

Житомирский обернулся: официант, увидев его взгляд, ринулся к столику, обпархивая стулья.

— Кофе и пирожных,—попросил Житомирский.—Какие пирожные, Птаха?

— Безе.

— Два безе,—повторил Житомирский и повернулся к Гуровской.—Какая трагедия, спрашиваете? Обычная. Люди—они везде люди. Один из товарищей стал попрекать нашу подвизницу: почему не спросила главный комитет да отчего на свой риск пошла, как это можно поощрять? Словом, пару дней тяжело ей было... А потом мы собрались, старики, что называется, и задали нашему ретивому товарищу вопрос: «Ты бы дал санкцию?» Он, будучи человеком честным, ответил: «Конечно, нет!» Расплакалась тут наша героиня, я ее впервые видел плачущей, и трагедия на этом закончилась...

— Что ж, полиция ей ни за что ни про что деньги давала?

— Ни за что ни про что полиция денег не дает. Она называла полицию то, что полиция и так было известно: кто где живет, о чем говорят во время публичных рефератов, кто и где публикуется в социалистической прессе. Дыгаев разве не этой дорогой пошел? Именно этой...

7

В Варшаве день кончился уже, и зажигались огни на Старом Мясте.

Винченцы Матушевский, друг Феликса, прихлопнул крышку часов, сунул их в карман пиджака и сказал своим спут-

Рисунок Валерия КАРАСЕВА

никам—Юлии, Ивану Прохорову и типографу Мацею Грыбасу.

— Если Юзеф получил у Крабовского наш паспорт, деньги и одежду, значит, сейчас он уже уехал из Иркутска. Там самое опасное место...

Обернувшись, сказал половому:

— Три чая и рогаликов, будьте любезны.

— Ты уверен в Крабовском?—спросила Юлия.

— Год назад он помог нам, когда бежал Гемборек.

— Господи,—сказал Иван,—только б получил...

— Не вздумай при нем произнести слово «господи», Иван,—заметила Юлия,—он сразу же посчитает тебя скрытым клерикалом.

— Мне кто-то говорил, что он в юности хотел стать ксендзом,—сказал Грыбас.

— Пилсудский тоже хочет стать марксистом,—усмехнулась Юлия.

— Нет, а правда Феликс хотел стать ксендзом?—спросил Иван.

— Правда. А когда понял, что его первая любовь равнодушна к нему, думал стреляться,—мягко улыбнулся Винценты.

— Как Горький,—сказала Юлия.

— Тот стрелялся от горя,—заметил Грыбас.

— А разве безответная любовь не горе?—изумилась Юлия.—Огромное горе.

Винценты покачал головой:

— Любовь к работе революционера неприложима.

— Винценты,—сказала Юлия,—если вы когда-нибудь скажете такое там, где собираются мои подруги, вам перестанут верить.

— Почему?

— Потому что революция—это любовь.

8

Шевяков вошел к Глазову под вечер. Был полковник рослым, литым, в лице—постоянная озабоченность, редко сменявшаяся быстрой улыбкой, которая на миг делала лицо простецким.

— Что у вас, Глеб Витальевич?—спросил он отрывисто.—По Дзержинскому новостей нет?

— Жду, Владимир Иванович.

Шевяков прошелся по кабинету, заложив руки за спину, хрустнул суставами, скрыл зевоту, присел на подоконник, вдохнул всей грудью ионийский, в липовой кипени воздух, глянул на огни ночной Варшавы и сказал:

— Тоска у нас с вами, а не жизнь.

— Так ведь это прекрасно, что тоска, Владимир Иванович. По нашему ведомству тоска означает благоденствие в государстве.

— Умны вы, Глеб Витальевич, спору нет, а иногда, простите, как сопливый вымазанный рассуждаете.

Глазов вскинул голову: так полковник говорил впервые.

— Это хорошо, что вы не обижаетесь на меня,—продолжал между тем Шевяков, не оборачиваясь от окна, чувствуя спиной изучающе-напряженный взгляд.—Я бы не начал этого собеседования, не присмотрись к вам пристально.

— Я это ощутил.

— С нашими-то филерами и болван ощутит.

— Понять только не могу, зачем вы горничную мою заагентурили? Она ж дура душой.

— Это вам кажется, потому что вы сквозь нее, так сказать, смотрите, а мне она, как отцу родному, душу изливает на ваше барское небрежение. Чтоб утвердиться в человеке, надо про него съзначала плохое узнать, через это хорошее ясней смотрится. Так вот, верю я вам, Глеб Витальевич, а посему нуждаюсь в вашей помощи.

Тут только Шевяков резко обернулся, и Глазов скрыл улыбку—больно уж провинциально играл полковник, как с арестованным студентиком, право...

— Слушаю, Владимир Иванович.

— Да вы улыбнитесь, улыбнитесь,—сказал Шевяков и снова скрыл ленивую зевоту.—Я ж чувю, как вы серьезность храните, а в душе надо мною подсмеиваетесь. Разве нет? Смейтесь, смейтесь, Глеб Витальевич, смейтесь—я на умных беззлбный. Когда вам, кстати, надо долг ротмистру Граббе возвращать?

Глазов папироску затухил в пепельнице, тщательно затухил и ответил негромко:

— Я ж не задаю вопроса, Владимир Иванович, когда вы впервые попросили агента Мстителя расписаться в получении двадцати пяти рублей, а вручили ему только десять.

— Так я отвечу, коли спросили. Год назад попросил. И у других прошу. И клюю; как курочка, так сказать, по зернышку. И сам себе гадостен! Но меня Мститель покроет, а с вас Граббе намерен слезавтра публично, в клубе, потребовать двести рублей к отдаче, иначе грозит ослепить бесчестным жуликом и сквалыгой.

— Какое вы имеете к этому отношение, господин полковник?—спросил Глазов тихо, с угрозой в голосе.

— Прямое,—ответил Шевяков.—Я, так сказать, деньги вам принес, коих у вас нет и к послезавтраму не будет, никак не будет. Честно не будет, во всяком случае.

— Вы хотите сосудить меня до очередной выплаты?

— Это как разговор пойдет. И не ерпеньтесь, не надо. Ей-богу, я к вам сейчас с открытой душой пришел, и предложение мое, буде оно вас не устроит, так предложением и останется.

— Я слушаю, Владимир Иванович.

— Так-то лучше. А то сразу «господин полковник». Предложение мое вот к чему сводится, Глеб Витальевич. Я б даже иначе подступился, не в лоб... Вы ведь в охранном отделении служите семь лет, а за это время одного Владимира получили и звездочку в погон. За семь лет-то! Дела нам нужны, Глеб Иванович, дела. Не Дзержинский страшен—Дзержинские страшны. А если б мы с вами типографийку какую открыли? Объединили бы в ней всех Дзержинских, а потом скопом прихлопнули? Сюда звезда,—Шевяков кинул рукой на погон,—а сюда,—он тронул грудь,—орден, так сказать.

Глазов достал новую папироску, снова долго крошил табак, а потом задумчиво ответил:

— Ну, звезда, ну, орден... Наплодим мы нашей провокацией подполье, не сможем за всем усмотреть—прогонят взащей, скажут: не умели работать, распустили социалистов. Тогда что?

— Так не скажут, если с умом дело поставить. Не скажут, поверьте. Тот полковник, который сидит в департаменте, тоже в генералы хочет. Вы—в полковники. Генерал—вице-министр, я—начальник департамента, вы—глава варшавской охраны. Не надо лишь своею особою жить, Глеб Витальевич. Волк и баран к общности тянутся, вместе живут, один за другим ходят. Мне одному не потянуть—я правду вам открываю. Я серьезного партийного интеллигента не умоваю на работу, а вы сможете. Но ведь коли б я не умел кучера Граббе обламывать, разве б узнали вы, какой вам стыд уготован на послезавтра?

— И все-таки я не до конца понял вашу задумку.

— Я, Глеб Витальевич, хочу охватить.

— Заразиться не боитесь?

— Зараза тех цепляет, у кого в банке тысячи, земли пятьсот десятин или фабрика в городе. Меня не зацепят, мне надежда только одна—на то, что имею, а еще более—на то, что могу, так сказать, заиметь.

— Рискованное дело, Владимир Иванович, сугубо рискованное. А коли не прихлопнете? Слово тем страшно, что, будучи открыто произнесенным, оно не исчезает. Маркс тем страшен, что он постоянно писал, долбил в точку, повторяя одно и то же,—как вы это изымете из голов миллионов? Коли бы вы вашу идею одновременно с реформами законодательством, иным отношением к мужику, университетской перестройкой, тогда, понятное дело, задумка ваша хороша. А ведь реформой не пахнет, Владимир Иванович, не пахнет! Велено: удерживать что есть, никаких новшеств...

— Отсюда, снизу,—раздражаясь, а потому становясь более откровенным, ответил Шевяков,—конечно, мало чего можно сделать в общеимперском, так сказать, плане. А из Санкт-Петербурга можно!

— Как туда попасть?

— При помощи дел! Много вы дел за последние годы помните? Много открыли организаций? То одного берут, то другого, а организация социал-демократов существует! И будет существовать, доколе не охватим! Дай им два-три громких дела—позовут в столицу, это уж мне поверьте, там есть кому поддержать! Но сначала нужны дела, построенные на новой идее!

Шевяков достал деньги и положил их на стол перед Глазовым.

Глазов деньги взял, спросил:

— Расписку написать или на слово поверите?

— Напишите, Глеб Витальевич.

Глазов быстро написал на листочке бумаги несколько слов, протянул бумагу Шевякову:

— Вот вам вместо расписки.

Шевяков прочитал текст:

«Иркутское жандармское управление. Срочно установите засаду на квартире ссыльного поселенца Крабовского, туда может прибыть особо опасный преступник Дзержинский».

9

Крабовский жил во флигеле. Идти туда пришлось по двум кедровым доскам, брошенным через лужу.

Дзержинский постучал костяшками пальцев в окно. Никто не ответил.

— Ты убежден, что Крабовский ждет?—спросил Сладкопевцев.

— Да,—ответил Дзержинский и постучал еще раз.

В глубине комнаты вспыхнула спичка. Потухла. Вспыхнула еще одна, потом свет стал устойчивым, постоянным—зажгли лампу.

— Кто?—спросил Крабовский шепотом.

— Это я. Переплетчик.

— Входи,—сказал Крабовский.—Ты не один?

— Во-первых, здравствуй,—сказал Дзержинский.

— А что во-вторых?—Крабовский обернулся и, потерев грязными пальцами волосатую грудь, поставил лампу на кухонный стол.—Вылить хотите с дороги?

Не дожидаясь ответа, он достал с полки бутылку, вытащил из-под скамьи кастрюлю с вареным картофелем, который плавал в холодной голубоватой воде, и поставил три стакана.

— Садитесь,—сказал он.—Спать придется на полу. Одежд нет.

— Нас ждет извозчик: у нас десять минут всего,—сказал Дзержинский.—Тебе прислали для меня денег и паспорт?

— Я взял из них пятнадцать рублей. Не взыщи. Я ждал тебя неделю назад. Вот,—он ткнул пальцем в бутылку,—это последний рубль из тех пятнадцати, которые я взял.

— А паспорт?

— Паспорт? С паспортом хуже. Я продал твой паспорт, Переплетчик. Нет, нет, верною человеку, не думай,—хмыкнул пьяно,—за тридцать сребреников...

Налив водку в стаканы, он подвинул Дзержинскому и Сладкопевцеву, достал две вилки и ложку.

— Отдай то, что есть,—сказал Дзержинский.

Крабовский ударил по стаканам Дзержинского и Сладкопевцева и, не дожидаясь, пока они выпьют, опрокинул водку в широко открытый, алчущий рот. Шумно занюхав рукавом грязного, рваного халата, он ушел в комнату и вернулся оттуда с конвертом в руке.

— Не обессудь, Переплетчик. Здесь все, что осталось.

Дзержинский открыл конверт, пересчитал ассигнации, прочел записку, сжег над лампой.

— Что произошло, Казимеж?

— Что произошло?—переспросил Крабовский, наливая себе водку.—Ничего странного, а тем более страшного. Я устал, вот и все. Мне надоело. Я не верю больше. Я написал царю прошение о помиловании. Достаточно?

— Вполне.

— И тебе тоже надоест. Ты тоже устанешь ждать годы. Мне пятьдесят, и я четвертый раз в ссылке. Я посмотрю, как ты будешь чувствовать себя в пятьдесят, когда жизнь прошла, ничего нет, а ты окружен пьяным сбродом, и тьма обступает тебя, тьма! А жизнь не повторись! Я не знал ни любви, ни отцовства, ни ласки. Какие мы смелые в двадцать пять лет! Доживи до сорока хотя бы. Я посмотрю, каков ты будешь в сорок. Я теперь в церковь хожу—понял?! Там тепло! Там не страшно! Революция... Ты ее видел в глаза? Мы живем иллюзией! Столетия должны пройти, прежде чем революция станет возможной здесь, в этой глухой тьмутаракани! А в Женеве? Большинство, меньшинство, центр! Спорят, болтают, теорию изобретают... Здесь бы пожили...

— Они здесь все свое пожили,—ответил Дзержинский и, поднявшись, сказал Сладкопевцеву:—Пойдем, товарищ.

...Они вошли в буфет первого класса—там не было городских. Спросив чаю, сели в углу, под пальмой, спинами к окну.

— Какой ужас,—тихо сказал Сладкопевцев.—Кто он? Дзержинский молчал.

— Ты его давно знал?

— Да.

— Он много раз был в тюрьме?

— Четыре. Но это не оправдание,—брезгливо поморщился Дзержинский.—Революционер знает, на что идет...

— Семья есть?

— Кажется, тетушка... Или бабка—не помню. Очень хорошо свинину готовила на рождество—свежого копчения, почти без сала, с укропом и тмином.

— Не очень-то говори о еде... Нам придется голодать неделю. Как теперь быть с паспортом?—Он достал из кармана серую книжницу, протянул Дзержинскому.

— Оставь себе.

— Это ж твой, Феликс.

— Какая разница? Один на двоих. Поедем в поезде. Вроде палы с сыном.

— Какой ужас,—повторил Сладкопевцев.

— К вопросу о необходимости железной дисциплины,—заметил Дзержинский.—А ты говоришь: мы догматики.

— Это не вопрос дисциплины.

— А что это?

— Нравственное падение.

— Нравственное падение невозможно для человека, добровольно принявшего на себя бремя дисциплины,—чеканно ответил Дзержинский.—Самоограничение—во имя других, страдание—во имя других. Когда свершится революция, главное для нас—сохранить нравственные критерии времен борьбы. Если потомки победителей станут упиваться победой и забудут о страданиях других—нас проклянут, не их.

...В квартиру Крабовского без стука ворвались жандармы, ринулись обсматривать закутки, шкаф, погреб.

— Где Дзержинский?—спросил офицер.

— Не знаю.

— Он был у вас?

— Не был.

— А стаканы чьи?!—Офицер кивнул на стол.

— Отца и сына,—усмехнулся Крабовский.—А Дзержинский—святой дух, хрена вы его поймаете. Хрена!

10

Шевяков заглянул в кабинет Глазова без стука.

— Не простил бы провала у Крабовского,—сказал Шевяков,—коли бы не ваша Гуровская...

Глазов поднял глаза на Шевякова.

— Вот.—Шевяков достал письмо из десятка других, по форме похожих.—Извольте. Ваша кандидатура клонула...

— Дайте...—хмуро сказал Глазов и пробежал текст: «Ввиду крайне тяжелого материального положения, в коем я оказалась, хотела бы увидеться с чинами охранного отделения Варшавы для беседы о моем возможном сотрудничестве. Я хорошо знакома с Розой Люксембург, Леоном Тышкой и Адольфом Варским в ЦК социал-демократии Польши и Литвы, а в Варшаве мне известны Винценты Матушевский, Мечислав Лежинский и Дзержинский, когда он еще не был арестован. За услуги я хочу получать не менее ста рублей в месяц. Елена Гуровская, Варшава, отель «Лион», тел. 64-91».

— Разыграем?—усмехнулся Шевяков.

Глазов поднял трубку телефона, назвал барышне номер «64-91» и начал крошить длинную папироску, ожидая ответа.

— Да.

Голос был ломкий, ждущий, красивый.

— Вы писали нам,—сказал Глазов.—Вот я и звоню. Добрый вечер, госпожа Гуровская.

Глазов усадил Гуровскую в кресло, предложил чаю с лимоном и осведомился:

— По отчеству как позволите вас называть?

— Казимировна. Елена Казимировна.

— Меня зовут Глеб Витальевич. Рад знакомству и благодарю за ваше письмо с предложением сотрудничества. Но сразу хочу сказать вам, Елена Казимировна: о ста рублях не может быть и речи. Бога ради, не сердитесь. Мы сто рублей редко кому платим.

— О какой сумме следует говорить?

— Прежде чем я отвечу вам, соблаговолите объяснить, на какие цели вам надобны деньги.

— У меня есть друг... Он голодает.

— Ваш друг живет в Варшаве?

— Да.

— Его имя?

— Этого я вам не открою.

— Его зовут Владимир Ноттен,—тихо сказал Глазов.

В дверь постучали.

— Я занят,—негромко сказал Глазов, но дверь все же открылась, и в кабинет проскользнул Шевяков.

— Не помешаю, Глеб Витальевич?—спросил он и учтиво поклонился Гуровской.

— Коли пришли—сидите... Это мой помощник.—Глазов продолжал розыгрыш.—Владимир Иванович милый и добрый человек.

— Спасибо за аттестацию,—улыбнулся Шевяков.—Так вот, чтоб не затягивать беседу,—вы потом с Глебом Витальевичем все мелочи обговорите—о нашем предложении. Вы—к нам, мы—к вам, сразу, как говорится, друг к другу. Ноттену мы поможем, об этом...

Гуровская перебила его:

— У вас принято подслушивать?

— Нет, нет, это у нас запрещено категорически,—нахмурился Шевяков.—Категорически! Имя Владимира Карловича Ноттена мне известно не первый месяц—нервен, как всякий талант—что одному скажет, что другому, а ведь к нам все сходится, к нам, Елена Казимировна. Вы только ему, спаси господь, не вздумайте чего-либо открыть—потеряете навеки. Наоборот, как это у товарищей эсеров: «в борьбе обрешь ты право свое»? Вы продолжайте быть его единомышленницей, иначе горько ему станет, горько до полнейшей безысходности. И чтобы легче вам, так сказать, обоим было, а особенно, Елена Казимировна, вашему другу, мы позволим вам поставить подпольную типографию.

— Какую типографию?—изумилась Гуровская.—Я ничего не понимаю... Я могу помогать в ином: я сдружилась в Берлине с Розой Люксембург, Дзержинского по Варшаве знала...

— Это мы прочитали,—продолжал Шевяков, словно бы не слышав Гуровской.—Вы про это обстоятельство, так сказать, попозже изложите и адреса дадите, какие вам известны, а особенно Дзержинского. Но давайте и про типографию подумаем. Согласитесь оборудовать хорошую типографию, где можно печатать горькие рассказы Ноттена, которые цензорский комитет не утверждает? Или поостережетесь?

— Ноттен будет в безопасности?

— В полной.

— Что бы ни печатал?

— Что бы ни печатал.

— Согласно.

— Вот вам ручка, Елена Казимировна, и напишите нам то, что вам известно о Люксембург Розалии Эдуардовне.

— Что именно?—насторожилась Гуровская.

— Кто из русских бывает у нее в доме? Часто ли видится с Лениным, Плехановым, Мартовым? Ее навещают поляки из Варшавы и Лодзи, нас интересуют содержание бесед, их планы.

— Я напишу вам, а вы напишете мне: «Гарантирую безопасность писателя Ноттена».

— Хорошо,—после паузы ответил Шевяков.

...Через два дня Гуровская привезла Владимира Ноттена на квартиру, кивнула на маленький станок.

— Что это?—спросил Ноттен.

Гуровская взяла из наборной кассы шрифт, сложила его в держалку, положила в пресс, разгладила листок бумаги, нажала на рычаг; отпечаталось крупно: «ВЛАДИМИР НОТТЕН. РАССКАЗЫ О ГОРЕ».

— Геленка,—прошептал Ноттен,—откуда это, родная?! Это же... Это ведь жизнь моя!

И он обнял женщину и не увидел ее окаменевшего лица.

11

В купе у миллионера Николаева и его американского губернатора Джона Скотта—два новых соседа, Дзержинский и Сладкопеев.

Николаев слушал Сладкопеева сонно, прислонясь виском к стеклу окна, а тот разорялся, играл роль богатого купца.

— Мы поехали с управляющим,—кивнул на Дзержинского,—по сибирским весям. Ходят там по золоту, не хотят

нагнуться! Губернаторы—хряки, болваны болванами! Чтобы хоть какой подряд получить—тысячу столоничальников обойди, каждому презент, каждого неделю жди, а время-то, время летит!

— Тайм из манэй,—согласился Николаев,—это верно. Согласен, Джон Иванович? Или спорить станешь, гувернер?

— С тобой, пьяным, нет дискашенс, ты пьяный—эн идиот, рилли, эн идиот.

— Демократия у нас с гувернером,—вздыхнул Николаев и повел глазом на бутылку.

Джон Иванович понял, поднялся, наполнил рюмки.

— Хорошая у нас демократия,—продолжал Николаев, вылив.—Я, ежели рассержусь, прогоню Джона Ивановича в зашей, а он это знает, а потому идиотом меня обзывает только за дело, когда моя дурь и ему опасна.

— Мне дурь твоя не данжерос,—ответил Скотт.—Чем же она мне опасна?

— А тем, что, коли переберу, попрошу непотребства, а тебе его надобно исполнить—поди-ка не выполни,—а разве непотребство не опасно? Коли к тому же от дури?

— Да будет вам, Кирилл,—продолжал игру Сладкопеев и отпил свою рюмку до половины.—Я об серьезном, право же.

— И я об том же. Вы все больше по Германиям, милый, а я с Джоном Ивановичем в Нью-Йорке делу учился. У них дело словес не боится, что не так—доллар в зубы, «ай эм взри сорри», в ваших услугах больше не нуждаюсь. И все. Они это с молоком матери усвоили, они болтают, что хотят, пока не началась работа. Для них страшнее мастера зверя нет; он за качеством труда смотрит. А у нас болтун—самый страшный зверь, к нему все прислушиваются, к журналисту-бумагомарателю, к социалисту, к недоучившемуся студенту. В то время как,—Николаев снова поглядел на бутылку, и Джон Иванович быстро наполнил рюмки—свою и ученика,—страшны ему, хряку-губернатору, мы. Люди дела. Он думает войском принудить людийшек к работе, полицией, страхом—сие невозможно. Рублем—да. Придет время—принудим. Доброе это будет принуждение, все останутся в выгоде, все, кроме губернатора: он тогда, как дед-мороз в мае, будет. И он это прекрасно понимает,—трезво, чуть подавшись вперед, закончил Николаев.—А вы мне про губернаторский идиотизм. Никакой это не идиотизм, а способ борьбы за существование.

— Райт,—сказал Джон Иванович.—Верно.

...Паровоз, хлестанув тугой струей снежного пара жаркие от полуденного зноя доски платформы Казанского вокзала, дрогнув, остановился.

Сладкопеев, продолжая с улыбкой смотреть на соседей по купе, на Джона Ивановича, собиравшего баулы, заметил в окно двух жандармов в белых френчах, которые сверлили глазами пассажиров, вываливавшихся из вагонов, и понял: ждут. Толкнул ногой Дзержинского. Тот сразу же налил в рюмки, поднял свою и предложил:

— Милый Кирилл, дорогой мой собрат и хозяин, Анатолий! Я прошу вас выпить за Джона Ивановича. Мы не знали забот те дни, что продолжался наш путь. Я думаю, что и здесь, во время пересадки, мы ощутили себя воедино собранными и по-американски организованными волею, голосом и умением Джона Ивановича! За нашего организатора и учителя в деле бизнеса вообще, а дорожного—в частности!

Выпили, подышали шоколадкой. Николаев закусил лимоном с икоркой. Джон Иванович подождал, пока все поставили рюмки на столик.

— Сэнкью, бойс,—только после этого махнул.

Дзержинский рассчитывал точно. Джон Иванович, выпив, поднялся и вышел на перрон. Слышно было в купе, как раскатистым, зычным басом он крикнул:

— Начильчик! Багадж!

Один из жандармов метнулся на иностранный голос, взял под козырек, махнул рукой носильщику.

— Хорошо иностранцу, он и на родине у себя иностранец,—зло усмехнулся Дзержинский.

Николаев мазанул его стремительным взглядом, ничего не ответил, лицом только загрустил, но, когда перебрались на другой вокзал, заняли купе, снова потребовал бутылку у Джона Ивановича и продолжил свое:

— Я чище вас всех русский, а Москву не люблю. Она слишком уж своя. У них в Америке к чужим камням уважительные, оттого и своих махин понастроили, чтоб детям дать гордую в себе уверенность. А мы лапти лаптями, все вишир норовим, тогда как этот век пойдет вверх, от земли—к городу.

— Я бы так легко мужиков не сбрасывал,—не удержался Сладкопеев,—в конечном итоге их, бедолаг, в империи сто миллионов.

— Не в конечном,—заметил Дзержинский.—В начальном. Сиречь в нынешнем. В конечном их будет значительно меньше. Если серьезно думать о развитии, мужик сейчас потребен городу, промышленность станет пожирать деревню, вбирать ее в себя.

— Утопизм это,—не согласился Сладкопеев.—Жестокый утопизм. Никогда город мужика не вберет.

— Ваш управляющий прав, господин Нофохилаф,—сказал Джон Иванович,—однако сейчас вам, бизнесменам, более выгоден мужик в его первоизданном виде.

— Сейчас,—подчеркнул Николаев.—Что такое «сейчас»? «Сейчас» исчезнет, как только мужик придет к нам, на стройку железной дороги и объединится в артель. Появится агитатор, мужик начнет требовать. А чем вы ответите? К

губернатору на поклон: «Дайте, ваше сиятельство, солдатиков!»

— С помощью солдатиков не удержать,—заметил Дзержинский.—Когда строят на века—радость должна быть, а не понукание. На штык надежда плоха, если серьезное дело затеваешь, тут иные побудительные мотивы должны присутствовать.

— Вам бы в мой бизнес, Юзеф, я бы с таким бизнесменом столкнулся—на ближайшем обозримом будущем. Или уж ваяйте в социалисты, а?

12

Шевяков оглядел Владимира Ноттена с ног до головы и сказал тихо:

— Отпираться, господин Ноттен, бесполезно, ибо заарестовали мы вас в типографии революционерки Гуровской, а по статье 102 законоположения нелегальная социалистическая типография, владение ею, покрывательство, а равно, так сказать, пользование влекут за собой суд и ссылку на каторжные работы. Это вы понимаете?

— Это я понимаю. Однако речь упирается в то, какого рода литературу вы нашли в типографии. Возмутительного содержания?

Шевяков не ожидал встречного вопроса, кашлянул, поискал глазами ротмистра Глазова, но тот молчал, безучастно сидел в уголке кабинета и чистил ногти острием перочинного перламутрового ножичка.

— Тут дело не в возмутительном содержании, Владимир Карлович,—ответил Шевяков.—Дело тут в том, что сейчас я сюда под конвоем Елену Казимировну доставлю, и дам вам очную ставку, и обоих заточу в тюрьму.

— Это угроза? Я протестую решительным образом!

— Не торопитесь со мной ссориться, Ноттен.—Шевяков ударил по столу, но по реакции Ноттена понял сразу, что опоздал, что сразу надо было кулаком по столу бить, ногами на поэта топтать, сейчас поздно.

— Оставьте нас,—попросил вдруг Глазов, и Шевяков вздрогнул: хотя голос ротмистра казался бесстрастным, но заложено было в нем то особенное, что заставило полковника увидеть себя со стороны маленьким и жалким.

Ротмистр проводил глазами Шевякова и жестом пригласил Ноттена сесть напротив него в мягкое кресло, обитое красной кожей.

— Вы согласитесь,—шепнул Глазов.

— Что?—так же шепотом спросил Ноттен.

— Вы согласитесь служить охранке.

Ноттен покачал головой и смог улыбнуться.

— Согласитесь,—настойчиво повторил Глазов.—Если вы пришли в революцию не в бирюльки играть, а бороться—согласитесь. Запомните имя: Феликс Дзержинский. Вы его должны отыскать. А отыскав, вы ему скажете правду, скажете, что были арестованы и согласились работать на полковника Владимира Ивановича Шевякова. Понятно? Когда будете Дзержинского искать—через Гуровскую, естественно,—имейте в виду, что за вами могут следить. Вас окружают людьми Шевякова, ваши добрые знакомцы станут отныне доносить ему о каждом вашем слове. Двойников мы уничтожаем. Люди Дзержинского—тоже. Если вы скажете Шевякову о моем предложении, он в силу своей духовной структуры вам не поверит, он обязан верить мне. Если скажете о нашем разговоре Гуровской—потеряете ее навеки.

— Это мне ясно совершенно. Если, однако, меня Дзержинский спросит, кто дал мне рекомендацию согласиться?

— Я, Глазов Глеб Витальевич, дал вам такую рекомендацию.

— Я вам вот что скажу, Глеб Витальевич, не надо считать, что перед вами сидит ничего не понимающий человек. Вернется ваш полковник, а я что, так-таки прямо ему и скажу: «Согласен»? Он ведь мне ничего не предлагал?

— Хорошо мыслите, Ноттен, очень рапирно, я бы сказал, мыслите.

— И потом—какая будет выгода революционерам, согласись я с вашим предложением?

— Большая.

— Именно?

— Они будут знать, чего мы хотим, кем интересуемся, что замышляем. Коли согласитесь—я дам вам пистолетик. Он хоть и дамский, но с двадцати шагов бьет наповал. Увидите за собой слежку, когда будете Дзержинского искать, поймете, что привели за собой филеров к Феликсу,—бейте. Последнюю пулю советую оставить себе: за убийство филера вас повесят. Это противно: большинство обреченных превращается в слезливых, безразличных животных. Последнее—он, кажется, идет... Кличку себе возьмете—«Красовский».

— Красовский? Есть профессор Красовский—пан Адам Красовский,—удивился Ноттен.

— Есть.

— Бред какой-то,—сказал Ноттен.—Ничего не понимаю.

— Чего ж тут не понимать? Все ясно как белый день: попались по дурости, потому что кустарем работать глупо. Без помощи Дзержинского не взлетите. Сейчас в издательской словесности трудно—даровитых много, и все вокруг жареного вьются. Чехов—один, Сенкевич—один, Прус—один. И все. Так что личностью себя проявить в литературе тоже не так-то просто. А то, что я предлагаю,—ого! Грохот пойдет по миру, ваше имя на скрижали занесут.

Продолжение следует.

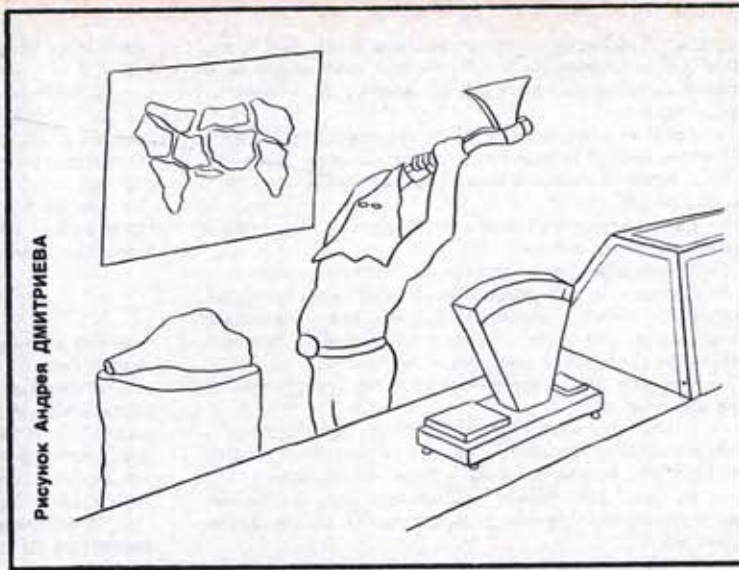

Рисунок Андрея ДМИТРИЕВА

Рисунок Валерия АШМАНОВА

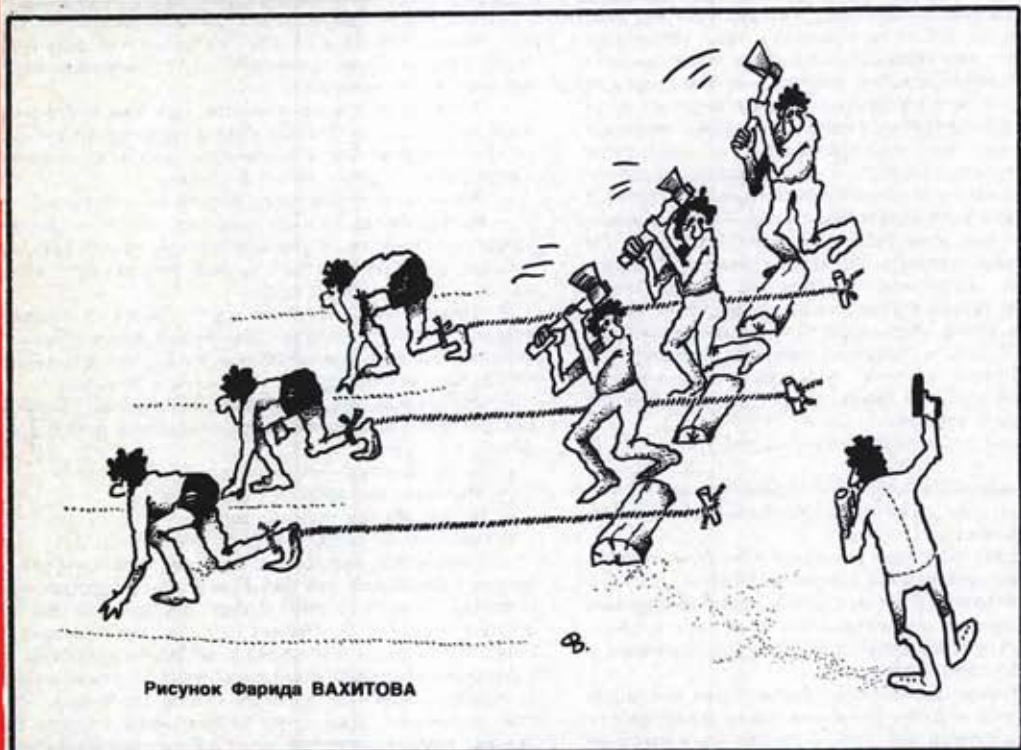

Рисунок Фариды ВАХИТОВА

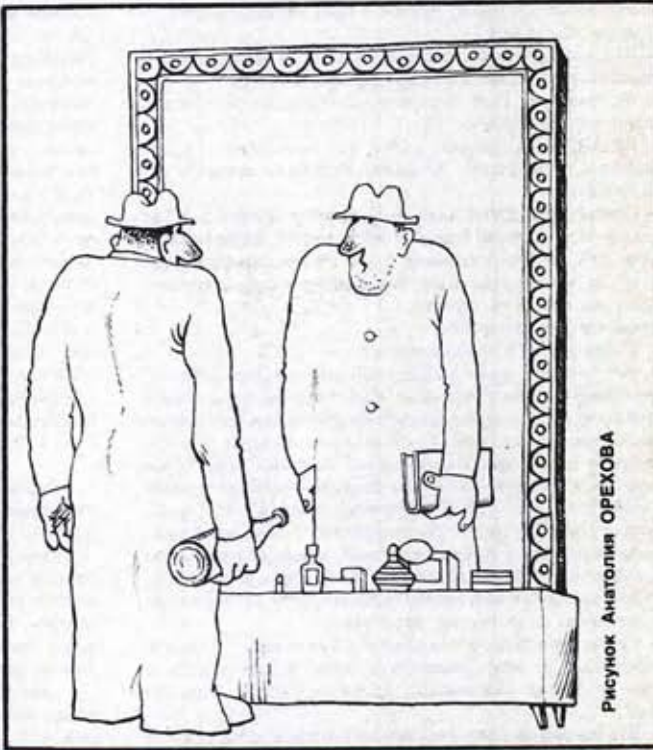

Рисунок Анатолия ОРЕХОВА

ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ | Под редакцией заслуженного тренера РСФСР Виктора ЛЮБЛИНСКОГО | ШАХМАТЫ ШАХМАТЫ

ПОБЕДА В СЬЕНФУЭГОСЕ

Сильным по составу участников выдался в нынешнем году традиционный международный турнир в Сьенфуэгосе, посвященный памяти прославленного кубинского шахматиста, третьего в истории шахмат официального чемпиона мира Хосе Капабланки (1888—1942 гг.). Напряженная

борьба привела к победному финишу двух молодых гроссмейстеров — 25-летнего Олега Романишина из Львова и 23-летнего кубинца Гильермо Гарсия. В активе обоих лауреатов по 13,5 очка из 17 возможных, и лишь по дополнительным показателям шкалы коэффициентов первый приз достался советскому гостю.

Такая позиция создавалась в по-

единке Романишина с мастером А. Вальдесом (Куба) после 22-го хода черных. Заметим, что несколько ранее игравший белыми львовянин ради инициативы пожертвовал пешку. И сейчас, хотя наиболее опасные фигуры — ферзи уже исчезли с арены боя, белые искусно развивают наступление.

23. Лf1—f6 Кe6—d4 24. Лd1—f1 Сс8—e6 25. b4—b5 Лa8—e8 26. Ke5:g6!

Именно эта комбинация позволяет белым перевести борьбу в русло весьма выгодного для них окончания. Черные же надеялись на вариант 26. ba? С:d5, обещавший им определенные контршансы.

26. ...Ce6:d5 27. c4:d5 f7:g6 28. Лf6:g6+ Kpg7—h7 29. Лg6—f6+ Kph7—g7 30. Лf6—g6+ Kpg7—h7 31. Лf1:f8 Le8:f8.

Белые находят точный отскок ладьи, приводящий к выигрышному эндшпилю. А вот направляющаяся продолжение 32. Лf6+ Kpg7 33. Л:f8? Кр:f8 34. ba упускало бы преимущество из-за хорошего для черных хода 34. ... b6!

32. Лg6—b6+! Kd4:c2 33. Лb6:b7+ Kph7—g6 34. Kpc1:c2 Ка6—b8 35. Лb7:a7 Лf8—d8 36. Ла7—a8! Kpg6—f5 37. a3—a4!

Почувствительный пример того, что в концовках проходные пешки, рвущиеся в ферзи, зачастую гораздо мощнее фигуры.

37. ... Kpf5—e5 38. a4—a5 Лd8—g8 39. Kpc2—c3 Kpe5:d5 40. a5—a6 Лg8—e8 41. a6—a7, и черные сложили оружие.

Здесь вы видите положение, возникшее после 22-го хода белых в партии Гарсия, игравшего черными против гроссмейстера И. Фараго (Венгрия). Внешне рискованным, но глубоко продуманным пешечным прорывом на королевском фланге черные вскрывают линии и оживляют игру.

22. ... g6—g5! 23. h4:g5 Kh7:g5 24. Cd2:g5 Ce7:g5 25. Kd1—e3 Лf8—g8 26. Ke3—f5+ Kpg7—f8 27. Kpg1—f1 Сс8:f5 28. e4:f5 h5—h4! Кубинец действует в сложной обстановке весьма дальновидно: он продолжает расчищать забытые пешками магистраль и, умело

маневрируя своими фигурами, добивается их наилучшей дислокации.

29. g3:h4 Cg5:h4 30. Cd3—e4 Ch4—g5 31. Лb1—b7 Ke8—f6 32. Le1—b1 Fd8—a5 33. Лb1—b3.

Действия ладейного дуэта белых на ферзевом фланге и захват ими вертикали «b» на проверку оказываются «ударом по воде». Операции же черных победоносно развиваются, даже несмотря на вызванный белыми размен ферзей.

33. ... Лg8—h8! 34. Kpf1—g1 Ch5—f4 35. f2—f3 Kpf8—g7 36. Фс2—с3 Фа5:c3 37. Лb3:c3 Лh8—h6 38. Kg2:f4 e5:f4 39. Лс3—с2 Kf6:e4 40. f3:e4 Kpg7—f6 41. e4—e5+ d6:e5, и белые пошли на капитуляцию.

АЛЕХИН ШУТИТ...

Презабавную (и не такую уж простую!) задачу придумал как-то первый русский чемпион мира Александр Алехин (1892—1946 гг.).

На шахматной доске исходное положение перед началом партии. Игравший белыми делает кряду четыре обязательных хода — 1. f2—f3, 2. Kрe1—f2, 3. Kpf2—g3, 4. Kpg3—h4. Как надлежит действовать черным (их ответные ходы могут быть тоже, по существу,

несуразными, но не противоречащими правилам шахматной игры), чтобы на четвертом ходу объявить мат королю белых, появившемуся на поле «h4»?

ВНИМАНИЮ ЧИТАТЕЛЕЙ

Сообщаем, что свою 20-ю, юбилейную шахматную олимпиаду «Смена» открывает в одном из ближайших номеров. Займет она любителей шахмат примерно до середины будущего года. А затем мы проведем очередную шахматный конкурс. Материалы об итогах 19-й олимпиады и завершающего сейчас конкурса будут опубликованы по завершении работы жюри, которая ввиду большого наплыва читателей писем продлит свое несколько месяцев.

Наш адрес: 101457, ГСП, Москва, А-15, Бумажный проезд, 14. Телефон для справок: 253-30-87. Рукописи, фото и рисунки не возвращаются.

Сдано в набор 18/VI 1977 г. А 09273. Подписано к печати 2/VIII 1977 г. Формат 70x108¹/₂. Усл. печ. л. 5,60. Уч.-изд. л. 11,55. Тираж 1200000 экз. Изд. № 1968. Заказ № 860. Ордена Ленина и ордена Октябрьской Революции типография газеты «Правда» имени В. И. Ленина 125865, Москва, А-47, ГСП, улица «Правды», 24.

ПАМЯТЬ

Слова
Давида САМОЙЛОВА.

Музыка
Микаэла ТАРИВЕРДИЕВА.

Я зарастаю памятью,
Как лесом зарастает пустошь,
И птицы-память по утрам поют,
И ветер-память по ночам гудит,
Деревья-память целый день
лепечут,
И там, в пернатой памяти моей,
Все сказки начинаются однажды,
И в этом однократность бытия
И однократность утоленья жажды.
Но в памяти моей такая скрыта
мощь,
Что возвращает образы и множит.
Шумит, не умолкая, память-дождь,
И память-снег летит и пасть
не может!

КРОССВОРД

Составил П. ПАТРАБОЛОВ,
Краснодон

По горизонтали:

5. Башенный охладитель воды. 7. Город в Абхазии. 11. Молочный продукт. 12. Русский писатель XIX века. 14. Рыба семейства корюшковых. 15. Роман И. С. Тургенева. 16. Вид изобразительного искусства. 18. Духовой музыкальный инструмент. 20. Подземная горная выработка. 22. Болгарский писатель. 24. Атмосферные осадки. 25. Шахматная фигура. 26. Стихотворение Н. А. Некрасова. 27. Музыкальное произведение в четком ритме. 29. Птица, обитающая на южных побережьях. 32. Инструмент в виде щипцов. 34. Виртуозная музыкальная пьеса. 36. Река в Казахстане. 37. Узкая цветочная грядка. 40. Бубен народов Средней Азии. 42. Птица семейства ястребиных. 43. Страна в Африке. 44. Симфоническое произведение Б. Сметаны из цикла «Моя родина». 45. Элемент конструкции крыла самолета. 46. Государство в Западной Европе.

По вертикали:

1. Сорт яблок. 2. Река в Польше. 3. Архитектурный стиль. 4. Величина, характеризующая степень отклонения от прямой. 6. Штат в США. 8. Венгерский народный танец. 9. Приспособление для сортировки зерна, щепня. 10. Приток Оки. 11. Резущий инструмент. 13. Общее название протона и нейтрона. 17. Почва, соприкасающаяся с корнями растений. 19. Столица Мавритании. 21. Теория и практика ведения боя. 22. Деталь прокатного стана. 23. Итальянский композитор. 28. Столица государства, граничащего с СССР. 30. Водоскат на юге Финляндии. 31. Народный артист СССР. 33. Регулятор в часовом механизме. 35. Небольшой сольный номер в опере. 36. Одна из ярких звезд в созвездии Близнецов. 38. Остров у берегов Югославии. 39. Горная система в Турции. 41. Деталь для скрепления частей сооружений и машин. 42. Работник животноводства.

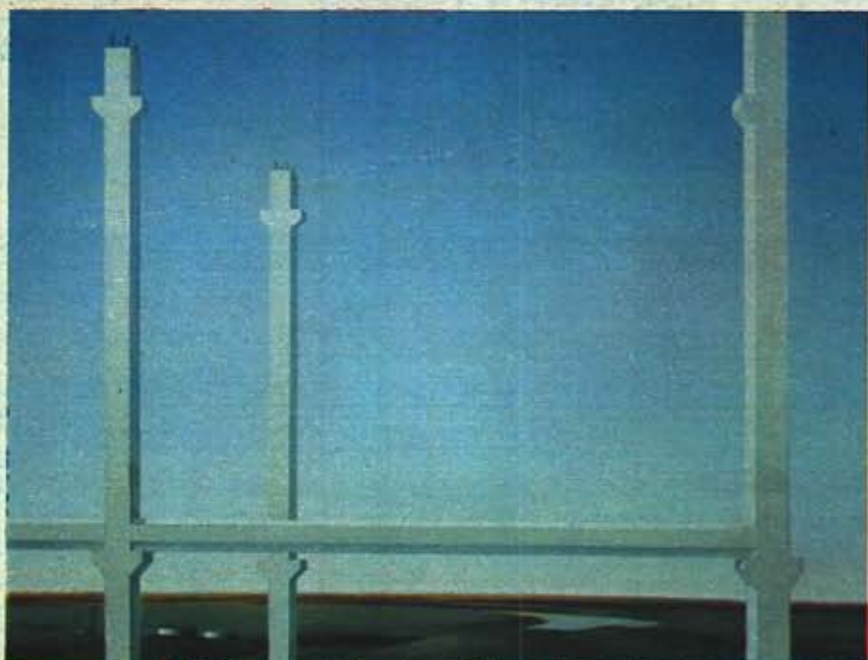
ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД НАПЕЧАТАННЫЙ В № 16

По горизонтали:

7. «Высота». 8. Ереван. 9. Волонтер. 11. «Торпедо». 12. Стайер. 13. Карим. 15. Прима. 16. Кампанелла. 17. Пассакалья. 19. Лубок. 21. Евлах. 23. Зарема. 25. «Виринея». 26. «Арсенал». 27. Моцион. 28. Оливин.

По вертикали:

1. Рыжова. 2. Боровик. 3. «Манас». 4. Тенор. 5. Темпера. 6. Тандем. 10. Степанская. 11. Телеграмма. 14. Маршак. 15. Платье. 17. Позитив. 18. Явление. 20. Унисон. 22. Анализ. 23. Зернь. 24. Аргон.

ВЕРТИКАЛИ В ЗАВТРА.

Мы разговаривали с Яном Крыжевским в начале лета прошлого года, когда он работал над полотном «Бело-голубой день». Сегодня эту картину хорошо знают зрители. Почти три месяца — двойной почетный срок — она демонстрировалась в Центральном выставочном зале, сначала на всероссийской выставке «Молодость России», затем на всесоюзной — «Молодость страны».

— Я хочу, — говорил тогда художник, — чтобы моя картина, ограниченная прямоугольником рамки, воспринималась и как законченное целое и как частица бескрайнего мира, связанная с ним тысячами живых нитей.

Ян Крыжевский закончил Уфимское художественное училище, затем поступил в Латвийскую Академию художеств. Молодой живописец упорно искал свой язык, стремясь к той целостности и законченности формы, которая свойственна самой природе.

Потом, уже на родине, все то, что он открывал в искусстве долго и трудно, вдруг обнаружил себя во внезапной творческой вспышке. За один месяц были написаны двенадцать пейзажей, которые вес-

ной 1974 года выставлялись на Башкирской республиканской молодежной выставке, и среди них «Уфимские горизонты», «Край нефти», «Вертикали в завтра», получившие затем широкую известность.

Так осуществилась его давняя мечта — создать живописный образ-символ. Еще диплом в училище был задуман им как символическая композиция, рассказывающая о событиях 1905 года, о которых Ян Крыжевский знал не только по учебнику истории: за участие в первой русской революции его дед, литовский рабочий, был сослан на Урал... Та картина не получилась, потому что в то время художник был еще в самом начале бесконечной дороги к совершенству. Зато сегодня он значительно продвинулся вперед на этом пути. Создав полотно «Бело-голубой день», лауреат премии Ленинского комсомола Ян Крыжевский сумел извлечь из множества сменяющихся друг друга картин действительности особенный, неповторимый и в то же время узнаваемый образ, который для очень многих зрителей станет драгоценной частицей их собственного духовного мира.

Эльвира ПОПОВА

ПОРТРЕТ МОЛОДОЙ ЖЕНЩИНЫ.

С веточкой вербы в руке

ВЕТЕР ВЕСНЫ.

СЧАСТЛИВОЕ ЛЕТО.

